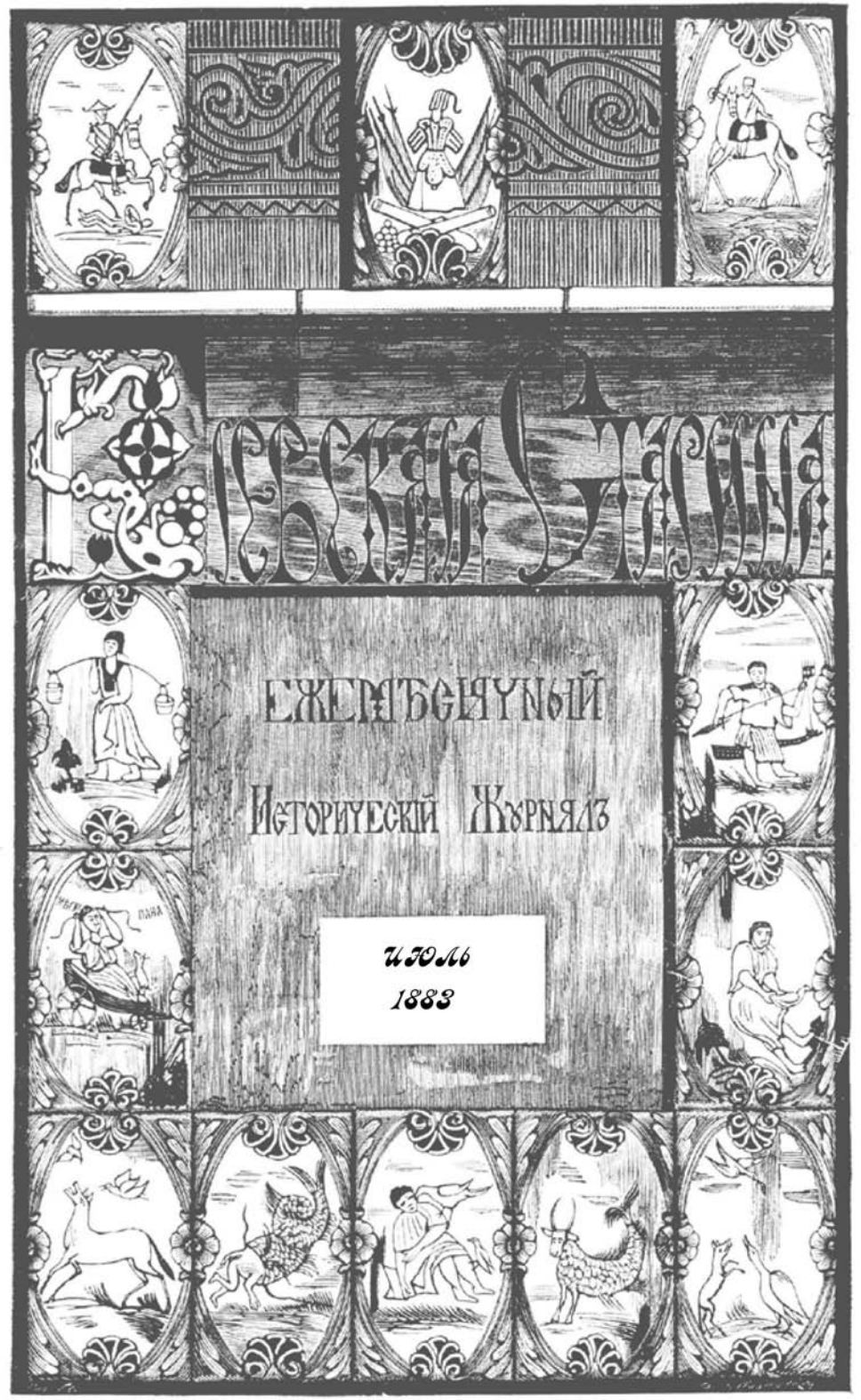
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Іюль
1883

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

стр.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ (историко-этнографическія замѣтки). **Ир. Житецкаго** 1

II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. **В. Ястребова** 30

III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ). **А. Барымова** . . . 49

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Продолженіе*). **Г. Булашева** 66

V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). **Адріана Прахова** 97

VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУШИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛІЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНІИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ **В. Т. М—чъ** 111

VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). **Ал. Андр—скаго** 127

VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. **В. Антоновича.** 140

IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. **В. Горленка** 146

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.—*Т—скаго.*—б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.—*Ивана Матченка.*—в) Географія кіевской губерніи. Сост. П. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.—г) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. П. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.—*В. А.* 155

стр.

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. *П. Ефименка* —б) Археологическая находка въ Черниговѣ. *А. Ханенка.*—в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. —г) Князь Яблоновскій въ неловкомъ положеніи. *И. Л.*—д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. *П. Саббатовскаго.* —е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. *А. Скальковскаго.*—ж) Еще объ украинской злополучницѣ. *Ц. Г. Неймана.* 169

Іюнь, 1883 г.

стр.

I. Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. **Н. Маркова** 193

II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. **В. Науменка**. 212

III. БѢГЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. **Ф. Щербины** . . . 233

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Окончаніе*). **А. Л. Шиманова** 249

V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія І. (Переводъ съ польскаго). 268

VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщилъ свящ. **Левандовскій**. 310

VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-й ВЪ 1764 ГОДУ.—Сообщ. проф. **А. Ѳ. Кистяковскій** 317

VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. Ѳ. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ 346

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусскія изданія 1882 года.—б) Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)—*В. І—ка*. 353

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).—*П. Ефименка.*—б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Иванѣ Куцковичѣ.—Сообщ. *А. С—ко.*—в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія.—г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери?—*П. Л—ва.*—д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—е) «Гнідко», варіантъ Кармелюка.—*Александра Ом—скаго.*—ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в.—Сообщ. *Ал. Маркевичъ.*—з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ.—Сообщ. *П. Д—въ*. 371

стр.

Іюль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (*Продолженіе*). **Ир. Житецкаго** 399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). **Я. Г.** 453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ. (Изъ еврейскихъ легендъ). **Александра Тарнавскаго** 473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). **Ст. фонъ-Носа** 492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). **Ал. Лазаревскаго** 506
VI. ПОСѢЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРІЕЮ ѲЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе). 539
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою коммисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. *В. И.*—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.—*Посторонній* 563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатоліѣ. *Н. Пирожкова.*—б) Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. *П. Ефименка.*—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра. *П. Ефименка.*—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. *Ф. Щербина.*—д) Покровская церковь въ Переяславлѣ. *А. Т.*—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мазепы. *Ѳ.*—з) Современные стихи на измѣну Мазепы. Сообщ. *П. Л.* 573

Августъ 1883 г.

стр.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. **Ц. Г. Неймана** 659
II. КЪ ИСТОРІИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). **Я. Г.** . . 645
III. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. (*Окончаніе*). **Г. Булашева** 664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст. 719

стр.

V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жадичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. *Сообщилъ* **В. Т. М—чъ** 735

VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ 738

VII БИБЛІОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*— б) О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаго.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаго.*—г) Дополненіе къ «Покажчику нової украінскої літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва.*—в) Уцѣлѣвшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почвѣ ревень. *Ѳ. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись библіотеки преосв. Иринея Фальковскаго послѣ его смерти. *А. Титова.*—е) Варіантъ пѣсни о правдѣ. Сообщ. *В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаго.*—п) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751

IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

ІЮНЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собст

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го іюня 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Руси.

(историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 2-я.

Лѣтописный періодъ.

Съ VI-го столѣтія обитаніе славянъ въ южной Руси дѣлается фактомъ несомнѣннымъ, безспорнымъ [1]). Въ началѣ періода съ VI по IX в. славянское населеніе южной Руси извѣстно по чужимъ памятникамъ—подъ общимъ именемъ *антовъ* [2]), а по нашей лѣтописи—славянъ, и только изрѣдка проскальзываютъ на страницы источниковъ частныя названія южныхъ славяно-руссовъ, напримѣръ названія *хорватовъ* и *сербовъ* для прикарпатскаго населенія, *дулѣбовъ*—для обитателей западнаго Буга. Начиная Іорнандомъ и Прокопіемъ (въ VI в.) и кончая Павломъ Діакономъ (770), всѣ источники

---

[1]) Разсматриваемый нами періодъ съ VI по XIII в., по характеру источниковъ и по самымъ этнологическимъ особенностямъ жизни края, можетъ быть раздѣленъ на три эпохи: первая—съ VI по IX в., когда жизнь обитателей южной Руси мало чѣмъ разнится отъ перваго періода, и когда по прежнему приходится довольствоваться отрывочными и неясными свѣдѣніями изъ иноземныхъ источниковъ, главнымъ образомъ византійскихъ; вторая эпоха—IX и X ст. воспроизводится уже главнымъ образомъ по русской лѣтописи; эта эпоха можетъ быть названа переходною отъ первобытнаго проживанія къ политической жизни южныхъ славяно-руссовъ; наконецъ третья эпоха—съ X по XIII в.—эпоха политической жизни обитателей южной Руси. Общее-же между всѣми тремя эпохами, въ этнографическомъ отношеніи, это преимущественное вліяніе *кочевого населенія алтайской группы.*

[2]) Объ антахъ говорятъ: Іорнандъ и Прокопій (въ 552 г.), Агафій (590 г.), Менандръ (594 г.), императоръ Маврикій (582—602 г.), Ѳеофилактъ (627 г.), «Цареградская лѣтопись» или «Chronicum paschale» (630 г.), Павелъ діаконъ (770 г.) и Ѳеофанъ (817 г.). (*Шафарикъ*, I, 112—113, III, 33—34).

указываютъ на *антовъ*, какъ на жителей страны на сѣверо-востокъ отъ устьевъ р. Дуная [1]), въ частности, какъ на обитателей при устьяхъ рр. Днѣстра [2]) и Днѣпра [3]), на сѣверѣ [4]) въ пространствѣ отъ Днѣстра до Днѣпра [5]) и далѣе на востокъ отъ Днѣпра [6]) къ р. Дону. Руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, не безъ основанія слѣдуетъ отнести къ исторіи южной Руси древнія извѣстія объ антахъ. Но какъ невозможно, чтобы подъ именемъ антовъ разумѣлись только днѣстрянскіе жители, потому что, какъ говоритъ г. Костомаровъ, „этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе“ [7]), такъ съ другой стороны едва-ли есть основаніе распространять названіе антовъ на все славянское населеніе Россіи, къ сѣверной половинѣ которой отъ верховьевъ Днѣпра [8]) естественнѣе всего отнести имена *венедъ* (vinidi, venexi, venedi и пр.) и *славянъ*, съ которыми анты только сосѣдили (Ἀνται, οἱ Σκλαβηνῶν ἀγχιστᾶχηνται, по выраженію Прокопія) [9]), становясь съ ними иногда во враждебныя отношенія [10]). Антское населеніе, разселясь по всей южно-русской территоріи, было громадно и по численному своему составу, слыло, какъ мы уже видѣли въ 1-й главѣ, за „*безчисленный антскій* народъ“ (Ἔθνη τὰ Ἀντωνάρτρα) [11]). Теперь славянское населеніе юга Россіи не представляло уже изъ себя патріархальное, земледѣльческое населеніе, слабое внутренней организаціей, какимъ мы находимъ его въ періодъ до VI в.; напротивъ, оно успѣло уже выдѣлить изъ себя воинственныя полчища, которыя тревожатъ нападеніями своихъ сосѣдей византійцевъ, то переправляясь черезъ Дунай [12]), то давая себя чувствовать на побережьяхъ Понта, гдѣ обитало греческое

---

[1]) Императоръ Маврикій (Шафарикъ, II, 36).
[2]) *Шафарикъ*, ч. III. 90.
[3]) Ibid., 28.
[4]) Ibid., 35, 97.
[5]) Ibid., 33—34.
[6]) Ibid., 37.
[7]) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 59.
[8]) Шафарикъ, III, 33.
[9]) Ibid., 35.
[10]) Ibid., 90.
[11]) Ibid., 35, 87.
[12]) Ibid., 38.

населеніе. Со времени императора Юстиніана (527 г.), читаемъ у Шафарика, „не проходило года, чтобы гунны (т. е. булгаре и др.), славяне и *анты* не разоряли областей греческой державы", не переставая переправляться черезъ Дунай [1])... Одновременно съ враждебными дѣйствіями своими противъ грековъ анты вступали въ мирно-воинскаго характера отношенія съ послѣдними, то становясь ихъ союзниками, то вступая въ службу къ греческимъ императорамъ [2]). Воинственныя наклонности антовъ на столько сдѣлали ихъ имя знаменитымъ уже въ первой половинѣ VI-го столѣтія, во всемъ Черноморьѣ мужество и опытность ихъ доставили имъ такую славу, что западные писатели выдѣляли антовъ, какъ сильнѣйшихъ между славянами [3]). На отмѣченныхъ свойствахъ антовъ основывается и заслуживающее вниманія мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что свое имя „анты" (англо-сакс. ants, готск. ent), по нѣмецки *исполины*, великаны [4]), южные славяне получили за свои воинственныя особенности [5]).

Понятно, что въ этомъ періодѣ у южно-русскихъ славянъ необходимо предполагать и соотвѣтственную этой дѣятельности организацію, на что и указываетъ разсказанная готомъ Іорнандомъ исторія расправы остъ-готскаго вождя Винитара съ антами. Винитаръ, стараясь избавиться мало по малу отъ ига гунновъ, и желая показать другимъ свое мужество, вторгся съ оружіемъ въ рукахъ въ предѣлы антовъ (in antarum fines) и для устрашенія покореннаго, но давшаго сильный отпоръ населенія приказалъ распять на крестѣ короля ихъ (вѣроятно вождя или родового князька), по имени Божа (Booz nomine), или по другому чтенію—Бокса [6]) съ его сыновьями и семьюдесятью вельможами [7]). Очень правдоподобно, что антскій Божъ и его вельможи Іорнанда своего рода древлянскій Малъ и его „лучшіи мужи" русской лѣтописи [8]).

---

[1]) Ibid., 90—91.

[2]) Ibid. [3]) Ibid., 33.

[4]) Ibid., 40—41.

[5]) Ibid., 90—91, *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 60.

[6]) *Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ», «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 726.

[7]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 247, III, 33—41.

[8]) «Ипатск. лѣт.» (945 г.), стр. 35.

Какъ мы уже сказали выше, кромѣ общаго названія—антовъ, для славянскаго населенія южной Руси въ источники, относящіеся къ этому періоду, случайно попали два-три раза частныя имена южно-русскихъ славянъ. Такъ лѣтописецъ нашъ, разсказывая, несомнѣнно со словъ византійскихъ хроникъ, о проходѣ аваровъ (обровъ) черезъ южную Русь (во второй половинѣ VI-го и въ первой—VII-го ст.), говоритъ между прочимъ: „обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, сущая словѣны“, а ниже „дулѣбы-же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне“ [1]). Второй фактъ, относящійся къ VII ст.—это переселеніе хорватовъ (около 630 г.) въ Далмацію [2]), о чемъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Какъ ни единичны приведенныя нами указанія на существованіе уже въ періодъ съ VI по IX в. дробленія антскаго населенія, но они, въ связи съ фактомъ широкаго территоріальнаго распространенія антовъ (отъ Днѣстра до Дона и отъ Понта до верховьевъ Днѣпра) и при сопоставленіи съ свѣдѣніями о существованіи подраздѣленія туземнаго населенія южной Россіи въ первый періодъ (съ V-го в. до Р. Хр. по VI в. по Р. Х.), утверждаютъ насъ въ мысли, что такое подраздѣленіе несомнѣнно было и съ VI по IX в. на всемъ пространствѣ южной Россіи, и въ тоже время подготовляютъ насъ къ пониманію того историческаго факта, почему въ IX в., а еще болѣе въ X, когда являются пособіемъ наши туземные источники—лѣтописи, на историческую сцену мало по малу выступаетъ такое множество отдѣльныхъ славяно-русскихъ народцевъ въ предѣлахъ южной Руси. Несомнѣнно, что многія изъ этихъ народностей (если не всѣ) обитали подъ своими отдѣльными именами въ южной Руси и до IX в., но только они не попали въ письменные источники, такъ какъ греки единственные почти наши сосѣди, сообщившіе намъ что-нибудь о южной Россіи за эти два-три столѣтія, сами едва знали края и народы по Днѣстру и около Понта.

Съ первымъ появленіемъ собственныхъ источниковъ въ видѣ лѣтописей, завѣса, скрывающая отъ насъ славянскихъ обитателей южной Руси, падаетъ, и мы видимъ страну отъ карпатскихъ горъ

---

[1]) Ibid., стр. 7.
[2]) Шафар., IV, 13.

до донецкаго кряжа не только занятою довольно многочисленнымъ славяно-русскимъ населеніемъ, но и самое населеніе находимъ уже разбившимся на отдѣльные народцы подъ многочисленными названіями. Общимъ названіемъ для славянскаго населенія южной Руси служитъ не анты (такого названія съ IX и X в. не встрѣчается нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ) [1]), а *славяне*, частныя-же, болѣе распространенныя такія: *сѣверяне, поляне (или русы), древляне, дреговичи, волыняне (бужане или дулѣбы), хорваты, уличи* и *тиверцы*. Среди этихъ вѣтвей обитало много меньшихъ, не столько извѣстныхъ въ исторіи, отраслей, это: *лютичи, пружане, наревяне, поросяне, запроги, низовцы, лукомляне, бродницы* и пр. [2]). Самымъ восточнымъ народцемъ были *сѣверяне* („сивера")—единственные славяно-русскія обитатели на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ его среднемъ теченіи. Поселенія ихъ группировались по рр. Ислу, Сулѣ, Семи (Сейму) и Деснѣ [3]), до верхняго теченія послѣдней, сосѣдя: на западѣ, по р. Днѣпру, съ полянами, на сѣверо-западѣ—*съ кривичами* (сначала по р. Днѣпру [4]), затѣмъ по р. Сожи къ верховьямъ Десны и Угры [5]), и *радимичами*—по водораздѣлу между Ипутью, притокомъ р. Сожи, и р. Сновью, притокомъ Десны.

На сѣверѣ поселенія сѣверянъ сходились съ вятичами, границею между которыми служили, можно думать, лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между рѣками Нерусою, Невлею, Ревною и Болвою, притоками Десны съ одной стороны, и Жиздрою—притокомъ Оки,—съ другой [6]); на сѣверо-востокѣ—съ муромой, у истока сѣвернаго Донца, на востокѣ съ болгарами по р. Дону; на юго-востокѣ и югѣ съ различными степняками, главнымъ образомъ по р. Сулѣ [7]) и отчасти по Ислу. Такимъ образомъ территорія сѣ-

---

[1]) *Шафарикъ*, III, 18.

[2]) Ibid., 85.

[3]) *Иловайскій*, «Исторія Россіи», т. II, стр. 50—51.

[4]) *Багалѣй*, «Исторія сѣвѣрскаго кн., стр. 12; *Голубовскій*, «Ист. сѣв. кн.», стр. 17.

[5]) Ibid.

[6]) *Голубовскій*, стр. 17; *Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. I, стр. 23.

[7]) *Багалѣй*, 12; *Бестужевъ-Рюминъ*.

верянъ занимала части теперешнихъ губерній черниговской, курской и полтавской, а именно: 1) *бассейнъ р. Десны* въ черниговской губерніи, т. е. уѣзды остерскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, борзенскій, сосницкій, кролевецкій и новгородъ-сѣверскій, 2) *бассейнъ Сейма*: въ курской губерніи, въ уѣздахъ путивльскомъ, рыльскомъ, льговскомъ и отчасти курскомъ, и въ черниговской—въ конотопскомъ и глуховскомъ, 3) *бассейнъ Сулы* въ полтавской губерніи, въ уѣздахъ лубенскомъ, лохвицкомъ и роменскомъ, 4) *между Десною и Сулою* въ переяславскомъ и золотоношскомъ уѣздахъ и бассейнъ р. Псла—кременчугскаго и хорольскаго уѣзда. Изъ всей нынѣшней харьковской губерніи развѣ только сѣверо-западная часть ея, бассейны Псла, Ворсклы и Сейма, притоковъ р. Днѣпра, имѣла славянское населеніе, распространившееся здѣсь изъ земли сѣверянъ, вѣроятно, нѣсколько позже призванія князей.

2) *Поляне* обитали на западномъ Поднѣпровьѣ, отдѣляясь такимъ образомъ р. Днѣпромъ отъ сѣверянъ; западная грань полянскихъ поселеній не шла далѣе верховьевъ южнаго Буга на западѣ и верхняго Тетерева на сѣверо-западѣ [1]). Что касается сѣверной границы, то здѣсь поселенія древлянъ доходили, какъ кажется, до р. Тетерева. Южною границею полянъ безъ сомнѣнія нужно считать р. Рось [2]), хотя по временамъ, въ періоды ослабленія натисковъ степнаго кочеваго населенія, поселенія полянъ могли достигать того „Угла“, гдѣ съ восточной стороны вливается въ Днѣпръ р. Орель („Ерель“, „Углъ“), а съ западной находятся источники Ингула и Ингульца (тоже Углы), т. е. „Углы“, или границы осѣдлаго племени [3]). Приблизительно, поляне занимали почти всю кіевскую губернію, кромѣ сѣверной половины радомысльскаго уѣзда, и прилегающія къ Тетереву части волынской и къ Бугу части подольской губ.

3) *Древлянамъ* принадлежала лѣсистая страна на сѣверо-западѣ отъ полянъ, между рѣками Припетью и Тетеревомъ, въ те-

---

[1]) *Забѣлинъ*, т. 2, 95—96.

[2]) Иловайскій, т. II, 1—2; Бест.-Рюм., 70.

[3]) *Забѣлинъ*, II, 95—96.

перешнихъ кіевской, волынской и отчасти минской губерніяхъ и Случью [1]).

4) *Волыняне* жили далѣе на западъ отъ полянъ и древлянъ. Сначала на мѣстѣ волынянъ можно различать двѣ народности: *бужане* (которыхъ Шафарикъ отожествляетъ съ сербами) [2]), на западномъ Бугѣ по его верхнему теченію, и *дулѣбовъ* [3]), на юго-востокѣ отъ нихъ между бужанами, съ одной стороны, и полянами и угличами съ другой; но чѣмъ болѣе къ X в., тѣмъ рѣже встрѣчаются указанныя названія: ихъ замѣняетъ общее имя *волыняне* [4]), которое скорѣе всего, особенно судя по смыслу слова волыняне, однозначуще со словомъ великій или „*антъ*“ [5]) и обозначаетъ не одинъ какой-нибудь народецъ, а союзъ южныхъ славяно-русскихъ народцевъ [6]). Западная граница волынянъ достигала р. Сана и Днѣстра, хотя она постоянно видоизмѣнялась, такою-же неопредѣленностью запечатлѣны сѣверная и южная грань поселеній волынянъ. Во всякомъ случаѣ поселеніями ихъ были заняты: остальная часть волынской губерніи, сѣверо-западная подольской, восточная прилегающая полоса Галиціи, юго-западный уголъ люблинской и можетъ быть гродненской губерніи, такъ что волынянъ окружали съ востока поляне и древляне, съ сѣвера—ятвяги, ляхи и отчасти дреговичи въ сѣверо-восточномъ углу; съ запада хорваты, и съ юга уличи.

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, 70; Забѣл., II, 171. Проф. Антоновичъ полагаетъ поселенія древлянъ между рр. Ушью и Случью.

[2]) *Шаф.*, III, 84—86.

[3]) Г. Срезневскій полагаетъ дулѣбовъ на южномъ Бугѣ (314).

[4]) *Костомаровъ*, «Мон.», I, 60—62.

[5]) Вѣроятность отожествленія общаго имени «антовъ» съ волынянами оправдывается также аналогіей съ переходомъ общаго имени *славянъ* къ одному изъ сѣверныхъ славянскихъ народовъ—именно къ новгородцамъ. Можно думать, что волыняне—было общее названіе тиверцевъ, бужанъ, дулѣбовъ, и на нихъ то указываетъ Массуди, говоря, что волыняне были нѣкогда сильнымъ народомъ и имѣли своего князя Мажека (*Симашкевичъ*, «Историко-геогр. и этногр. очеркъ Подоліи», вып. 2-й, 89 стр. и «Основа», 1861 г, № 2, стр. 15.

[6]) *Костом.*, Ibid.

5) *Уличи* и 6) *тиверцы* [1]) по южному Бугу и Днѣстру [2]) и въ степяхъ припонтійскихъ, доходя на востокѣ до устьевъ р. Днѣпра [3]) и на западѣ до устьевъ р. Дуная [4]). Территорія уличей и тиверцевъ—это страна геродотовыхъ алазоновъ [5]) и „Великая Скуфь“ византійцевъ [6]). Только на сѣверѣ эти двѣ народности примыкали къ славяно-руссамъ, на востокѣ-же у нихъ были сосѣдями разные степняки, на югѣ—греки, а на западѣ—славянскія народности и потомки даковъ.

7) *Хорваты* (древніе карпы или карпіи, они-же и бѣло-хорваты), крайній на западѣ славяно-русскій народецъ, раскинулись на сѣверо-восточныхъ склонахъ и отрогахъ карпатскаго хребта, орошаемыхъ притоками Вислы, Днѣстра и Прута, почти до впаденія Сана въ Вислу, или точнѣе на горномъ кряжѣ Карпатъ, подгорья, которое окаймляется р. Саномъ и Днѣстромъ [7]). Составляя на западѣ нѣкоторое время крайнюю грань славяно-русскихъ поселеній, хорваты отдѣлялись отъ угровъ и (сѣвернѣе) отъ чеховъ карпатскимъ хребтомъ со своими лѣсистыми скалами и ущельями; границею съ ляхами на сѣверѣ была р. Вислокъ, впадающая слѣва въ р. Санъ, немного ниже г. Ярославля, хотя можно предполагать русско-славянскія поселенія и далѣе, между Вислокомъ и Вепремъ, въ области судомірско-люблинской [8]); съ запада хорваты примыкали, какъ мы уже видѣли выше, къ волынянамъ, съ юго-востока—къ тиверцамъ [9]).

Семь отмѣченныхъ славяно-русскихъ народцевъ цѣликомъ обитали въ предѣлахъ южной Россіи, но кромѣ нихъ по сѣвернымъ окраинамъ страны были поселенія еще *дреговичей* и *радимичей*. Дреговичи южною своею частью населяли территорію древнихъ на-

[1]) Гг. Брунъ и Забѣлинъ первоначальнымъ мѣстомъ поселенія угличей считаютъ Поднѣпровье отъ р. Углы (Орель) до зап. берега азовскаго моря (въ «Луконорьѣ»). Брунъ, 101; Забѣл., II, 142—3.

[2]) *Брунъ*, 101, 106.

[3]) *Бест.-Рюм.*, 70.

[4]) *Брунъ*, 101, 106.

[5]) *Заб.*, II, 142—143.

[6]) *Костомар.*, I, 60; Срезневскій, 314.

[7]) *Иловайскій*, II, 26.

[8]) Ibid., 26—27.

[9]) Смирновъ, II, 14.

ревьянъ и, можетъ быть, будиновъ, заселяя *понтское Полѣсье* и область Яцольды [1]), лѣваго притока Припети [2]). Позже дреговичи на своей юго-западной границѣ слились съ постепенно колонизовавшими этотъ уголъ волынянами и частію выдвинуты были отсюда ятвягами и другими литовскими народцами, но до XI в. по обѣимъ сторонамъ бѣловежской пущи жили славяно-руссы. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ частяхъ минской и гродненской губ. въ началѣ лѣтописнаго періода жили дреговичи. Что касается радимичей, то они, спускаясь по р. Сожи, ея притоку и пути, врѣзывались въ поселенія сѣверянъ и ихъ поселенія можно предполагать, между прочимъ, въ частяхъ городнянскаго и новозыбковскаго уѣздовъ черниговской губерніи [3]).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ лѣтописнаго періода славяно-русскія народности занимали всю почти сѣверную половину южной Россіи; только южная степная полоса на востокъ отъ южнаго Буга и до Дона, потомъ сѣверо-восточная часть донецкаго кряжа не принадлежали еще славяно-русскому племени, будучи ареною для кочеваго населенія; можно думать также, что и нѣкоторыя южно-русскія части привислянскаго края были подъ поселеніями ляховъ и ятвяговъ.

Если мы выше показали, что славяно-руссы въ IX—X в. занимали своими поселеніями половину теперешняго пространства Малороссіи, то это не значитъ, что въ ту эпоху поселеніями ихъ было покрыто сплошь отмѣченное пространство. Поселенія славянъ группировались по рѣкамъ, которыя служили проводниками первому населенію, и по нимъ шло и распространеніе района славяно-русскаго поселенія [4]). Междурѣчья часто на десятки и сотни верстъ оставались не заселенными [5]). Если мы въ XVI—XVII в. при за-

---

[1]) Г. Бестужевъ-Рюминъ назначаетъ предѣломъ населенія дреговичей рр. Березину и Припеть (Ист., 6).

[2]) По лѣтописи дреговичи обитали «межи Прилетью и Двиною» (Ип. лѣт., 7), примыкая такимъ образомъ на сѣверѣ къ кривичамъ у Нѣмана, на западѣ къ ляхамъ по р. Нареву и Нуржку, на югѣ къ дулѣбамъ и бужанамъ (волынянамъ) по р. Бугу и на сѣверо-западѣ по берегамъ р. Буга—къ ятвягамъ (Илов., II, 22—24).

[3]) *Багалѣй*, 17.

[4]) *Соловьевъ*, I, 5, 23.

[5]) *Самоквасовъ*, 123.

селеніи нынѣшней воронежской губерніи видимъ, что населеніе шло, углубляясь все далѣе и далѣе въ незаселенный край, слѣдуя теченію рѣкъ и при этомъ главнымъ образомъ по тому берегу, который былъ обращенъ къ заселенному и тѣмъ самымъ болѣе безопасному краю [1]); если въ наше время прирѣчное населеніе преобладаетъ надъ прочимъ (напримѣръ въ малороссійскихъ уѣздахъ гродненской губерніи оно доходитъ до 53% [2]), а въ земли войска донскаго еще выше) [3]), то тѣмъ болѣе въ то время, когда народъ еще болѣе находился въ подчиненіи естественно-историческимъ условіямъ, населеніе должно быть приковано къ рѣкамъ. Такъ что въ разсматриваемую нами эпоху плотность населенія между прочимъ опредѣлялась густотою рѣчной сѣти и способностью рѣкъ къ судоходству; изъятіе изъ этого положенія должно быть сдѣлано лишь для такихъ мѣстъ, какъ южно-русское Полѣсье, гдѣ клочки сухой, удобной для воздѣлыванія земли разсѣяны въ видѣ оазисовъ или острововъ и гдѣ потому сравнительно рѣдкое населеніе Полѣсья сосредоточивалось на нихъ [4]). Трудно, по скуднымъ матеріаламъ русской лѣтописи и по случайнымъ отрывкамъ русскихъ писателей, возстановить картину разселенія славяно-руссовъ въ южной Россіи въ IX—X в., и volens-nolens приходится прибѣгать къ аналогіи. Въ XVII—XVIII в. у малороссовъ, потомковъ южно-русскаго населенія IX—X в., мы можемъ наблюдать при естественномъ свободномъ заселеніи новаго края наклонность колонизовать его посредствомъ мелкихъ поселеній-хуторовъ: такъ по крайней мѣрѣ заселялся новороссійскій край въ предѣлахъ владѣній Запорожской Сѣчи, гдѣ хутора или „зимовники“ выходцевъ изъ разныхъ концовъ Руси разбросаны были по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и воднымъ балкамъ теперешней екатеринославской, отчасти херсонской и даже полтавской губ. (конст. у.). Ту-же привычку мы можемъ наблюдать и въ наше время въ сословіи малорусскихъ козаковъ, которые имѣютъ свою собственную землю и могутъ поэтому болѣе или менѣе свободно располагать своими поселеніями, система разселенія хуторами

[1]) *Германовъ*, «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ воронеж. губ.». Зап. имп. геогр. общ.

[2]) *Бобровскій*, «Мат. для геогр. и стат.», т. 1.

[3]) *Красновъ*, «Мат. для геогр. и стат.»

[4]) *Иловайскій*, II, 18.

существуетъ и у тѣхъ малороссовъ, которые въ XVIII—XIX в. вышли на готовыя земли, напримѣръ въ кубанскую область, въ астраханскую губ. [1]).

Аналогію съ поселеніемъ хуторами представляютъ „починки", путемъ которыхъ колонизуется сѣверно-русскій край, даже и въ наше время. Послѣдній примѣръ указываетъ, что наклонность къ хуторской жизни есть свойство не исключительно малорусскаго населенія, а по крайней мѣрѣ всего русскаго народа [2]), если только не общечеловѣческое свойство въ извѣстной фазѣ культуры. Если мы отъ аналогій обратимся къ писаннымъ источникамъ, относящимся къ той отдаленной эпохѣ, то и въ нихъ мы найдемъ рядъ хотя темныхъ, краткихъ указаній, но все таки могущихъ навести на болѣе или менѣе вѣрный выводъ по занимающему насъ вопросу.

Иностранные писатели говорятъ, что славяне жили въ дрянныхъ избахъ, *находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга и часто перемѣняли мѣсто жительства.* „У нихъ, говоритъ Маврикій, недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; необходимыя вещи они скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники" [3]). О томъ-же говоритъ и смыслъ общественнаго выраженія Іорнанда: „sclavini paludes silvarque pro civitatibus habent", т. е. болота и лѣса вмѣсто городовъ (укрѣпленій) служатъ славянамъ [4]). Конечно, мѣста изъ Маврикія и Іорнанда могутъ быть отнесены къ населенію

[1]) Въ послѣдней, какъ намъ пришлось убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, малорусское населеніе представляетъ собою полу-кочевниковъ. Только незначительная часть малороссовъ, и то на короткое время въ году, живетъ въ городахъ и селахъ, къ которымъ они приписаны, какъ къ административнымъ и религіознымъ центрамъ, большинство-же населенія живетъ въ хуторахъ; при этомъ съ марта и по сентябрь его мѣстопребываніе — это хутора въ степи, гдѣ находятся степные сѣнокосы и главное — хлѣбъ; вторую-же половину года — зиму оно проводитъ въ хуторахъ, разсѣянныхъ по лугамъ, гдѣ сдѣланы запасы луговаго сѣна и находятся рыбныя угодья. Понятно, что при этомъ малорусскому населенію приходится два раза въ году — въ мартѣ и въ сентябрѣ кочевать со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и скотомъ — въ первый разъ изъ луговъ въ степи, во второй разъ — обратно.

[2]) У центральныхъ великороссовъ отсутствіе хуторовъ есть уже результатъ позднѣйшихъ политико-экономическихъ условій.

[3]) *Соловьевъ*, т. 1, стр. 66.

[4]) *Шафарикъ*, III, 35.

странъ, обильныхъ лѣсомъ и болотами, какъ волыняне, дреговичи, древляне и отчасти сѣверяне; что-же касается остального славяно-русскаго населенія безлѣсныхъ степныхъ пространствъ (поляне, уличи, тиверцы и отчасти сѣверяне и хорваты), то они, *живя также отдѣльными поселеніями по берегамъ рѣкъ и водныхъ балокъ*, вмѣсто болотъ и лѣсовъ строили себѣ „города“, т. е. *укрѣпленныя мѣста*. Первоначальное значеніе городовъ, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ которые стекалось разбросанное по окрестностямъ населеніе въ случаяхъ опасности, выясняется изъ многихъ мѣстъ лѣтописи; но мы ограничимся двумя-тремя выписками изъ нея. Въ 1126 г. послѣ смерти Владиміра Мономаха половцы „присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ торкы ихъ. Бѣже вѣсть Ярополку и повелѣ гнати люди и торкы въ *Баручь* и въ *прочая грады*“ [1]). Въ 1150 г. Изяславъ „поиде отъ Звенигорода къ Тумыщю; и ту придоша къ нему *черныя клобуки, жены своя и дѣти въ городѣхъ затворивше на Поросьи*“ (279). Ясно, что города были мѣстомъ лишь временнаго пребыванія населенія и въ экстра-ординарныхъ случаяхъ; въ обыкновенное-же время населеніе жило внѣ ихъ. О такихъ, думаемъ, городахъ упоминаетъ и Птоломей, когда называетъ нѣкоторые города въ Сарматіи [2]), и такъ называемый „Равенскій географъ“, по словамъ котораго въ VII ст. черноморскіе славяне, раздѣляясь на два племени—угличей и тиверцевъ, имѣли 644 города (civitates), а равно и русскій лѣтописецъ, когда говоритъ, что улучи и тиверцы живутъ „по Бугу и Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви... оли до моря... и бѣ множество ихъ... и суть города ихъ и до сегодне“ [3]). Остаткомъ славяно-русскихъ городовъ служатъ въ наше время „городища“, число которыхъ весьма значительно. Г. Соловьевъ считаетъ въ кіевской области болѣе 40, въ чернигово-сѣверской 70, въ переяславской около 40, а во всей Руси до 300; а г. Самоквасовъ считаетъ ихъ въ нѣсколько тысячъ [4]).

---

[1]) Ипатск. лѣт., 208.

[2]) *Самоквасовъ*, 92.

[3]) Ипатск. лѣт., 7.

[4]) *Самоквасовъ*, 121, 123. Постепенно, кромѣ указаннаго назначенія, города дѣлались пунктами для исполненія священныхъ обрядностей, а также и центрами торговыми и административными.

Въ полномъ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствіи жизнь отдѣльными поселеніями находится съ характеромъ занятій южныхъ славяно-руссовъ. Какъ мы уже указывали въ первой главѣ, населеніе сѣверной половины южной Руси уже въ VI в. до Р. Хр. занималось земледѣліемъ, продавая въ изобиліи хлѣбъ грекамъ, и отдавало много времени охотѣ за звѣрями, рыбой и медомъ, доставляя тѣмъ-же покупателямъ мѣха, кожи и медъ. Спустя 12 вѣковъ послѣ Геродота, мы находимъ южно-руссовъ въ общей массѣ при тѣхъ-же занятіяхъ: какъ при Геродотѣ, и въ лѣтописное время они представляли, если не земледѣльческое населеніе въ совершенномъ нашемъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ переходное—охотницко-земледѣльческое [1]). Хотя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, несомнѣнно только, что поляне, *древляне* и *вятичи* были народцами земледѣльческими [2]), но есть много другихъ основаній думать, что земледѣліе было распространено по всему югу Россіи еще до X-го вѣка [3]). По системѣ обработки земледѣліе было тогда въ примитивномъ состояніи: подъ хлѣбъ занимались только нови, которыя и бросались, какъ только замѣчалось истощеніе почвы; кромѣ того съ земледѣліемъ было связано неразрывно не только скотоводство (особенно въ степяхъ), но и звѣроловство, рыбная ловля и всякаго рода охота. При отмѣченной-же нами системѣ хозяйничанья населенію, тѣснящемуся при рѣкахъ и въ лѣсахъ, естественнѣе всего было жить въ раздробь, сообразуясь не только съ видомъ на урожай, но и съ обиліемъ въ окрестностяхъ звѣрей, дикихъ пчелъ и рыбъ. Отсюда вытекаетъ еще новая черта—это *легкость передвиженія населенія съ одного мѣста на другое*, что мы видимъ въ быстротѣ тогдашней колонизаціи и въ постоянномъ измѣненіи границъ поселеній южныхъ славяно-руссовъ.

Существуетъ мнѣніе въ исторической наукѣ, имѣющее за собой много вѣроятностей, что угличи прежде жили по обоимъ берегамъ р. Днѣпра, и даже, главнымъ образомъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки, у „Лукоморья“, т. е. въ углу между рѣкою Угломъ и берегомъ азорскаго моря [4]). Можетъ быть, угличей и нужно разу-

[1]) *Соловьевъ*, т. 1, стр. 29.

[2]) *Тумасовъ*.

[3]) *Бѣляевъ*.

[4]) *Брунъ*, 101—105, 106—108; *Забѣлинъ*, II, 142—143.

мѣть въ имени „лукомлянъ“ [1]). Подъ натискомъ кочевниковъ они передвинулись на западъ, на берега южнаго Буга, и къ IX в. несомнѣнно жили при извѣстномъ развитіи осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности отъ сосѣдей кочевниковъ, угличи, вмѣсто того, чтобы уйти прочь, подобно номадамъ, долго предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своей защиты *въ городахъ* [2]), и только при болѣе сильномъ натискѣ кочевыхъ массъ они, вмѣстѣ съ тиверцами, вновь выселяются, такъ какъ мѣста осѣдлости тѣхъ и другихъ, какъ увидимъ дальше, представляютъ пустыя пространства для новой галицкой колонизаціи. Подобную-же быстроту мы можемъ наблюдать и у хорватовъ и у полянъ, особенно-же у сѣверянъ. Подъ давленіемъ азіатскихъ кочевниковъ южно-русскія степи очищаются отъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія до верховьевъ сѣвернаго Донца, Сулы, Роси, средняго теченія Днѣстра и верховьевъ Прута; но вслѣдъ затѣмъ, съ ослабленіемъ кочеваго населенія, славяно-руссы спускаются по рѣкамъ и сравнительно быстро колонизуютъ побережья съ тѣмъ, чтобы при новой волнѣ кочевниковъ снова подняться въ районъ прежней осѣдлости. Такъ, сѣверянское населеніе до хазаръ не только имѣло свои поселенія по сѣверному Донцу, но и по Дону шло сплошное населеніе до самаго Азовскаго моря, и, можно думать, что сѣверянами была колонизована и древняя тмутараканская (нынѣшняя кубанская) область [3]). Хозары въ первое время ослабили сѣверянское населеніе, которое выселилось вглубь страны своего племени, потомъ сѣверяне вновь дѣятельно колонизуютъ побережья Дона и Донца, и при половцахъ вновь возвращаются вглубь своей страны [4]), но ко времени монголовъ въ низовьяхъ этихъ рѣкъ мы видимъ довольно значительное славяно-русское населеніе—это „Бродники“ [5]). По р. Днѣпру славяно-русское населеніе, очевидно по-

[1]) *Шафарикъ*, III, 85.

[2]) *Брунъ*, 101, 105.

[3]) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. 1, 60—62.

[4]) *Бантышъ*, 25; *Голубъ*., 5, 6.

[5]) Полагаютъ, напр., что жители Саркела или славянскаго поселенія Бѣлой вежи (Бѣл. города) переселились въ 1117 г., поселились у верховьевъ Острa, гдѣ въ XVII в. было городище Бѣлая-вежа; а съ XVIII ст. нѣмецкая колонія Беламешь. Голубъ., 8.

[6]) *Голубъ*., 12.

ляне, въ промежутки, свободные отъ кочеваго броженія, спускались за пороги. Здѣсь, вѣроятно, жили „*Zabrosi*“ мюнхенской рукописи и „низовцы“ [1]). Даже въ періодъ власти надъ запорожскими степями печенѣговъ славяно-русское населеніе достигало, хотя только временно, устья Днѣпра, куда его влекли рыболовныя угодья. На это вполнѣ указываетъ то мѣсто изъ договора Игоря, гдѣ говорится: „аще обращуть Русь корсуняны *рыбы ловяща въ устьи Днѣпра*, да не творятъ имъ зла никакого-же. И да не имѣють Русь власть *зимовати въ устьи Днѣпра*, Бѣлобережа, ни у святого Елеуфѣрія; но егда придетъ осень, да идуть въ домы своя въ Русь“ [2]). Еще быстрѣе чѣмъ по Днѣпру славяно-русская колонизація, главнымъ образомъ хорватская, спускается по р. Днѣстру и Пруту, въ устьяхъ которыхъ, вскорѣ послѣ освобожденія ихъ отъ нашествій кочевниковъ, находимъ мы извѣстныхъ „*берладниковъ*“.

Привычка и легкость, съ какою въ то время перемѣнялись славяно-руссами мѣста, не могла исчезнуть долгое время и въ княжескій періодъ, и у населенія сравнительно культурнаго. Такъ, подъ 1147 г. мы читаемъ въ лѣтописи: „слышавше инии гради: Уненѣжь, Бѣловежа, Бахмачь, еже Всеволожъ взятъ (Изяславомъ Мстиславовичемъ) *и побѣгоша Чернигову и инии гради мнози бѣжаша*“ [3]).

Если въ цитируемомъ мѣстѣ мы наблюдаемъ сравнительную легкость въ передвиженіи, то слѣдующее мѣсто лѣтописи прямо говоритъ о привычкѣ къ переселеніямъ. Кіевляне въ 1069 г., видя приближеніе къ своему городу прогнаннаго ими князя Изяслава, послали къ князьямъ Святославу и Всеволоду, приглашая ихъ явиться на защиту города; при этомъ говорятъ имъ: „аще ли не хощете, то намъ неволя: зажегши городъ свой, и ступити въ грѣцискую землю“ [4]), т. е. угрожаютъ сдѣлать то, что съ такою легкостью продѣлывалъ ки. Святославъ съ тѣми-же кіевлянами, мѣняя Кіевъ на *придунайскій Переяславецъ*.

Если мы, ко всему сказанному уже о системѣ поселенія южныхъ славяно-руссовъ въ первую половину лѣтописнаго періода, прибавимъ тотъ фактъ, что лѣтопись почти совсѣмъ не говоритъ о

---

[1]) *Шафарикъ*, III, 100—102.

[2]) Ипатск. лѣт., стр. 32 (945 г.).

[3]) Ипатск. лѣт., 252.

[4]) Ibid., 122.

поселеніяхъ славяно-руссовъ внѣ городовъ, что едва-ли могло-бъ случиться, если-бы внѣ городовъ была развита жизнь большими поселками—селеніями, деревнями и т. п., то мы этимъ закончимъ приведеніе всѣхъ тѣхъ основаній, которыя утверждаютъ насъ въ мысли, что *преобладающая система разселенія славяно-руссовъ была поселеніе мелкими поселками, своего рода „хуторами“, „починками“.*

IX и X стол. въ южной Россіи было послѣднимъ періодомъ, когда населеніе края росло натуральною жизнью этнологическаго индивидуума подъ преобладающимъ вліяніемъ двухъ условій: природы страны и сосѣдства, и, можно думать, что это былъ періодъ возможной чистоты въ смыслѣ этнографическомъ. Славяно-русское населеніе сплошь покрывало страну въ указанныхъ границахъ и вездѣ, на каждомъ извѣстномъ пунктѣ представляло однородную этнографическую массу. Тѣ чуждые элементы, какіе, безъ сомнѣнія, входили въ составъ славянскаго населенія отъ послѣдовательно налетавшихъ волнъ алтайскихъ народностей, а равно и отъ другихъ, были сравнительно ничтожны и сравнительно быстро всасывались, ассимилировались съ славяно-руссами. Если и встрѣчались представители народностей иного типа, въ ихъ нормальномъ видѣ, то развѣ въ торговыхъ центрахъ и при этомъ въ незначительномъ количествѣ, и это не оказывало этнологическаго воздѣйствія на внѣ-городскую славянскую массу, разсѣянную по лѣсамъ и степямъ, вблизи рѣкъ, озеръ и рѣчныхъ балокъ. Внутри этой массы нѣтъ данныхъ даже предполагать существованіе сословности, если, конечно, мы согласимся съ мыслію, что до-историческіе князья („аптскіе“, древлянскіе и пр.) были лишь родоначальниками племенныхъ группъ. Однако, уже въ это время въ славяно-русскомъ населеніи можно наблюдать зарожденіе новой жизни, подъ вліяніемъ которой постепенно разлагаются натуральныя формы быта; это приходится сказать если не о всѣхъ южныхъ народахъ, то о нѣкоторыхъ, особенно о полянахъ. Въ пробужденіи южныхъ славянъ къ новой жизни оказываютъ между прочимъ существенное вліяніе рѣки. Говоря о греческихъ колоніяхъ въ Геродотскую эпоху, мы указали на Днѣстръ, западный Бугъ, Днѣпръ и Донъ, какъ на единственные пути, на которыхъ сходилось населеніе южной Россіи съ другимъ міромъ Европы—съ греками; позже мы предположили, что и движеніе германскихъ дружинъ — *готовъ* произошли по рѣкамъ, главнымъ

образомъ *по Днѣпру* и вызвано было стремленіемъ завладѣть этимъ торговымъ путемъ. Въ лѣтописный періодъ указанное значеніе рѣкъ вообще и въ частности Днѣпра выступаетъ съ большою очевидностью. На первой страницѣ лѣтописи мы читаемъ цѣлый трактатъ о европейскомъ значеніи Днѣпра, какъ пути „изъ варягъ въ греки", благодаря которому можно объѣхать всю Европу, отправившись по нему вверхъ [1]). По этому пути шло постоянное сообщеніе не только славянъ, но и самыхъ крайнихъ „варяжскихъ" народцевъ съ Византіей и обратно: по нему двигались норманнскія дружины на службу греческихъ императоровъ, по нему ходила „Русь" добывать Царяграда и возила туда свои товары, по нему-же, конечно, и Византія слала вверхъ торговцевъ въ южную Русь. И вотъ на томъ днѣпровскомъ побережьѣ, гдѣ къ Днѣпру подходятъ побочные пути отъ западныхъ и восточныхъ славянскихъ народцевъ, по многочисленнымъ притокамъ Днѣпра и обитали поляне. Въ центрѣ ихъ поселеній находился другой путь изъ Азіи въ Европу, именно—ниже впаденія Десны въ Днѣпръ. Ниже устья Десны Днѣпръ представляетъ одинъ стволъ, тогда какъ сѣвернѣе приходится встрѣчать на пути большіе притоки Днѣпра (Припеть, Десна, Сожь и болота), а южнѣе самъ Днѣпръ дѣлается гораздо шире и грознѣе во время разливовъ и естественно, что къ этому пункту Днѣпра стремились всѣ народы, двигавшіеся съ востока на западъ, и что главная переправа черезъ Днѣпръ и въ самую отдаленную эпоху была ниже устья Десны [2]). Такъ извѣстно, что въ лѣтописное время здѣсь переправились *угры*, о которыхъ лѣтописецъ подъ 998 г. отмѣчаетъ два случая, когда они шли мимо Кіева [3]). Можно думать, что тою же дорогою шли первоначально и *печенѣги*, которые, по словамъ лѣтописца, въ 915 г. „придоша первое на русскую землю

---

[1]) Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловати, а по Ловате внити въ Ильмень озеро великое, изъ него-же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево, и того озера впадеть устье въ море варяжское, и по тому морю внити даже и до Рима прити по тому же морю къ Царюграду и отъ Царяграда прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка (Ипат. лѣт., стр. 4).

[2]) *Русовъ*, «Тракты», 122.

[3]) Ипатск. лѣт., 7, 14.

и сотворивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю“ [1]), конечно, переправившись черезъ Днѣпръ. Вѣроятно въ этомъ же мѣстѣ переправлялись позже половцы и монголы, первою жертвою которыхъ на западной сторонѣ Днѣпра былъ Кіевъ; а раньше—обры, путь которыхъ шелъ далѣе на западъ черезъ землю дулѣбовъ и Карпатскія горы; вообще, кажется, въ доисторическое время здѣсь практиковался переѣздъ черезъ Днѣпръ [2]). Такимъ образомъ, поляне оказываются живущими на большой дорогѣ (Днѣпръ) и „на великомъ, по выраженію г. Забѣлина, сумежьи разныхъ племенъ“. Понятно, что при такихъ естественныхъ условіяхъ, полянская страна вообще и Кіевъ въ частности не могли сохранять въ своемъ населеніи характера однородности и не могли оставаться чистыми безъ примѣси иныхъ народностей, кромѣ полянъ [3]). Центральный городъ полянъ—Кіевъ, само собою разумѣется, былъ уже въ IX—X в. городомъ въ нашемъ смыслѣ, какъ центръ промышленно-торговый, и его, по мнѣнію г. Костомарова, приходится вообразить себѣ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физіономію смѣси [4]). Здѣсь были тогда греки и варяги, шведы, датчане и поляки, печенѣги, нѣмцы, евреи и болгаре“ [5]), и городъ, по выраженію г. Забѣлина, „представлялся колоніей людей, пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ“ [6]).

Населеніе чужеродное не только временно проживало здѣсь, но и осѣдало совершенно, что можно, между прочимъ, видѣть и изъ нѣкоторыхъ названій частей города: такъ въ Кіевѣ на южной сторонѣ въ городской стѣнѣ находились „лядскія ворота“ [7]), а на сѣверной сторонѣ изъ „Копырева конца“ вели въ городъ „жидовскія ворота“ [8]). Можно думать, что прилегающія къ этимъ воротамъ части города или, вѣроятнѣе, предмѣстья были заселены евреями

---

[1]) Ibid., 26.
[2]) *Русовъ*, «Тракты», 122.
[3]) *Забѣлинъ*, II, 97; *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 85—86.
[4]) *Костомаровъ*, ibid.
[5]) Ibid., 84.
[6]) *Забѣл.*, II, 106.
[7]) Ипатск. лѣт. (1151 г.), 296, 522.
[8]) Ibid.

и поляками (ляхами) [1]). Нечего уже и говорить, что въ Кіевѣ постоянно жили греки и варяги, явившіеся сюда ранѣе такъ называемаго призванія князей.

Подъ вліяніемъ инородцевъ, особенно войнолюбивыхъ варяговъ, само народонаселеніе полянъ измѣнило свой характеръ: у него развились воинственныя наклонности, которыя питались походами на грековъ [2]) и сосѣдствомъ со степными кочевниками. Черезъ это поляне носятъ на себѣ отпечатокъ военнаго поселенія, а земля ихъ, по выраженію г. Иловайскаго, дѣлается „страною козаковъ“ [3]). Отсюда-то, изъ страны полянъ, какъ извѣстно, вышло объединеніе южныхъ славяно-русскихъ племенъ и здѣсь зародилась впервые политическая жизнь.

Съ этого историческаго момента въ южной Россіи рядомъ со всегда дѣйствующими агентами (природою и сосѣдствомъ) становится факторъ культурнаго порядка—*государственность*. Подъ вліяніемъ указаннаго фактора создается новая соціальная обстановка для этнологическаго развитія обитателей страны и происходятъ явленія, видоизмѣняющимъ образомъ дѣйствующія на типы славяно-русскаго населенія. Къ такимъ явленіямъ мы должны отнести слѣдующія: 1) *взаимное смѣшеніе славяно-русскихъ народцевъ*; 2) *привлеченіе въ національный организмъ южной Россіи разнообразныхъ инородческихъ элементовъ*, и 3) *культурное воздѣйствіе образовательныхъ центровъ Европы на населеніе края*.

Съ первыми князьями южная Русь начинаетъ покрываться искуственно-создаваемыми городскими центрами. Обыкновенно лѣтописецъ, говоря о построеніи новыхъ городовъ, бываетъ къ несчастію кратокъ и ограничивается общими выраженіями: „нача ставити городы“, „заложи городъ“, „нача городы рубити“ и т. п. Но мѣстами онъ прорывается и вдается въ подробности. Такъ подъ 988 г. онъ разсказываетъ, что князь Владиміръ „*нача ставити городы* по Деснѣ и по Остри; по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужи лутши отъ словенъ, и отъ Кривичо, и отъ чюдей, и отъ вятичь, а отъ сихъ насели и грады“ [4]) Потомъ

[1]) *Илов.*, II, 4.
[2]) *Костом.* I. 144.
[3]) *Илов.*, II, 14.
[4]) Ипатск. лѣт., 83.

въ 992 г. Володиміръ, по словамъ бытописателя, „*заложи градъ* Бѣлъ и *наруби въ нь отъ инѣхъ градъ, и много людей сведе въ онь*“ [1]). Позже, съ развитіемъ промышленности, города, вновь создаваемые, населяются уже не черезъ насильственное сведеніе съ разныхъ концовъ славяно-русскаго міра населенія, а путемъ призыва.

Такъ въ 1259 г. князь галицкій Даніилъ „сотвори градъ иный (Холмъ) *и нача призывати* прихожанъ нѣмцѣ и Русь, иноязычникы и ляхы; *идяху день во день*, и уноты и мастера всяции бѣжаху исъ татаръ, сѣдѣльницы, и лучницы, и тульницы, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру; *и бь жизнь, и наполниша дворы, окрестъ града, поле и села* [2]). Указанными путями, можно думать, создавались вообще въ лѣтописный періодъ города, да иного пути и трудно указать при множествѣ создаваемыхъ городовъ и при быстротѣ ихъ постройки. Можно, впрочемъ, отмѣтить еще одинъ способъ—это *заселеніе городовъ* военно-плѣнными. Въ ту эпоху, гораздо болѣе чѣмъ въ послѣдующія, война сопровождалась плѣномъ населенія, а при многочисленности, или лучше безпрерывности, тогдашнихъ войнъ плѣнное населеніе доставляло значительный контингентъ для заселенія края. Въ 946 г. Ольга „взя городъ (Искоростень) и пожеже и, старѣйшины-же города ижьже, и прочая люди овыхъ избы, а *другия работь преда мужемъ своимъ*, а прокъ оставѣ ихъ платити дань“ [3]); понятно, что та часть древлянъ, которая отдана была дружинѣ Ольги перешла на территорію полянъ [4]). Позже, въ 1067 г. Изяславъ съ другими князьями „взяша Минскъ, изсѣкоша мужи, *а жены и дѣти взяша на щиты*“, опять таки переведши ихъ въ свою землю [5]). Еще обстоятельнѣе о поселеніи плѣнныхъ находимъ разсказъ лѣтописца подъ 1116 г., когда былъ взятъ въ кривичской землѣ городъ „Дрьютескъ“ князьями Давыдомъ и Ярополкомъ, причемъ послѣдній князь „сруби городъ Желъди Дрьючаномъ, ихже бѣ полонилъ“ [6]). Такъ поступали князья и съ

[1]) Ibid.
[2]) Ипатск. лѣт., 558.
[3]) Ibid., 38.
[4]) *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 72.
[5]) Ипат. лѣт., 1117.
[6]) Ibid., 203.

инородческими плѣнными: поляками, уграми, половцами и пр. Въ 1031 г. Ярославъ и Мстиславъ „идоста на ляхы, и заяста грады червенскыя опять, и повоеваста лядьскую землю, и *многы ляхы* приведоста и раздѣлиша я, и *посади Ярославъ своя по Роси*, и суть до сего дне“ [1]). Можно думать, что путемъ поселенія плѣнныхъ возникъ не одинъ городъ; такое предположеніе, напримѣръ, можно сдѣлать о галицко-владимірскомъ городѣ Угорскѣ [2]) и др. Обыкновенно взятыхъ на войнѣ плѣнныхъ вмѣстѣ съ остальной добычей дѣлили раньше между княземъ и дружиною [3]), а позже—между участвовавшими князьями [4]), и каждый изъ участниковъ свою долю *плѣннаго населенія велъ въ свой край и поселялъ или въ городахъ, или внѣ оныхъ*. Если мы примемъ во вниманіе безпрерывность тогдашнихъ войнъ и количество мѣстъ въ лѣтописи, гдѣ говорится о плѣнѣ населенія, то должны согласиться, что этимъ путемъ довольно обильное населеніе и самое разнообразное вливалось въ среду южныхъ славяно-руссовъ, между прочимъ: дреговичи, кривичи, торки, половцы, яссы и касоги, поляки, угры, литовцы, чехи и др.

Однородное значеніе, хотя и въ меньшей, мѣрѣ въ этнологической жизни края мы должны приписать и другимъ явленіямъ княжескаго періода, изъ которыхъ мы отмѣтимъ лишь болѣе рельефныя по своей результатности, именно: *организація войска, набираніе дружины* и *браки князей*. Въ разсматриваемый нами періодъ удовлетвореніе потребности въ военныхъ силахъ, какъ извѣстно (мы не говоримъ о дружинѣ), происходило черезъ наборы войскъ въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно это можно сказать о началѣ княжескаго періода. Такое сбродное войско стекалось со всѣхъ сторонъ подвластнаго или союзнаго извѣстному князю края и сопровождало его какъ въ войнахъ внѣшнихъ, такъ и во внутренней междоусоб-

---

[1]) Ibid., 105.

[2]) Въ 1259 г. «Данилови-же, княжищу въ Володимірѣ, созда градъ Угорескъ и постави въ немъ «пискупа» (Ипат. лѣт., 558).

[3]) Смотр. выше о плѣнѣ древлянъ, Ипат. лѣт., 38.

[4]) Въ 1146 г. Изяславъ рече: «что-же будеть Игорева въ той волости (кіевской), челядь-ли, товаръ-ли, то мое, а что будеть Святославлѣ челяди и товара, то раздѣлимъ на части» (259). Въ 1258 г. Даніилъ городъ Възвягль жажьже, люди-же изведе и *вдасть я на надѣлъ*, ово брату си, ово же Львови, другыя Шварновн» (556).

ной борьбѣ. Вслѣдствіе этого княжеское ополченіе всегда представляло изъ себя болѣе или менѣе пестрый этнографическій конгломератъ. Такъ Олега при завладѣніи имъ южно-русскою областью сопровождаютъ: варяги, чудь, словѣны, меря, весь, кривичи [1]), а въ походахъ его на Царьградъ участуютъ, кромѣ перечисленныхъ, еще: поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулѣбы, тиверцы [2]). Въ войскѣ Владиміра находимъ: варяговъ, словѣнъ, чудь и кривичей [3]). Ярополкъ въ 1138 г. собралъ противъ Ольговичей „вои изо всѣхъ земель“ [4]). Тотъ-же князь въ 1139 г. велъ противъ Всеволода князя—суздальцевъ, ростовцевъ, полочанъ, смольнянъ, угровъ, берендичей и т. д. [5]). Такое мозаично-образованное войско въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не могло быть удовлетворено изъ добычи „полона“, поселялось въ странѣ на „покормъ“. Святополкъ въ 1018 г. своихъ союзниковъ (поляковъ) ляховъ, приведенныхъ въ страну полянъ, развелъ „*по городамъ на покормъ*“ [6]); также поступилъ и Изяславъ въ 1069 г., когда „распустилъ ляхы на покормъ“ [7]). Въ смыслѣ поселенія войска на кормленіе мы должны читать и тѣ выраженія лѣтописца, гдѣ онъ говоритъ: „*уставиди дань*“ кому-нибудь или „*раздая городы*“. Такъ въ 882 году Олегъ „нача ставити городы и *уставиди дани словѣномъ, и кривичемъ, и мерямъ*“ [8]), которыхъ онъ привелъ съ собою въ южную Россію и которыхъ, вѣроятнѣе всего, поселилъ въ городахъ для кормленія. Владиміръ въ 980 г. варягамъ, оставшимся при немъ, „разда грады“ [9]), очевидно, опять на покормъ. Указаннымъ обычаемъ объясняются, конечно, и тѣ явленія, что по смерти Юрія Владиміровича въ Кіевѣ въ 1185 г. въ странѣ полянъ показываются живущими суздальцы, которыхъ избиваютъ по городамъ и селамъ [10]),

---

[1]) Ипат. лѣт. (882), 13.
[2]) Ibid., (907), 17.
[3]) Ibid. (980), 50.
[4]) Ibid., 215.
[5]) Ibid., 216.
[6]) Ibid., 108.
[7]) Ibid., 122.
[8]) Ibid., 13.
[9]) Ibid., 52.
[10]) Ibid., 336.

а товаръ ихъ грабятъ, или что въ 1140 г. въ предѣлахъ кіевскаго княжества проживаютъ новгородцы [1]) и т. д. Мы думаемъ, что фактъ проживанія по долгу въ разныхъ пунктахъ страны участниковъ войнъ—приведенными лѣтописными датами установленъ; а разъ представители извѣстной народности жили въ средѣ другой, слѣды отъ этого, болѣе или менѣе глубокіе, оставались на типѣ населенія.

Еще болѣе мозаично по своему составу, чѣмъ общее войско, была княжеская дружина: здѣсь подборъ народностей былъ самый разнообразный [2]). Извѣстно, что во все время существованія дружины, она была сбродная по своему составу и безпрерывно наполнялась пришельцами изъ разныхъ концовъ не только южной Россіи, но и изъ странъ, лежащихъ внѣ ея предѣловъ [3]). Пестроту состава дружины особенно обстоятельно и картинно рисуютъ намъ былины, эти народные свидѣтели сѣдой старины; но не мало матеріала по этому вопросу заключаютъ и лѣтописи. Кромѣ южныхъ славяно-руссовъ въ княжескую дружину входили особенно варяги (чѣмъ ближе къ началу періода, тѣмъ ихъ больше): послѣднихъ воинственныхъ пришельцевъ было особенно много въ южно-русской землѣ, и они разлились, вмѣстѣ съ расширеніемъ области княжескихъ владѣній, по всей странѣ въ видѣ многочисленныхъ дружинниковъ князей. Затѣмъ въ числѣ дружины и слугъ княжескихъ находимъ: печенѣговъ [4]), ляховъ [5]), сѣверно-руссовъ [6]), чудь [7]), ясовъ [8]) и т. д. Каждый князь, переходя изъ удѣла въ удѣлъ, переводилъ съ собою свою дружину; изъ нея же разсылались по го-

[1]) Ibid., 220.

[2]) Невольно, при вопросѣ о составленіи князьями своей дружины въ первый періодъ южно-русской исторіи, переносишься ко времени болѣе близкому къ намъ—къ XVII и XVIII в., когда въ Запорожьѣ крестное знаменіе и обѣщаніе не имѣть при себѣ семьи кодифицировало пріемъ въ среду запорожскихъ братчиковъ: можно думать, что также невелики были требованія и такъ-же не сложенъ былъ процессуальный порядокъ при поступленіи въ княжескую дружину.

[3]) *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 144.

[4]) Ипат. лѣт., 95.

[5]) Ibid., 360, 376.

[6]) Ibid., 575.

[7]) Ibid., 120, 140, 614.

[8]) Ibid., 401.

родамъ и волостямъ княжескіе посадники [1]), которые являлись на посадничество, конечно, со своею дружиною, въ видѣ гарнизона; бывали случаи, что дружина поселялась на постоянное жительство въ княжескія области и не переходила уже съ княземъ на новый удѣлъ [2]).

Не безъ вліянія на этнологическое измѣненіе населенія южной Руси были *браки князей* съ иностранцами. Въ разсматриваемый нами періодъ бракъ правящей семьи не былъ ничѣмъ регламентированъ и южно-русскіе князья женились на дочеряхъ своихъ дружинниковъ; но не мало было браковъ русскихъ князей и съ иноземками: съ „гречинями“ [3]), „чехинями“ [4]), „болгарынями“ [5]), „половчанками“ [6]), „ляховицами“ [7]), брались жены и отъ угровъ [8]), и отъ ясовъ [9]). Подобные-же браки вѣроятно происходили и между дружинниками, а равно и въ остальномъ населеніи, что совершенно возможно было при сравнительной многочисленности и разнообразіи иноземцевъ въ странѣ. Черезъ подобные браки само собою происходило физіологическое перерожденіе южнаго славяно-русскаго населенія. Въ частности перерожденіе многочисленной тогда княжеской семьи отразилось на типѣ высшаго класса въ южной Руси, съ которымъ члены княжеской семьи постепенно сливались.

Но кромѣ пересмотрѣнныхъ нами путей, черезъ которые вливался иноземный элементъ въ среду южно-руссовъ, были пути и иного характера. Въ лѣтописный періодъ южная Русь не отдѣлена была ни физическими, ни нравственными преградами отъ прочей Европы и отъ остальнаго міра. Южная Русь и западная Европа принадлежали еще къ одной семьѣ, сношенія были часты, безпре-

---

[1]) Ibid., 204, 251, 358, 406, 460 и т. д.

[2]) Въ 1150 г. Изяславъ съ дружиною своею пошелъ «къ Мичьску» и «ту *ускрѣтоша и дружины* многое множество, *иже сидяхуть по Тетереви*, и ту поклонишася Изяславу и мичане съ ними, рекуче: «ты нашъ князь», Ипат. лѣт., 286.

[3]) Ипат. лѣт., 53, 113.

[4]) Ibid., 53. [5]) Ibid.

[5]) Ibid., 161, 357, 443.

[6]) Ibid., 207, 414.

[7]) Ibid., 228.

[8]) Ibid., 202.

рывны. Подтвержденіе этому даютъ указанныя женитьбы князей [1]), а также обычай искать спасенія у своихъ европейскихъ сосѣдей—угровъ, ляховъ, чеховъ, грековъ [2]) и пр., процвѣтаніе языкознанія въ княжеской семьѣ (кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ) и торговыя сношенія. Особенно сильнымъ побужденіемъ къ сношенію съ иноземцами была торговля. Въ княжескій періодъ торговля охватывала въ южной Россіи далеко большую часть населенія, чѣмъ въ наше время, такъ какъ (мы уже видѣли) оно было не исключительно земледѣльческое, а правильнѣе охотницко-земледѣльческое. Продукты земледѣлія, а особенно промышленности: рыба, мѣха, воскъ, медъ и срубленный лѣсъ главный сбытъ могли найти за предѣлами страны, такъ какъ внутри страны масса жителей удовлетворялась собственными продуктами. Частію сырье это спускалось на югъ по рѣкамъ Днѣпру, Бугу и Днѣстру, частію отвозились и сухимъ путемъ по трактамъ „Залозному“, „Соляному“ и „Греческому“ [3]), но въ значительной степени сбывались *внутри страны* иностранцамъ, проживающимъ здѣсь по городамъ. По торговымъ побужденіямъ приливалъ въ страну самый разнообразный элементъ, между прочимъ евреи, съ конца XII ст., армяне, венеціане и генуэзцы, тогда всемірные коммерсанты, также греки, а очень вѣроятно и нѣмцы. Иностранцы-торговцы, конечно, проживали, главнымъ образомъ, въ большихъ, центральныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Львовъ, Владиміръ Волынскій и проч. Такъ въ Кіевѣ, по словамъ „Слова о Полку Игоревѣ“, жили „греци и морава, нѣмцы и венедици“; во Владимірѣ Волынскомъ обитали „нѣмци, и суражцѣ, и новгородци, и жидове [4]). Особенно торговый иностранный элементъ мы должны предполагать въ западной половинѣ южной Руси, въ галицко-владимірскомъ княжествѣ, которое было и ближе къ западной Европѣ, и черезъ которое проходили транзитныя дороги изъ Азіи въ Европу.

---

[1]) *Костом.*, I, 138.

[2]) Особенно часто князья убѣгали *«въ ляхы»* (Ипат. лѣт., стр. 100, 121, 128, 144, 176, 384, 488, 521, 535, 562), а подъ конецъ періода— *«въ Угры»* (ibid., стр. 97, 445, 518, 523, 528, 535).

[3]) Ипат. лѣт., 360, 370.

[4]) Ibid., 605.

Доступность южной Россіи иноземной торговлѣ позволяла проникать иноземному элементу и съ задачами культурно-религіозными. Изъ легенды о принятіи христіанства, занесенной въ лѣтопись подъ 986 г. [1]), въ Кіевѣ были съ цѣлью религіозной пропаганды: евреи, греки, нѣмцы и болгары. О томъ-же говорятъ намъ и кровавыя трагедіи человѣческихъ жертвоприношеній Владиміра язычника [2]). Съ принятіемъ христіанства къ намъ явилось греческое духовенство [3]): Греція съ Ольги и до конца періода продолжаетъ высылать духовныхъ греческой національности въ южную Русь [4]). Такъ въ 1164 г. въ Черниговѣ былъ епископъ Антонъ, „родомъ грѣчинъ“ [5]); въ 1124 г. „изъ грекъ“ пришелъ къ намъ митрополитъ Никита [6]) и т. д. Но рядомъ съ византійскимъ православіемъ, сдѣлавшимся преобладающею религіей, въ южной Руси шла проповѣдь и римскаго католицизма, что ясно видно изъ полемическихъ рѣчей нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ, напримѣръ Ѳеодосія печерскаго; съ католическою проповѣдью проникала на югъ Россіи и латинско-католическая культура. Однажды лѣтописецъ прямо указываетъ, что въ Кіевѣ жили римско-католики, именно въ 1175 г. князь Ярославъ „на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыяномъ—попрода весь Кыевъ, игумены, и попы, и черньцѣ и черницѣ *латину* [7]) и гостѣ“. Судя по такимъ ересямъ, какъ секта жидовствующихъ, можно предполагать, что между славяно-руссами не ослабѣвало и религіозное вліяніе послѣдователей Моисея. Тѣмъ болѣе послѣднее предположеніе вѣроятно, что въ сосѣдствѣ съ южными славяно-руссами и въ близкихъ взаимныхъ сношеніяхъ съ ними, именно съ сѣверянами, находилось долгое время хозарское царство, въ которомъ

---

[1]) Ibid., 56—74.
[2]) Ibid. (983 г.), 54.
[3]) Ibid., 79, 83.
[4]) Ипат. лѣт., 352.
[5]) Ibid., 358.
[6]) Ibid., 215.
[7]) Ibid., 393. Мы думаемъ, что названіе «*латины*», каковымъ именемъ у насъ въ тотъ періодъ и позже назывались римско-католики (напр. въ путешествіи Даніила Паломника «Латины начаша верещати») и постановка рядомъ съ «чернецы» и «черницы» именно позволяетъ понимать слово «*латини*» не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ религіозномъ.

господствующее значеніе, какъ мы увидимъ ниже, имѣла религія Моисея. Такимъ образомъ, въ лѣтописный періодъ южные славяно-руссы оказываются *подъ многоразличными религіозными вліяніями, тождественными тогда съ общимъ просвѣщеніемъ* [1]).

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло съ инородцами, которые являлись въ южную Русь изъ предѣловъ западной Европы, и вліяніе которыхъ было въ большей степени культурное, чѣмъ физіологическое на коренныхъ обитателей страны; но въ этотъ-же періодъ, какъ и въ предшествующій, безпрерывно азіатскіе кочевые народы являлись массами въ страну, держали ее въ напряженіи долгое время, вызывая коренное населеніе на энергическую дѣятельность, и цѣлыми массами ассимилировались съ нимъ. Этнологическое значеніе кочеваго азіатскаго населенія для южно-руссовъ, въ смыслѣ физіологическаго видоизмѣненія этнографическаго типа послѣднихъ, гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ инородцевъ. Но, чтобы не дробить вопроса о южно-русскихъ кочевникахъ, поговоримъ объ этомъ во второй половинѣ главы, а теперь перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, какія явились въ южномъ славянскомъ населеніи въ XI—XIII в.

Соціальныя и политическія условія исторической жизни южной Руси въ лѣтописный періодъ имѣли то значеніе, что во второй его половинѣ значительно стираются тѣ этнографическія дробленія, на

---

[1]) Мы далеки отъ мысли, чтобы иноземнымъ представителямъ религіи въ краѣ, равно какъ и иноземнымъ коммерсантамъ, проживавшимъ въ южной Россіи, приписывать національное вліяніе на южныхъ славяно-руссовъ: первые, какъ носители религіозной идеи, вторые, какъ и всякіе торговцы, не могутъ, собственно говоря, считаться никогда за представителей тѣхъ національностей, къ которымъ они относятся,—это прежде всего и больше всего космополиты, а потомъ уже сыны націи. Мы не можемъ по этому поводу отказать себѣ въ удовольствіи указать на статью г. Ядринцева («Русск. Мысль», 1883 г., № 3), въ которой такъ рельефно показано, что національное ассимилирующее значеніе по отношенію къ инородцамъ Сибири оказываютъ лишь русскіе крестьяне, а не русскіе купцы, вліяніе которыхъ — одно обѣдненіе инородцевъ и постепенное ихъ вымираніе («Русск. Мысль», 1883 г., № 3). Но и тѣ и другіе въ южной Россіи съ своей стороны способствовали атрофированію той національной исключительности, къ какой бываютъ склонны народы на первобытныхъ ступеняхъ культуры, а внесеніемъ въ южный славяно-русскій міръ интересовъ обще-человѣческихъ, образовательныхъ и религіозныхъ помогали объединенію самихъ славяно-руссовъ.

которыя распался южно-русскій край въ IX—X в.; прежнія названія южныхъ славяно-руссовъ (древляне, поляне, хорваты и пр.) совершенно исчезаютъ со страницъ писанныхъ памятниковъ (да, кажется, и въ жизни), и группировка населенія въ южной Руси съ конца IX в. начинается не по этнографическимъ свойствамъ населенія, а по административнымъ центрамъ, хотя районъ каждой административной единицы опредѣляется не безъ вліянія этнографическихъ особенностей [1]).

До татарскаго нашествія въ предѣлахъ южной Руси мы видимъ слѣдующія земли: I *земля кіевская;* II *волынская;* III *галицкая земля* (она-же *Galicia*) „*червонная* или *чермная Русь,* IV *черниговосѣверская,* V *переяславская* и VI *болоховская земля* (или точнѣе „болоховскіе городы“).

Чернигово-сѣверская земля XII и начала XIII вѣка на востокѣ ограничивалась верхнимъ теченіемъ р. Дона, отсюда граница направлялась къ устью праваго притока Оки, и оканчивалась на р. Лопаснѣ, ея лѣвомъ притокѣ; на сѣверѣ она сходилась съ землями суздальскою и смоленскою, пересѣкая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ р. Днѣпръ, который почти до устья Десны служилъ западною гранью черниговской земли съ кіевской; лѣвый притокъ Десны—Остеръ отдѣлялъ ее на югѣ отъ переяславской земли, а далѣе на юго-востокъ чернигово-сѣверская земля сливалась съ половецкою степью [2]). Такимъ образомъ территорія чернигово-сѣверскаго княжества охватывала жилища радимичей и вятичей, народностей, живущихъ за предѣлами южно-русской страны, и большей части сѣверянъ. Другая, меньшая часть послѣднихъ входила въ составъ *переяславской земли* [3]), которая была ограничена на сѣверѣ Остромъ, на западѣ южнымъ теченіемъ Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра приблизительно до устьевъ р. Сулы, а отсюда граница ея шла по Хоролу, притоку Псла, пересѣкала Пселъ и Ворсклу, и приблизительно простиралась до верхняго Донца; на югѣ и востокѣ переяславская земля сливалась со

[1]) *Костом.*, «Моногр.», XII, 21; I, 150 стр.
[2]) *Илов.*, II, 52.
[3]) Ibid., 69.

степью [1]). Земля переяславская, по этнографическому составу однородная съ черниго-сѣверскою, всегда болѣе тянула къ землѣ кіевской, отдѣленной отъ нея и отъ черниговской земли р. Днѣпромъ. Кіевскую землю составляли земли полянъ, древлянъ. Предѣлы этой центральной земли южной Россіи терялись съ одной стороны въ болотахъ и пущахъ припетскаго полѣсья [2]), а съ другой стороны—въ степныхъ пространствахъ, почти достигая до порожистыхъ частей Днѣпра, хотя постоянною границею можно считать р. Рось [3]); на западѣ она тянулась до рѣкъ Горыни и Случи, на востокѣ естественною гранью служилъ Днѣпръ. *Волынская земля* занимала область верхней Припети и важнѣйшихъ правыхъ ея притоковъ, какъ Турія, Стоходъ, Стырь и Горынь [4]), принадлежала съ одной стороны къ системѣ вислянской, а съ другой, черезъ притоки Припети,—къ днѣпровской [5]).

Какъ уже указано было, на востокѣ границу волынской земли съ кіевской нужно предполагать по р. Горыни и ея притокѣ Случи; на сѣверѣ волынская земля граничила съ пинско-туровскимъ полѣсьемъ [6]), западная-же и южная граница постоянно мѣнялись при борьбѣ волынскихъ князей съ галицкими, результатомъ чего было слiяніе обѣихъ этихъ земель. Во всякомъ случаѣ въ область волынской земли входили *волыняне* (т. е. бужане, дулѣбы) и частію дреговичи. Западную часть южной Россіи занимала *галицкая земля*, начинаясь недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простиралась на югъ до устьевъ р. Дуная [7]). На западѣ отъ венгерскаго народа отдѣлялъ галицкую землю карпатскій горный кряжъ, на сѣверномъ склонѣ котораго находился городъ Санокъ—„ворота угорьскыя“, по выраженію лѣтописца; пограничье съ Польшею составляла территорія между рѣками Дунайцемъ и Попрядомъ; на югѣ галицкія

---

[1]) Отъ черниговской земли переяславская отдѣляясь водопускомъ, дающимъ начала рѣкамъ полт. губ.: Трубежу, Сулою, Удаю и Ромну (Соловьевъ, I, 16), отъ кіевской—Днѣпромъ.

[2]) *Илов.*, II, 15.

[3]) Ibid., 14—16.

[4]) Ibid., 22.

[5]) *Соловьевъ*, 14—16.

[6]) *Илов.*, II, 22.

[7]) Ibid., 30; Сол., 14—16.

поселенія встрѣчались по притокамъ Дуная—Пруту и Серету, до самыхъ устьевъ Дуная и, такимъ образомъ, сходились съ землями валаховъ и болгаръ [1]), хотя при постоянныхъ въ этомъ пунктѣ передвиженіяхъ кочевниковъ изъ южно-русскихъ степей въ придунайскія страны населеніе здѣсь было рѣдко. Изъ народностей, образовавшихъ галицкую землю, должно считать прежде всего *хорватовъ;* къ послѣднимъ примкнули отчасти тиверцы, часть которыхъ, отъ р. Ушицы до карпатскаго подгорья въ половинѣ XII в., при князѣ Володимірѣ Володимировичѣ примкнула къ Галичу; сѣверо-восточная часть земли галицкой образовалась изъ поселеній дреговичско-волынскихъ. Къ концу лѣтописнаго періода, при распаденіи галицко-волынскаго княжества, между Случью и Горынью составляется группа городовъ, подъ названіемъ Болоховской земли, съ сильно развитымъ общиннымъ устройствомъ. Они вступаютъ въ связь съ приднѣстровскими городами и съ бывшимъ галицкимъ понизовьемъ. Къ болоховскимъ городамъ присоединяются города по р. Тетереву изъ кіевской земли и съ другой стороны—Вѣло-Бережцы и Чернятинцы по Горыни. На непродолжительное время возникали и другія земли, напр. туровская, въ которую входили, главнымъ образомъ, дреговичи, но скоро она распалась на два удѣла—туровскій и пинскій, которые при князѣ Даніилѣ примкнули къ Галиціи. Въ указанныя нами пять земель не вошли только уличи и тиверцы (кромѣ части послѣднихъ, вошедшей въ составъ галицкой земли). Съ самаго начала они стоятъ особнякомъ отъ событій южно-русской исторіи и не служатъ удѣломъ ни одному князю. Въ XII в., по тексту лѣтописца, эти народности еще существовали („и суть грады ихъ и до сегодне“) [2]), но потомъ они исчезаютъ съ историческаго горизонта; можно думать, что подъ давленіемъ кочевниковъ (венгры, печенѣги и половцы), населеніе уличей и тиверцевъ подвигалось далѣе на западъ, въ Болгарію, разрѣжая густоту населенія въ своихъ прежнихъ жилищахъ, пока и совсѣмъ не исчезли, предоставивъ свою территорію для новой колонизаціи изъ земли галицкой. Остальныя южныя славяно-русскія народности (сѣверяне, поляне, древляне, хорваты и часть дреговичей) остались въ главной массѣ на прежъ-

[1]) *Ипов.*, II, 30.

[2]) Ипат. лѣт., 14.

нихъ мѣстахъ, но только подъ вліяніемъ уже частію разсмотрѣнныхъ этнологическихъ условій, на столько, можно думать, потеряли типичность свою, что совершенно исчезаютъ со страницъ источниковъ; вмѣсто нихъ выступаютъ административно политическія названія по „землямъ“, какъ мы указывали, и по городамъ: „кіяне“, „черниговцы“, „чернятинцы“, „владимірцы“, „берладники“ и т. д. Но нельзя не замѣтить, что къ концу лѣтописнаго періода начинаютъ обрисовываться новыя этнографическія группы; къ такимъ мы причисляемъ: 1) *жителей Посемья* [1]), гдѣ прежде сходились сѣверяне съ вятичами и радимичамм; 2) *поросянъ* [2]) (*поршанъ*), гдѣ совмѣстно жили поляне и осѣдлые печенѣги; 3) *бродниковъ* [3]), жившихъ среди кочевого населенія; 4) *болоховцевъ* и др. Вообще-же этнографическія подраздѣленія населенія уступаютъ группировкѣ характера административно-политическаго, и въ этомъ случаѣ дробленность, судя по названіямъ, была велика и соотвѣтствовала тому дробленію, какое мы привыкли читать на страницахъ нашихъ историко-политическихъ трактатовъ.

Нельзя не замѣтить и другой перемѣны въ этнологическихъ свойствахъ славяно-русскаго населенія южной Руси, именно, что одно родная до того времени масса расчленилась на классы или сословія. Въ южной Руси въ XI—XII в. образуется классъ духовенства, являются „лучшіе мужи“, „держащіе землю“, „людіе, граждане, народъ, земля“ и „смерды“ [4]); скоро и низшій слой общества—„людіе“ вновь распадается—на лучшихъ людей—старостъ и на худшихъ—рядовичей; потомъ и эти разряды распались еще на живущихъ за князьями и на живущихъ за боярами [5]), а въ XII в. были уже въ южной Руси ралейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ [6]). Кромѣ того существовали и рабы (челядь), бывшіе даже предметомъ торга на иноземныхъ рынкахъ [7]).

---

[1]) Ипат. лѣт., 236, 251, 435 и т. д.
[2]) Ibid., 230, 265, 267, 329, 368, 391.
[3]) Ibid., 242.
[4]) *Бѣляевъ*, 11.
[5]) Ibid., 12.
[6]) Ibid., 17.
[7]) Ипат. лѣт., 44.

Историками установлено обязательное положеніе, что южная Русь во вторую половину лѣтописнаго періода (въ эпоху княжескихъ междоусобицъ) была несравненно болѣе раздроблена, чѣмъ въ первую; но мы ошиблись-бы, понявъ это положеніе въ этнографическомъ смыслѣ. Напротивъ, этнографическое дробленіе до X в. включительно было болѣе рельефно, чѣмъ въ тяжелую пору княжескихъ неурядицъ: всѣ племенныя группы (поляне, древляне, сѣверяне, уличи и т. д.) были дѣйствительно обособлены своими типическими особенностями, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ скорѣе можно предполагать тѣ анти-соціальныя чувства [1]), какія обыкновенно имѣютъ мѣсто между разными первобытными племенами, чѣмъ сознаніе своего племеннаго единства; послѣднее могло быть скорѣе въ инстинктѣ, если можно такъ выразиться, чѣмъ въ сознаніи патріархальнаго славяно-русскаго населенія. На отсутствіе всякаго племеннаго единства между славяно-руссами указываетъ между прочимъ неимѣніе общаго для нихъ названія: имя „анты“ было не народное, а иноземное и употреблялось иностранцами, да къ IX—X в. оно и совсѣмъ утратилось; имя волынянъ, аналогичное съ антами, было въ это время названіемъ частнымъ, то же нужно сказать и объ имени „славянъ“ (словѣне); употребленіе-же этого названія лѣтописцемъ и нашими духовными писателями въ смыслѣ общемъ для всѣхъ народностей славянскаго племени, во первыхъ, относится къ XI—XII в., а во вторыхъ, здѣсь имя „словѣне“—названіе книжное и употребляется искусственно [2]).

Иное мы видимъ во вторую половину періода: перетасовка южныхъ славяно-русскихъ племенъ, благодаря которой въ области сѣверянъ поселились дреговичи, поляне, хорваты и пр., и обратно—сѣверяне жили у полянъ, у волынянъ и у другихъ, одинаковое вѣроисповѣданіе, единство княжескаго рода, общія культурныя вліянія, объединяющее дѣйствіе инородныхъ поселенцевъ и иностранныхъ миссіонеровъ и торговцевъ—все это вмѣстѣ не только способствовало стушевыванію оригинальностей въ отдѣльныхъ славяно-русскихъ народностяхъ, но и помогало объединенію южныхъ славяно-руссовъ.

---

[1]) Ibid., 7.
[2]) Ibid.

Конечно, сознаніе племеннаго единства при раздробленности на удѣлы отчетливѣе было у князей и у представителей тогдашней культуры—у духовенства, но нельзя отказать въ этомъ сознаніи и общему населенію, конечно, на столько, на сколько оно и теперь, напримѣръ, существуетъ у нашего простонародья. Князья очень часто въ разгарѣ взаимной борьбы обращаются къ примиряющему вліянію племеннаго единства, напримѣръ кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ; но болѣе рельефнымъ образчикомъ этого можетъ служить послѣдній актъ до-монгольской исторіи—это битва на Калкѣ. Въ 1224 г., при первомъ появленіи татаръ въ южной Россіи, противъ нихъ выступили „половецкыя полки и рускыя"; подъ послѣдними разумѣются войска Мстислава кіевскаго, Мстислава черниговскаго, Мстислава галицкаго, смольняне, волынцы, галичане, черниговцы, кияне, трубчане, путивльцы, „выгонцы галичьныя" [1]), т. е., въ составъ „русскихъ полковъ" вошли представители отъ всей почти южной Россіи, со смежными съ нею смольнянами, путивльцами, курянами и трубчанами. Имена „русскіе" и Русь начинаютъ служить въ эту эпоху объединяющимъ названіемъ для всей южной Россіи. Сначала „Русь" (и производныя отъ этого корня названія) служитъ частнымъ названіемъ преимущественно для полянъ кіевской области. Но, рядомъ съ частнымъ значеніемъ, слова „Русь", „русская земля" употребляются и въ болѣе обширномъ смыслѣ, какъ названія общія для всей южной Руси въ тогдашнихъ ея предѣлахъ (кромѣ галицко-волынской земли). Прежде всего въ такомъ смыслѣ употребляется слово „Русь", когда сла-

[1]) Такъ подъ 898 г. лѣтописецъ говоритъ: «Словѣны-же сѣдяху по Дунаю, ихъ-же пріяша угре, и моравы, и чехи, и ляхове, и *поляне*, яже нынѣ зовется «Русь» (Ипат. лѣт., стр. 15). Въ 1115 г. кн. Юрій завладѣлъ кіевской землей, и «пріяв (его), говоритъ лѣтописецъ, съ радостью вся земля русская, тогда-же сѣдь, раздалъ волости дѣтемъ: Андрѣя посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, а Василькови да Поросье» (ibid., 329). Въ 1185 году Всеволодъ, кн. суздальскій, проситъ себѣ части въ русской землѣ: «Торцького, Треполя, Корьсуня, Богуславля, Канева» (ibid., 459, и др. мѣста: 94, 242, 314, 379, 429, 540 и т. д.). Мы опускаемъ безъ вниманія употребленіе лѣтописцемъ слова «Русь» въ болѣе раннюю эпоху (напр. подъ 852 г., стр. 10, или подъ 882 г., 13), такъ какъ это есть только архаизмъ: слову Русь здѣсь придано то значеніе, какое давалось ему во время лѣтописца, т. е. въ XII в.

вяно-русское населеніе противополагается иноземному: печенѣгамъ [1]), половцамъ [2]), ляхамъ [3]), уграмъ [4]), нѣмцамъ [5]) и др.

Но и безъ такого противоположенія названія „Русь", „русская земля" относится въ лѣтописи исключительно къ южной Россіи, при чемъ послѣдняя противополагается всей области сѣверно-руссовъ—суздальцамъ [6]), володимірцамъ [7]), ростовцамъ [8]) и вообще сѣверу Россіи [9]). Почти до конца XII в. изъ южно-русскихъ земель подъ названія „Русь" „Русская земля" не подходитъ лишь галицко-владимірская земля, которая также нерѣдко лѣтописцемъ противополагается южной Россіи [10]). Но съ XIII в. галицкая земля не только начинаетъ причисляться къ „русской землѣ", „Руси" [11]), но со временъ особенно монгольскаго нашествія, когда опустѣвшее приднѣпровье переселило неистребленную часть своего населенія въ Галицію, за Галиціей остается, такъ сказать, преимущественное названіе „Руси", „русской земли". Мы думаемъ, что существованіе особаго названія для всего южно-русскаго населенія въ лѣтописный періодъ и его частое употребленіе при другихъ, изложенныхъ нами выше условіяхъ, указываетъ на то, что въ ту эпоху, при видимой расчлененности края въ административно-политическомъ отношеніи, этнографическое единство южной Руси не потерялось, а скорѣе окрѣпло. Выводъ этотъ подкрѣпляютъ и такія полу-народныя произведенія, какъ „Слово о полку Игоревѣ", проникнутое отъ начала до конца мыслью о единствѣ южныхъ славяно-русскихъ земель.

Когда внутри славяно-русскихъ поселеній водворялось инородное населеніе и шли кардинальныя измѣненія національной ор-

---

[1]) Ипат. лѣт., 94, 262.
[2]) Ibid., 421, 429, 435, 438 и 516.
[3]) Ibid., 462, 516.
[4]) Ibid., 534.
[5]) Ibid., 558, 596.
[6]) Ипат. лѣт., 213, 302, 314, 392, 449.
[7]) Ibid., 411.
[8]) Ibid., 392.
[9]) Въ 1148 г. Изяславъ кіевскій «да дары Ростиславу, что отъ русскыя земли отъ всѣхъ царьскихъ земель (т. е. Визавтіи), и Ростиславъ (Смоленскій) да дары Изяславу, что отъ Верьхи ихъ земель и отъ Варягъ» (Ипат. лѣт., 549, 260).
[10]) Ипат. лѣт., 262, 289, 310, 312, 313, 314, 446 и др.
[11]) Ibid., 479, 505, 507.

ганизаціи, славяно-русская народность продолжала двигаться къ перифериямъ страны и захватывать колонизаціей новыя области. Въ противоположность первому періоду, когда славянское племя направлялось главнымъ образомъ на западъ, въ лѣтописный періодъ общее движеніе южныхъ славяно-руссовъ тянется болѣе всего на востокъ и проч. Болѣе рельефно вырисовывается разселеніе славянскихъ обитателей южной Россіи на восточныхъ и западныхъ ея окраинахъ. На западѣ, изъ земли галицкой и отчасти изъ волынской колонизація идетъ по прибрежьямъ рѣкъ Днѣстра, Прута и Серета къ устью Дуная, и такимъ образомъ наша западная окраина связывается съ Чернымъ моремъ и дѣлается посредницей въ торговлѣ Азіи съ Европой. Въ этихъ вновь заселенныхъ мѣстахъ упоминается значительное число городовъ; между ними: Дрествинъ, Бѣлгородъ, Черинъ, Аскій-Торгъ, Романовъ-Торгъ, Сочава, Середъ, Баня, Берладь и др., и здѣсь, какъ увидимъ, даже послѣ монголовъ были еще не только деревни, но и города, населенные русскими [1]), на южномъ-же побережьѣ Прута возникаетъ одинъ изъ удѣловъ галицкихъ—Берладскій. Нѣсколько позже, чѣмъ на югѣ, колонизуются на сѣверѣ низовья западнаго Буга: Подлинская земля, т. е. малороссійскія части нынѣшнихъ губерній сѣдлецкой и гродненской, гдѣ между другими возникаютъ города: Брестъ (Берестье), Драгочинъ, Каменецъ, Вѣльскъ, Холмъ и др.; всѣ эти города съ территоріей между западнымъ Бугомъ и Паревомъ съ XIII ст. сливаются съ галицкимъ княжествомъ. Съ присоединеніемъ къ галицкому княжеству туровскаго и пинскаго удѣловъ, особенно съ кн. Романа, въ ятвяжскихъ земляхъ, которыя прикасались къ Волыни, по зап. Бугу начинаютъ селиться славяно-русскіе колонисты и всячески притѣсняютъ туземцевъ, въ силу чего ятвяги подвигаются далѣе на сѣверъ, а земли ихъ присоединяются къ волынскому княжеству, и здѣсь при Василькѣ Романовичѣ является каменецкій удѣлъ съ городомъ Каменцемъ-Подольскимъ. Если мы теперь обратимся къ восточной окраинѣ южной Россіи, то и здѣсь замѣтимъ тотъ-же колонизаціонный процессъ. Славяно-русскіе обитатели, даже съ занятіемъ степей кочевымъ населеніемъ, продолжали сну-

[1]) *Брунъ*, 273.

скаться по рѣкамъ с. Донцу и Дону (ихъ поселенія можно предполагать по всему прибрежью этихъ рѣкъ), и для огражденія отъ кочевниковъ должны были обезопасить свои жилища городами и начать борьбу съ ними. Въ борьбѣ со своими кочевыми сосѣдями населеніе Подонья, а также тмутараканской области пріобрѣло стройность и неустрашимость, выработало въ себѣ болѣе независимый характеръ и стало въ нѣсколько натянутыя отношенія къ своей метрополіи [1]). Въ лѣтописи подонское населеніе извѣстно подъ именемъ бродниковъ, которые въ 1147 г. помогаютъ новгородъ-сѣверскому князю Святославу Ольговичу [2]), а въ 1223 г. вожакъ бродниковъ Плоскиня, находясь въ союзѣ съ монголами, предлагалъ Мстиславу кіевскому свободу за выкупъ [3]). Около того-же времени, въ 1227 г., папа Григорій IX заботился о распространеніи христіанства „*in Cumania et Brodnik*, terra vicina, de cujus gentis conversione speratur“ [4]). Къ этимъ-же бродникамъ или, по крайней мѣрѣ, къ обрусѣвшимъ между бродниками инородцамъ могутъ быть причислены козаки, поселившіеся въ ахматовыхъ слободахъ, въ курской области, а потомъ бѣжавшіе оттуда къ баскаку Ахмату въ Каневъ, въ сосѣдствѣ коего они основали въ 1282 г. г. Черкассы на Днѣпрѣ [5]).

Изъ земли чернигово-сѣверской шли черезъ Донъ славяно-русскія поселенія въ сосѣдней муромской области [6]), и этой-же землѣ нужно приписать колонизированіе вообще финской области на юго-востокѣ Россіи, хотя сюда, безъ сомнѣнія, шла колонизація и изъ областей сѣверныхъ славяно-руссовъ, но такъ какъ движеніе съ юга отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ шло отъ главной сцены дѣйствія—отъ кіевской земли, то естественно, что оно было быстрѣе, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, мало еще населенной области верхней Волги. Движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки [7]).

---

[1]) *Голуб.*, 12.
[2]) Ипат. лѣт., 242.
[3]) *Брунъ*, 116; *Голуб.*, 12.
[4]) *Брунъ*, ibid.
[5]) Ibid., 119.
[6]) *Голуб.*, 25.
[7]) *Соловьевъ*, I, 23.

Такимъ образомъ изъ территоріи южной Россіи славяно-русскаго населенія мы не можемъ указать лишь въ предѣлахъ новороссійскаго края, въ юго-восточной части подольской губерніи, въ южной половинѣ харьковской и въ теперешнихъ малороссійскихъ частяхъ воронежской губерніи. Эти незанятыя тогда южно-руссами области были достояніемъ кочеваго азіатскаго населенія.

Въ теченіи всего разсматриваемаго періода Азія, какъ и въ первый періодъ, продолжала надѣлять южную Русь своими обитателями, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ безпрерывной смѣнѣ. Съ VI по XIII в. наша страна принимала послѣдовательно болгаръ, аваровъ, угровъ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ монголовъ. Всѣ эти народы двигались съ востока на западъ черезъ южно-русскія степи, раскинувшіяся отъ Дона до устьевъ Дуная, и разница между ними главнымъ образомъ заключается во времени, какое они проживали въ южно-русскихъ предѣлахъ. Народы кочевые ранняго періода (болгары, авары, угры) только, такъ сказать, перешли черезъ нашу страну, направляясь въ западную Европу, гдѣ они или исчезали (авары), или же осѣдали (болгары, угры); остальные-же кочевники (хозары, печенѣги, половцы и монголы) дальше южной Россіи не пошли. Очевидно, западная Европа достигла въ это время такой культурной и политической мощи, что имѣла силу закрыть доступъ внутрь своихъ странъ (какъ это сдѣлала въ XV ст. и Россія) новымъ народамъ, и имъ пришлось остановиться навсегда въ предѣлахъ южной Россіи. *Болгары* принадлежали къ урало-алтайскому (или угро-татарскому) племени туранскаго семейства и жили первоначально при соединеніи Камы съ Волгой (остатки ихъ тамъ мы видимъ въ настоящее время въ Черемисахъ и Мордвѣ) [1]. Одна изъ вѣтвей волжско-камскихъ болгаръ, отдѣлившись около V в., осѣла въ Мизіи въ VII ст., употребивъ такимъ образомъ на переходъ съ береговъ рѣки Волги къ устью Дуная около двухъ столѣтій. Время проживанія этихъ перекочевывавшихъ болгаръ на территоріи южной Россіи обыкновенно полагаютъ въ промежуткѣ между концомъ VI-го в. и началомъ VII-го. Перешедши потомъ черезъ Дунай и овладѣвши Ми-

[1]) *Максъ Миллеръ*, «Наука о языкѣ», I т., лекція 8.

зіей, они смѣшались съ пришедшими туда раньше славянами, передавши послѣднимъ свое названіе [1]). Съ болгарами закрываются такъ называемыя „желѣзныя ворота“ Дуная, потому что здѣсь возникаетъ сильное болгарское государство, и послѣдующія кочевыя орды проникали въ западную Европу уже черезъ Карпаты.

За болгарами въ VI—VII в., какъ мы уже говорили въ первой главѣ, пришли авары (обры). Время проживанія аваровъ въ южной Россіи было, можно думать, особенно тяжелымъ временемъ для славянскихъ обитателей: у нихъ въ подчиненіи были анты, жестокое обращеніе съ одною вѣтвью которыхъ—дулѣбами, осталось памятно не только до временъ лѣтописца, но и до нашихъ дней въ видѣ народныхъ преданій о древнихъ исполинахъ—„обрахъ“ [2]). Ослабленные въ своей кочевой мощи сосѣдствомъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія, авары частью погибли въ борьбѣ съ антами [3]) и отъ какой-то повальной болѣзни [4]), частію, подъ давленіемъ слѣдующихъ кочевниковъ, перебрались въ западную Европу. Изъ столкновеній аваровъ съ побужскимъ населеніемъ—дулѣбами можно заключать, что они прошли въ западную Европу не вторымъ путемъ—черезъ устья Дуная (путь этотъ былъ запертъ славяно-болгарскимъ населеніемъ [5]), а сѣвернѣе, черезъ среднюю часть Карпатъ, менѣе возвышенную и перерѣзанную долинами горныхъ рѣкъ и ручьевъ [6]). Тою-же дорогою шли потомъ и угры (венгры). Отдѣлившись отъ урало-алтайской группы, угры явились въ предѣлы южной Россіи между 884 и 898 г., когда степное ея пространство было занято уже хозарами. Можно думать, что они, переходя южную Русь, подпали подъ зависимость хозаръ [6]); но потомъ они подвигаются западнѣе, въ Атель-Кузъ (Бессарабію), откуда и перебираются по

---

[1]) Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, въ русской исторической наукѣ, что болгары были не урало-алтайцы, а славяне.—*Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ». «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 731—733.

[2]) *Симашкевичъ*, «Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи», вып. 2-й, стр. 29.

[3]) *Шафарикъ*, I, 117.

[4]) Ипат. лѣт., 7.

[5]) *Илов.*, II, 26—27.

[6]) *Бест.-Рюм.*, 70.

дорогѣ аваровъ за Карпаты [1]). Угры были послѣднимъ азіатскимъ народомъ, который успѣлъ помѣститься въ предѣлахъ западной Европы; послѣ нихъ кочевникамъ открыта была только южная равнина Россіи. Слѣдующіе потоки кочеваго населенія, разбившись о западныя преграды, залили собою южную Русь, которая съ этого времени одна, безъ раздѣла со своими западными сосѣдями, выноситъ на себѣ всѣ послѣдствія отъ сожительства съ кочевниками. Эпоха съ IX по XIII в. можетъ быть отнесена къ періоду самаго экстенсивнаго вліянія народовъ урало-алтайской группы на южное славяно-русское населеніе. Въ указанный промежутокъ по южной границѣ земель галицко-волынской, а потомъ кіевской и переяславской и на востокъ отъ послѣдней, по всему юго-востоку земли черниговo-сѣверской широко раскинулись кочевья азіатскихъ ордъ, обнимавшихъ всю степную полосу отъ Днѣстра до Яика [2]). Здѣсь проживали послѣдовательно одни за другими: хозары, печенѣги, половцы и наконецъ монголы.

Хозары, кочевавшіе на хвалынскомъ поморьѣ съ III по VII ст., передвинулись въ южно-русскія степи къ концу VIII в. [3]); въ IX в. мы видимъ въ подчиненіи у нихъ изъ южно-русскихъ славянъ: сѣверянъ и полянъ, которые платили имъ дань „по бѣлѣ“ и „по вывѣрицѣ“ и „отъ дыма мечь“ [4]); но едва-ли власть хозаръ не распространялась и на остальныхъ славяно-руссовъ до р. Днѣстра. Исторія застаетъ хозаръ въ исходѣ ихъ проживанія въ южной Россіи. Въ это время они главною своею массою обитали на Подоньѣ и представляли изъ себя полу-кочевое населеніе, образуя такъ называемое хозарское царство. По своимъ бытовымъ и общественнымъ свойствамъ хозары напоминаютъ намъ скиѳовъ съ одной стороны и монголовъ съ другой въ тотъ періодъ, когда у послѣднихъ явилась Золотая Орда съ богатымъ и блестящимъ городомъ Сараевомъ, полнымъ всякаго иноземнаго населенія. Видимо, они находились подъ культурнымъ вліяніемъ другихъ народностей, между которыми выдѣляются евреи, религія которыхъ была господствующею у хо-

---

[1]) Ibid.

[2]) *Иловайскій*, II, 74.

[3]) *Шафарикъ*, III, 100—108.

[4]) Ипат. лѣт., 11.

заръ: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали тогда хозарскій каганъ и городское хозарское населеніе. Центромъ хозарскаго царства былъ городъ Саркелъ или Бѣлая-Вежа, но существовали и другія городскія поселенія, какъ Шурукань (нынѣшній Харьковъ), Сугровъ (близъ Изюма), Балинъ, Чемлюевъ [1]). Въ хозарскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Европой и Азіей, обитали, кромѣ хозаръ, евреи, славяно-руссы, греки, арабы (скорѣе персы) и другія народности [2]). Внѣ городовъ хозарское населеніе не отставало отъ своихъ кочевыхъ привычекъ. Поселенія сѣверянъ по рѣкамъ сѣверному Донцу и Дону первыя подверглись вліянію хозаръ; можетъ быть, тогда еще изъ смѣси сѣверянъ съ хозарами зародилось то славянское населеніе Подонья, которое потомъ, около эпохи монголовъ всплыло подъ именемъ „Бродниковъ“. Изъ предѣловъ сѣвернаго Донца и Дона хозары распространились на югъ до Тмутаракани [3]), и даже на крымскій полуостровъ, и на сѣверѣ глубоко врѣзывались въ предѣлы сѣверянъ. Памятниками, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить районъ поселеній хозарскихъ, остаются до нашего времени хозарскія „городища“. По этимъ остаткамъ можно предполагать поселенія хозаръ въ харьковской губерніи, въ уѣздахъ харьковскомъ, сумскомъ, валковскомъ, изюмскомъ [4]), а также въ черниговской губерніи [5]) и въ полтавской по р. Сулѣ, въ уѣздахъ кременчугскомъ, кобелякскомъ, полтавскомъ; а частію въ зѣньковскомъ, миргородскомъ и хорольскомъ [6]). Изъ тѣхъ немногихъ

---

[1]) *Голуб.*, 9.

[2]) Общеизвѣстный фактъ о судьяхъ въ Саркелѣ: двухъ для хозаръ іудеевъ, двухъ для христіанъ и одного для русскихъ и другихъ язычниковъ (Бест.-Рюм., 80).

[3]) Ипат. лѣт., 144.

[4]) «Каганово городище» и «Кагановъ перевозъ» близъ города Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, около сс. Ковеги и Одринки — «хозарское городище» въ хозарскомъ урочищѣ. Въ 1847 г. въ сумскомъ уѣздѣ, около слободы Нижней-Сыроватки найденъ былъ кладъ изъ 206 монетъ. По заключенію академика Френа монеты, здѣсь найденныя, принадлежатъ частію Азіи, частію сѣверной Африкѣ, одна монета явилась изъ Андалузіи; многія изъ монетъ относятся къ VII в., большая часть къ XIII и началу IX. Вѣроятнѣе всего, что означенный кладъ тоже служитъ памятникомъ хозаръ и ихъ всемірной торговли. (*Филаретъ*. «Историко-стат. описаніе харьк. епархіи»).

[5]) *Голуб.* 41—42.

[6]) Списки населенныхъ мѣстъ (полт. губ.).

свѣдѣній, которыя занесены на страницы лѣтописей, мы видимъ, что южные славяно-руссы находились въ болѣе или менѣе сходныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ, въ какихъ были позже къ печенѣгамъ и половцамъ: сначала южные славяно-руссы были въ подчиненіи у хозаръ [1]), а позже южно-русскіе князья то ходили противъ нихъ съ войскомъ [2]), то приглашали ихъ къ себѣ въ военные союзники [3]). Долгое сожительство хозаръ съ славяно-руссами, одинаковость торговыхъ и промышленныхъ интересовъ и близость культурнаго развитія обоихъ народовъ даютъ основаніе заключить по аналогіи съ печенѣгами о томъ, что значительная часть хозаръ ассимилировалась со славяно-русскимъ населеніемъ на восточной окраинѣ южной Россіи; другая-же половина хозаръ, проживавшая въ степи, вѣроятно, была поглощена своими замѣстителями — *печенѣгами*. *Печенѣги* (или *узы*) въ началѣ X в. заняли своими кочевьями все степное пространство отъ р. Дона до р. Дуная [4]), но первоначально они расположились по сторонамъ нижняго Днѣпра [5]), вблизи порогов [6]). Продолжая кочевать по свободному отъ славяно-русскаго населенія пространству южной Россіи, они при первомъ появленіи нападаютъ на осѣдлое населеніе [7]), вступая въ борьбу съ южно-русскими князьями [8]); но потомъ, какъ и ихъ предшественники, дѣлаются военными союзниками послѣднихъ [9]). Сосѣдство и общіе военные интересы сближаютъ печенѣговъ со славяно-руссами, они, видимо подпадаютъ вліянію осѣдлаго населенія и начинаютъ постепенно и сами осѣдать. Приходъ во второй половинѣ XI вѣка половцевъ приближаетъ вежи печенѣжскія къ жилищамъ славяно-руссовъ, и скоро печенѣги окружили какъ-бы кольцомъ всю южную и юго-восточную границу славяно-русскихъ поселеній юга Россіи. Осѣданіе шло, конечно, постепенно, кочевники частями (мо-

---

[1]) Ипатск. лѣт. 9, 11.
[2]) Ibid. 142, 144.
[3]) Ibid. 103.
[4]) Ипатск. лѣт. 26, *Забѣлинъ* II т. 149.
[5]) *Забѣл.* Ibid.
[6]) Ипатск. лѣт. 48, 83.
[7]) Ibid. 26, 105 и т. д.
[8]) Ibid. 43.
[9]) Ibid. 52, 99.

жетъ быть родами, родственными группами) [1]) поселялись вблизи осѣдлыхъ обитателей; отсюда является къ этому времени множество названій для разныхъ отдѣловъ печенѣжскаго населенія, именно: *печенѣги* [2]), *торки* [3]) (торцы), берендичи [4]) (берендѣи); туршѣи [5]), коуи [6]) (куи, коусы), каспичи [7]) и бастѣева гадь [8]). Въ это время названіе печенѣговъ теряетъ свой общій смыслъ, получаетъ болѣе узкое значеніе, а вмѣсто него общимъ именемъ является—„черные клобуки“ [9]) или „черный клобукъ“ [10]); но крайней мѣрѣ можно утвердительно сказать, что послѣднее названіе обнимаетъ собою торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ и коуевъ [11]). Поселенія „черныхъ клобуковъ“ шли на правой сторонѣ Днѣпра по р. Роси, гдѣ былъ впослѣдствіи на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, или-же у самаго устья р. Роси [12]) и ихъ городъ Торческъ, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Украйнѣ переяславской, вѣроятно, по обоимъ берегамъ р. Сулы (на „Посульѣ“) и преимущественно въ углу, который образуется Днѣпромъ и Сулою, въ окрестностяхъ города Боруча, лежавшаго вблизи городовъ Горань-Княжа, Нежатина, Городка и Серебрячаго [13]) и въ черниговo-сѣверскомъ княжествѣ, вѣроятно, въ полосѣ, заключающейся между Семью и Остромъ [14]). Разселившись на окраинахъ славяно-русскихъ поселеній, печенѣги не отрѣ-

---

[1]) *Кост.*, I, 144—147, *Илов.* II, 70—71.
[2]) *Ип. лѣт.*, 174, 204, 205 и т. д.
[3]) Ibid., 114, 143, 154, 210.
[4]) Ibid., 186, 216, 353.
[5]) Ibid., 277.
[6]) Ibid., 296, 354, 372.
[7]) Ibid., 348.
[8]) Ibid., 372, 375.
[9]) Ibid., 251, 262, 454.
[10]) Ibid., 356, 421.
[11]) Ibid., 296, 354.
[12]) *Костомар*, I, 144—147.
[13]) *Багалѣй*, 125—126.
[14]) Поселенія печенѣговъ можно предполагать и на западѣ отъ кіевской земли по южной границѣ—въ теперешней Подоліи, или древнемъ Понизьѣ (Симашкевичъ, стр. 111), и далѣе; но крайней мѣрѣ извѣстно, что печенѣги находились въ распоряженіи угорскихъ князей: такъ въ 1334 г. угорскій король послалъ Ярополку въ помощь отъ себя «Берендичевъ 30 тысящъ» (Ипатск. лѣт. 216).

шились сразу отъ кочевыхъ привычекъ: они продолжали жить въ открытомъ полѣ, подвижными „вежами“, или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ, хотя имѣли и постоянныя становища, огороженныя валами, куда они собирали свои семьи и стада въ военное время. Въ болѣе-же опасныхъ случаяхъ, напримѣръ при нападеніи половцевъ, укрывались подъ защиту русскихъ городковъ [1]), пока на окраинахъ, гдѣ соприкасалось славяно-русское населеніе съ печенѣжскимъ, не возникаютъ городки, вѣроятно со смѣшаннымъ населеніемъ. Кромѣ упомянутаго уже города Торческа на р. Роси, были еще города Древенъ, Чюрпяевъ [2]). Можно предполагать также, что печенѣжскія городскія населенія были на лѣвомъ берегу Днѣпра; памятникомъ такихъ поселеній служатъ названія ихъ городищъ [3]).

Кромѣ такого признака осѣдлой жизни печенѣговъ, какъ города, у нихъ можно предполагать и существованіе земледѣлія [4]); но оставаясь народомъ полу-кочевымъ и воинственнымъ, печенѣги образовали изъ себя по окраинамъ южной Россіи подвижное войско князей, которое съ одной стороны отражало набѣги кочевниковъ, а съ другой—участвовало и въ другихъ (напримѣръ междоусобныхъ) войнахъ князей. Наравнѣ со славяно-русскими обитателями, печенѣги были въ подчиненіи тѣхъ князей, во владѣніяхъ которыхъ они обитали: такъ были „коуи черниговскіе [5])“, „торки переяславскіе [6])“, и т. д., но это, впрочемъ, не мѣшало имъ при междоусобной борьбѣ князей переходить то къ одной, то къ другой сто-

---

[1]) Ипатск. лѣт., 208, 296.

[2]) Ibid., 450 456.

[3]) Печенѣжскія городища между прочимъ указываются въ предѣлахъ харьковской губерніи: такъ въ ахтырскомъ уѣздѣ, между деревнями Литовкою и Боголюбовкою находятся два городища Кукуевы, въ лебединскомъ уѣздѣ въ 5 верстахъ отъ с. Боровеньки — также Кукуево городище, которое преосвященный Филаретъ сближаетъ съ кукуями или ковуями, и въ Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ слобода Городная, находилось «*Торчиново Городичево*», т. е. остатокъ города торковъ. О торкахъ-же напоминаетъ намъ и прежнее названіе города Славянска-Торчъ по р. Торцу, а на печенѣговъ указываетъ своимъ именемъ мѣстечко Печенѣги (или Ново-Бѣлгородъ) лебединскаго уѣзда (Филаретъ).

[4]) *Костом.*, I, 144—147.

[5]) Ипатск. лѣт., 431.

[6]) Ibid., 143.

ронѣ. Трудно дать точный отчетъ, какъ велико было полу-осѣдлое населеніе печенѣговъ, во всякомъ случаѣ оно было значительно. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по тому значительному цифровому контингенту, какой они посылали своимъ князьямъ на помощь въ видѣ войска. Такъ въ 1160 г. „послалъ бяше Ростиславъ ис Киева помочь Рогъволоду съ Жирославомъ съ Нижировичемъ торкъ 600[1])“. Въ 1142 г. Глѣбъ „посла брата своего Михаила, и съ нимъ переяславець сто, а берендѣевъ полторѣ тысяцѣ[2]), въ 1183 году у Мстислава Володимiровича берендѣевъ было 2100[3]); въ 1185 г. съ Контувдѣемъ (торцькимъ княземъ) было 6000 воиновъ[4]). Попятно, что при такой численности печенѣги имѣли важное, а иногда и рѣшающее значеніе въ княжескихъ междоусобіяхъ, на что и указываютъ многія мѣста лѣтописи, напр.: въ 1161 г. „начаша молвити дружина Ростиславля: княже! се братія твоя къ тобѣ не притягнули, и берендичѣ ни торци, а сихъ *сила велика*[5]); или Изяславъ говоритъ своей дружинѣ: „Паки ны нѣльзѣ будеть поѣхати на Бѣлъ-Городъ, а въ Черныя Клобуки въѣдемъ; аже уже въ Черныи Клобуки въѣдемъ и съ ними ся скупимъ, то надѣемся на Бога, то не боимся Гюргя, ни Володимира[6]).

Поселившись на южныхъ предѣлахъ Руси, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ осѣдлыми славяно-руссами, печенѣги естественно подверглись вліянію послѣднихъ[7]), и съ конца XI в. всѣ эти торки, берендѣи, печенѣги, ковуи и проч. начали входить въ южно-русскую жизнь и, сливаясь постепенно съ туземцами, составили часть южно-русскаго народа[8]), принесли, конечно, въ этнологическія особенности южно-русскаго славянина не мало нравственныхъ чертъ и бытовыхъ отличій.

---

[7]) Ibid., 346.
[1]) Ипатск. лѣт. 380.
[2]) Ibid. 426.
[3]) Ibid. 436.
[4]) Ibid. 353.
[5]) Ibid. 287.
[6]) *Иловайск.*, II, 70—71.
[7]) *Костомар.*, I, 144, 147.

Въ половинѣ XI в. [1]) южно-русскія степи приняли къ себѣ изъ Азіи новое кочевое населеніе *половцевъ* (или кумановъ [2]). Сначала главныя силы половцевъ кочевали только въ придонскихъ степяхъ и далѣе на востокъ до Яика [3]), но скоро онѣ придвинулись и къ Днѣпру и стали своими вежами на побережьи рѣкъ Самары, Углы (Орели) [4]), Скопороди [5]) на югѣ, можетъ быть, до Чернаго моря [6]). Кочевыя орды половцевъ, передвигая постоянно по степямъ свои вежи, дѣлились на роды, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные ханы; кромѣ племенной связи, едва ли всѣ ихъ роды имѣли какое либо единство. При чистотѣ бытовыхъ фирмъ кочеваго періода, чѣмъ половцы разнятся не только отъ хозаръ, но и отъ печенѣговъ во все время ихъ пребыванія въ предѣлахъ южной Россіи, трудно предполагать у нихъ существованіе какой-либо политической организаціи, а равно и признаковъ осѣдлой жизни. Правда, у подонскихъ половцевъ лѣтопись указываетъ намъ на существованіе городовъ: Шураканя, Сугрова [7]), Болина [8]); но едва ли это не города, оставшіеся еще отъ хозаръ и теперь служившіе для зимнихъ ставокъ половецкихъ хановъ.

Въ отмѣченномъ нами районѣ постоянно пребывали вежи половцевъ съ ихъ женами и дѣтьми, рабами и скотомъ [9]); все же мужское населеніе, способное носить оружіе и управлять конемъ, отъ мала до велика [10]), по выраженію лѣтописца, уходило за добычею. Въ своихъ военно-разбойничьихъ поѣздкахъ половцы доходили на западѣ до Дуная, гдѣ „воеваша на Грѣкы“, а на сѣверѣ ихъ набѣгамъ подвергались, главнымъ образомъ, земли: *черниговосѣверская, переяславская* и кіевская, хотя отъ половецкаго опустошенія не ускользнули, конечно, и земля галицко-волынская, но осо-

[1]) Ипатск. лѣт., 114, 115.
[2]) Костомар., I, 133.
[3]) Ипатск. лѣт., 192, 204, 431.
[4]) Ипатск. лѣт., 317, 369.
[5]) Ibid., 369, 440.
[6]) Ibid., 451.
[7]) Ипатск. лѣт., 192.
[8]) Ibid., 204.
[9]) Ibid., 317, 444, 455, 455.
[10]) Ibid., 431.
[11]) Ibid., 186, 344, 427, 444, 453; Брунъ, 269.

бенно много пострадали отъ нихъ побережья р. Роси на правой сторонѣ Днѣпра, и Сулы на лѣвой [1]); здѣсь рѣдкій годъ проходилъ безъ набѣга половцевъ. Набѣги половцевъ отличались большими опустошеніями; они разоряли города [2]), а жителей уводили въ плѣнъ [3]). Населеніе не только запиралось отъ нихъ въ городахъ, но вынуждено было бѣжать въ глубь страны и даже совершенно выселяться изъ областей, подвергавшихся ихъ набѣгамъ: такъ можно думать, что съ XII в. побережье р. Сулы очистилось отъ славяно-русскаго населенія, благодаря лишь половцамъ [4]). Разрушительнымъ характеромъ этихъ кочевниковъ объясняется и та враждебность, съ какой лѣтописецъ, довольно объективно разсказывавшій о хозарахъ и печенѣгахъ, говоритъ о половцахъ: онъ ихъ именуетъ то „дикии половци“ [5]), то „безбожнии измаильтяне, окаяньнии агаряне, нечистии исчадія“ [6]). Подобными-же эпитетами онъ надѣляетъ и ихъ хановъ („князей“), напр. „Концакъ, злуначальникъ, нравовѣрнымъ крестьяномъ“ [7]). Изъ того-же источника происходитъ и радость, съ какою встрѣчались на Руси побѣды надъ половцами, и въ немъ-же находимъ объясненіе, почему война Игоря Святославича въ 1175 г. возведена была въ подвигъ и сдѣлалась предметомъ народной поэмы „Слово о Полку Игоревѣ“. Ежегодныя нападенія половцевъ на южно-русскія земли доставляли имъ большой контингентъ плѣнныхъ обоего пола, которыхъ они обращали въ рабство и въ большинствѣ случаевъ продавали корсунскимъ и таманскимъ евреямъ, а отъ послѣднихъ славяно-русскіе плѣнники или преимущественно въ восточныя мусульманскія страны [8]). Однако вредъ, какой приносили южно-русской странѣ половцы, не помѣшалъ сближенію послѣднихъ съ славяно-руссами. При междоусобныхъ войнахъ князья начинаютъ принимать къ себѣ въ союзники кочевыхъ

---

[1]) Ibid. 154, 185, 186, 208, 456, 480.
[2]) Ibid. 343.
[3]) Ibid. 317, 186.
[4]) Ипатск. лѣт., 480.
[5]) Ibid., 228, 337, 292, 354, 466 и т. д.
[6]) Ibid., 414, 424.
[7]) Ibid., 414.
[8]) *Голуб.*, 78.

враговъ своей родины [1]). Вслѣдъ за этимъ возникаютъ и родственныя отношенія между семьями южно-русскихъ князей и семьями половецкихъ хановъ. Послѣднее обстоятельство указываетъ между прочимъ на то, что внѣшняя физическая красота не чужда была половцамъ. Повидимому, это былъ крѣпкій и красивый народъ: не даромъ-же красота половецкихъ женщинъ отмѣчена въ „Словѣ о Полку Игоревѣ", гдѣ воспѣваются „красивыя дѣвки половецкыя". Можно думать, что вслѣдъ за князьями, браки съ половецкими женщинами вошли въ обычай и у прочаго славяно-русскаго населенія, что было весьма естественно, такъ какъ князья съ походовъ противъ половцевъ, напр. въ 1103 и въ 1111 г. возвращались съ полономъ, и тогда половецкіе плѣнники умножали населеніе южной Россіи [2]). Сближеніе южно-руссовъ съ половцами черезъ совмѣстные походы и браки вело къ ихъ взаимному вліянію: половцы безъ сомнѣнія поддавались культурному вліянію южно-руссовъ, а на послѣднихъ отражалось обратное вліяніе половцевъ, какъ вольныхъ наѣздниковъ и болѣе опытныхъ воиновъ [3]). Дальнѣйшее сосѣдство половцевъ съ южными славяно-руссами, вѣроятно, имѣло-бы результатомъ своимъ такое-же слiяніе, какое мы констатировали относительно печенѣговъ, но этому помѣшали монголы, которые, нахлынувши въ южно-русскія степи, поглотили половецкихъ кочевниковъ.

Кромѣ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ въ близкихъ отношеніяхъ съ южно-руссами того времени стояли и другіе выходцы изъ Азіи—это *ясы и косоги* или черкассы. Составляя, можетъ быть, одну изъ вѣтвей хозаръ, косоги обитали въ предѣлахъ Тмутаракани еще до водворенія тамъ сѣверянъ; въ періодъ тмутараканскаго княжества часть ихъ оставалась въ краѣ, составляя здѣсь, по мнѣнію г. Иловайскаго, мѣстную аристократію [4]), тогда какъ остальное черкасское населеніе было отодвинуто къ кавказскимъ горамъ.

При половцахъ черкассы жили у Азовскаго моря и были, безъ сомнѣнія, въ сношеніяхъ съ сѣверянами, а позднѣе особенно въ

---

[1]) Ипатск. лѣт., 242, 314, 375 и т. д.
[2]) *Костомаровъ*, I, 144—147.
[3]) *Голубъ.*, 91—92.
[4]) *Илов.*, т. II, 86.

близкихъ отношеніяхъ съ бродниками, которые жили въ землѣ черкассовъ [1]). Но и раньше сношенія ясовъ и косоговъ съ славяно-русскимъ населеніемъ было несомнѣнно: мы уже отмѣтили выше, что „Ясинъ родомъ“ былъ въ числѣ княжескихъ дружинниковъ, и что отъ ясовъ была взята жена князю Ярополку, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи г. Костомарова, что въ то время часть ясскаго племени вошла въ составъ южныхъ славяно-руссовъ [2]); г. Иловайскій дѣлаетъ болѣе смѣлое въ этомъ отношеніи предположеніе, полагая, что прикавказскіе жители, въ томъ числѣ конечно ясы и косоги, во время угнетеній половецкихъ, селились на русскихъ украйнахъ [3]).

Менѣе интересна и важна въ этнографическомъ отношеніи разсматриваемый нами періодъ исторія другихъ инородческихъ поселеній въ южной Россіи, къ которымъ нужно отнести *грековъ*, *итальянцевъ*, *евреевъ*, *нѣмцевъ*, *поляковъ*, *венгровъ* и *литовцевъ*. Съ самымъ началомъ лѣтописнаго періода византійскимъ грекамъ [4]) принадлежали устья Дуная, весь таврическій полуостровъ и сѣверныя побережья Азовскаго моря, гдѣ были разсѣяны, главнымъ образомъ при устьяхъ рѣкъ, ихъ города. Изъ такихъ греческихъ поселеній особенно важны по своимъ сношеніямъ съ южной Россіей Бѣлградъ на р. Днѣстрѣ, Олешье на р. Днѣпрѣ, Корсунь (Херсонесъ), Руссія (Керчь), Таматарха (Тмутаракань, Тамань) и Тана у устья Дона. Съ VI по XI в. южные славяно-руссы, дѣлаютъ свои нападенія на эти греческія колоніи; послѣдній изъ такихъ походовъ намъ извѣстенъ въ 1084 г., когда, по словамъ лѣтописи, „Давыдъ зая грѣкы въ Олешьи и зая въ нихъ все имѣніе“ [5]). Были сношенія славяно-руссовъ съ греками также и мирнаго характера: во 1-хъ, южно-русскіе промышленники (рыболовы) спускались по рѣкамъ къ самымъ прибрежьямъ Чернаго и Азовскаго морей и, какъ видно изъ договора Игоря [6]), занимались рыбною ловлею въ греческихъ

---

[1]) *Брунъ*, 116.

[2]) *Костомировъ*, I, 147.

[3]) Илов., т. II, 17—18.

[4]) *Византійскія колоніи* являются на черноморскомъ берегу очень рано, по крайней мѣрѣ мы ихъ находимъ тамъ ранѣе VI-го вѣка.

[5]) Ипатск. лѣт., 144.

[6]) Ibid., 32.

водахъ, оставаясь тамъ на жительство все теплое время года. Здѣсь-же происходила продажа и мѣна южно-русскаго сырья на произведенія греческой страны, между прочимъ на соль, и очень вѣроятно, что въ такихъ городахъ, какъ напримѣръ Олешье, были постоянными жителями и славяно-руссы. Но особенно видное вліяніе грековъ, какъ извѣстно, начинается съ X-го в., когда съ принятіемъ христіанства въ южную Русь пошли, кромѣ греческихъ торговцевъ, еще греческое духовенство и греческая интеллигенція.

Моментъ самаго большаго вліянія грековъ на южную Русь совпалъ съ началомъ паденія греческихъ торговыхъ колоній по побережью Чернаго и Азовскаго морей: ихъ мѣсто начали занимать здѣсь итальянцы (генуэзцы и венеціане), оживившіе торговлю на югѣ [1]). Пробиваясь постепенно со своими торговыми судами въ воды Чернаго моря, генуэзцы въ 1170 г. заключаютъ договоръ съ императоромъ Мануиломъ Комниномъ, по которому имъ сдѣлался открытымъ доступъ во всѣ порты Чернаго моря, за исключеніемъ Руссіи и Тамотархіи, т. е. для нихъ осталось закрытымъ съ этого момента лишь Азовское море [2]). Но вѣроятно вскорѣ послѣ этого договора итальянцы уничтожаютъ и эту послѣднюю преграду, такъ какъ уже въ XII в. они принимали участіе въ торговлѣ города Таны (Азовъ), которая съ этого времени сдѣлалась на долго складочнымъ пунктомъ, находясь на великомъ торговомъ пути изъ средней Азіи въ Европу. Другимъ складочнымъ мѣстомъ для торговли остался городъ Олешье [3]), гдѣ кромѣ греческихъ и русскихъ торговцевъ проживали также и итальянцы. Тану и Олешье можно считать тѣми пунктами, изъ которыхъ итальянцы проникали во внутреннія торговые центры южной Россіи, напримѣръ Кіевъ.

Таврическій полуостровъ и черноморско-азовское прибрежье дали тогда-же южной Россіи и третій торговый народъ—*евреевъ*. Въ VI в. по Р. Хр. евреи были уже въ предѣлахъ крымскаго полуострова [4]); конечно, они были и въ греческихъ колоніяхъ на

---

[1]) *Плов.*, II, 83.

[2]) Ibid., 85.

[3]) Ibid., 82.

[4]) Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія въ Чуфутъ-Кале, близъ Бахчисарая, въ Карасубазарѣ, въ Феодосіи и др. мѣстахъ таврическаго полуострова открыто

сѣверномъ побережьѣ Азовскаго моря. Въ IX в. ихъ вліянію подпадаетъ обширное хозарское царство, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ. При половцахъ евреи становятся посредниками въ торговлѣ и между прочимъ при сбытѣ первыми своихъ рабовъ изъ плѣнныхъ южнорусовъ въ предѣлы Азіи. Очень рано слѣды еврейскаго населенія мы находимъ и внутри поселеній южныхъ славяно-руссовъ, между прочимъ въ Кіевѣ. Такъ при Владимірѣ св., какъ показываетъ лѣтописное сказаніе о принятіи христіанства, евреи уже были здѣсь; были они также и во время Ѳеодосія печерскаго, и во время митр. Иларіона, на что указываютъ проповѣди этихъ послѣднихъ. Судя по культурной роли евреевъ въ хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, можно думать, что евреи X-го в. были *библеисты*, выходцы непосредственно изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, ассимилировавшихся позже съ татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но съ юга южная Русь получила незначительное количество еврейскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ ихъ числомъ, какое дала ей западная Европа. Есть основаніе думать, что уже съ XI в. къ намъ стали переляться западные евреи—талмудисты, спеціализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. По крайней мѣрѣ этими признаками, которыми отличаются евреи-талмудисты въ наше время, характеризуются кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Извѣстно, напримѣръ, что по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ“ и „разграбиша я“ [1]), въ отместку за ихъ ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Противъ тѣхъ-же язвъ борется и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленія о „рѣзахъ“ и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ это время евреи составляли уже не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева: такъ извѣстно, что при пожарѣ въ 1124 г. въ Кіевѣ по-

---

много надгробныхъ памятниковъ и рукописей, указывающихъ на присутствіе здѣсь евреевъ въ VII ст.—Военно-Стат. об. Рос. Имп. 1844 г., т. XI, ч. 2 («таврич. губ. 103 стр.»).

[1]) Ипатск. лѣт., 198.

горѣли и „жидове“ [1]). Вѣроятно, они жили въ отдѣльномъ предмѣстьѣ, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, гдѣ были „жидовскія ворота“ [2]). Нельзя допустить, чтобы поселенія евреевъ ограничивались городомъ Кіевомъ, вѣроятно, они были и въ другихъ торговыхъ городахъ, какъ Любечъ, Черниговъ. По крайней мѣрѣ евреи оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти кн. Андрея въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ [3]). Особенно-же можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской [4]) землѣ, какъ области ближайшей къ западной Европѣ и притомъ отличающейся внѣшней торговлей.

Изъ западной Европы въ лѣтописный періодъ начали выселяться въ южную Россію еще *нѣмцы*, *поляки* и *венгры*. Въ X в., какъ мы уже видѣли выше, нѣмецкое населеніе было въ Кіевѣ и его мы должны разумѣть между прочимъ въ католикахъ, съ которыми боролось православное духовенство, не исчезло оно и въ XI и въ послѣдующихъ вѣкахъ [5]); но въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ нѣмецкое населеніе находимъ въ галицко-волынской землѣ, начиная съ XII в., когда эта часть южной Россіи чрезъ угровъ, чеховъ и поляковъ становится въ близкія отношенія къ западной Европѣ, сносится съ католическимъ міромъ и подпадаетъ его вліянію. Нѣмецкое населеніе въ галицко-волынскомъ княжествѣ являлось въ двухъ видахъ: то наемныхъ военныхъ отрядовъ, то ремесленниковъ и торговцевъ. Первыхъ приводили въ край главнымъ образомъ польскіе короли, когда имъ приходилось завладѣвать сѣверными городами Галиціи, и оставляли здѣсь какъ свой гарнизонъ. Такой нѣмецкій гарнизонъ находился въ Краковѣ, напримѣръ, въ 1290 г. [6]). Но есть основаніе предполагать, что нѣмецкія войска были на службѣ и у южно-русскихъ князей: такъ въ 1149 г., по разсказу лѣтописца, г. Луческъ защищался осаж-

[1]) «Тогда погорѣ Подолье... въ утрій же день погорѣ Гора и монастыревѣ вен, что изъ на Горѣ въ градѣ, и жидове». Ипатск. лѣт., 208.
[2]) Ibid., 232, 296.
[3]) Ibid., 401.
[4]) Ипатск. лѣт., 605.
[5]) Idib., 393.
[6]) Ibid., 614.

денными въ немъ нѣмцами [1]), потомъ въ 1280 г. Владиміръ галицкій, посылая помощь кн. Льву, отрядилъ тогда-же и какого-то Кафилата-Силезца [2]) съ войскомъ, вѣроятно, одного изъ начальниковъ нѣмецкаго отряда. Мирное-же нѣмецкое населеніе постепенно проникало въ страну, и, какъ ремесленно-торговый народъ, селилось въ городахъ [3]), образуя городское населеніе: такъ въ г. Холмъ при первомъ его основаніи въ 1259 г. вмѣстѣ съ „Русью“ явились и нѣмцы [4]). Въ городѣ Владимірѣ Галицкомъ нѣмцы пользовались одинаковыми правами горожанъ съ южно-руссами и, можно думать, уже тогда начали представлять изъ себя городскую денежную аристократію; къ такому предположенію приводитъ сказаніе лѣтописца о томъ, какъ въ г. Владимірѣ „немѣчинъ“ Маркольтъ угощалъ у себя князей Василька, Льва и Войтелка [5]). Слѣдовательно, еще въ лѣтописный періодъ положено начало онѣмеченію западныхъ южно-русскихъ городовъ, развитіе коего мы находимъ въ послѣдующее время.

Тогда-же западная часть южно-русскаго края начала подпадать вліянію другаго народа, игравшаго впослѣдствіи еще болѣе видную роль, какъ въ политико-экономической, такъ и въ этнологической судьбѣ галицкаго населенія,—*поляковъ*. „Ляхы“, какъ называетъ обыкновенно поляковъ лѣтописецъ, были, и постоянными сосѣдями южнаго славяно-русскаго населенія на западѣ. Въ началѣ лѣтописнаго періода, по своимъ этнологическимъ особенностямъ, ляхи и южные славяно-руссы мало имѣли еще между собою различительныхъ признаковъ, какъ мало ихъ было тогда и вообще между всѣми славянскими народностями: народъ южно-русскій, по мнѣнію г. Костомарова, былъ въ такомъ отношеніи къ польскому, какъ и къ болгарскому,—какъ русскіе при Святославѣ могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ, явившись въ южную Русь и занявши Кіевъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ [6]), считалъ Русь за продолженіе Польши [7]). Понятно,

[1]) Ibid., 272.
[2]) Ibid., 582.
[3]) Ibid., 605, 596.
[4]) Ibid , 558.
[5]) Ипатск. лѣт., 573.
[6]) Ibid., 100—101.
[7]) *Костомаровъ*, I, 93—94.

что при такихъ условіяхъ край сосѣдній съ ляхами галицко-владимірской земли занялъ исключительное положеніе по отношенію къ полякамъ. Очень рано, при Владимірѣ св. [1]) и Ярославѣ, объединительныя стремленія изъ Полянской области коснулись и хорватовъ, равно какъ и ляховъ; но тутъ не имѣли того успѣха. Но близости хорватовъ возникалъ тогда другой объединяющій центръ въ племени польскомъ, и хорваты болѣе другихъ южныхъ славянорусскихъ народностей подчиняются польскому вліянію [2]). Галицкая земля по частямъ входила въ предѣлы польскихъ владѣній, и понятно, что въ ней рано явилось польское населеніе. Ляшскій элементъ былъ самый разнообразный въ галицко-волынской землѣ: здѣсь были и ляхи бояре, и войско ляшское, и ляхи-торговцы, и ляхи ремесленники [3]); жило это населеніе по преимуществу въ городахъ. Но если мы здѣсь указали населеніе польское только въ галицко-владимірской землѣ, то этимъ мы старались показать преимущественное вліяніе ляховъ въ этомъ краѣ, польскій же элементъ несомнѣнно присутствовалъ во всѣхъ другихъ областяхъ южной Россіи, на что мы уже указывали выше, когда говорили о княжедружинѣ, о плѣнѣ и пр.

Еще большею исключительностью, чѣмъ относительно поляковъ, галицкая земля отличалась между другими частями южной Россіи относительно угровъ. Очень рано завязываются сношенія южно-руссовъ съ Венгріей: сюда убѣгаютъ южно-русскіе князья отъ своихъ враговъ; здѣсь они нерѣдко женятся и отсюда приводятъ въ помощь себѣ довольно значительные военные отряды угровъ [4]), которые проникаютъ до Кіева. Но въ XII в. угры являются въ южную Русь уже не какъ союзники, а какъ господа, такъ какъ Галицкая земля на нѣкоторое время дѣлается удѣломъ угорскихъ князей [5]).

Въ этотъ промежутокъ времени въ край галицкій явилось, понятно, и угорское населеніе, какъ привилегированный классъ; такъ угры, сдѣлавшись господами страны, перебили много галичанъ, противившихъ новому порядку, *раздавали имѣнія и должности сво-*

[1]) Ипатск. лѣт., 54, 105.
[2]) *Смирновъ*, 15.
[3]) Ипатск. 492, 558 и т. д.
[4]) Ibid., 177, 178, 284.
[5]) Ibid.

имъ, отстраняя галичанъ [2]), кромѣ того, что по городамъ расположились гарнизоны изъ угровъ.

На сѣверо-западѣ, въ предѣлы южной Россіи, хотя и весьма незначительною частью заходили населенія литовскаго племени. Сосѣднимъ къ южно-руссамъ литовскимъ племенемъ были ятвяги; населенія ихъ въ X в. [3]) отдѣляли отъ славяно-русскаго населенія на юго-западѣ р. Наревъ, на югѣ Бѣловѣжская Пуща, а къ востоку полоса лѣсовъ между рѣками Свислокомъ и Россотою [4]), т. е. имъ принадлежали малорусскія части теперешней гродненской и сѣдлецкой губерніи. Когда началось въ южной Россіи объединеніе славяно-русскихъ народностей, оно коснулось и ятвяговъ: къ нимъ ходили съ войскомъ въ 983 г. Владиміръ св., въ 1036 г. Ярославъ и временно территорія ихъ была въ зависимости отъ Кіева [6]). Вмѣстѣ съ ними подчинились и сосѣди ятвяговъ—голядь [6]); но эта зависимость была не прочная и сопровождалась цѣлымъ рядомъ войнъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ почти литовскія вѣтви: ятвяги, голядь, литва, пруссы, жмудь и др., и тогда часть плѣнныхъ литовцевъ могла быть уведена въ глубь страны южно-русской. Болѣе прочно стали укрѣпляться за славяно-руссами области ятвяговъ лишь съ того времени, когда въ страну ихъ направилась колонизація изъ галицко-волынской земли. Въ началѣ XIII в. населенія ятвяговъ были еще около Берестья [7]), вблизи г. Дорогочина [8]) и во всей Холмщинѣ [7]), но во второй половинѣ XIII ст. здѣсь водворяется славяно-русское населеніе [9]), которое, вѣроятно, проникло до сѣверной половины теперешняго бѣльскаго уѣзда гродненской губ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

---

[1]) *Костомаровъ*, I, 206.
[2]) Ипатск. лѣт., 501.
[3]) *Бобровскій*, 8.
[4]) Ипатск. лѣт. 54, 108.
[5]) Ibid., 114.
[6]) Ibid., 501.
[7]) Ibid., 538.
[8]) Ibid , 531.
[9]) Ibid., 558.

СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО *).

(Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича).

Въ виду совершающихся въ Галиціи событій и безвозбранно тамъ и у насъ разширяющихся новыхъ польскихъ затѣй, не безъинтересны и въ нѣкоторой степени поучительны могутъ быть воспоминанія объ одномъ, не такъ давно сошедшемъ въ могилу, галицко-русскомъ ученомъ, который сталъ жертвою тѣхъ-же польскихъ затѣй и заплатилъ жизнію за свое печальное увлеченіе польскою шуткою и справою, за свой самообманъ и наивное довѣріе къ польской лести и чести (honorowi).

Такою жертвою былъ мало кому извѣстный на Руси Иванъ Николаевичъ *Вагилевичъ*. Родился онъ 2 сентября 1811 г. въ с. Горній Ясень, стрыйскаго уѣзда, лежащемъ въ Карпатскомъ погорьѣ, на р. Ломницѣ, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Иванъ былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ. Средній, Николай, послѣ окончанія университета, былъ чиновникомъ судебнаго вѣдомства, младшій-же, Михаилъ, до сихъ поръ священствуетъ въ с. Гозѣевѣ стрыйскаго уѣзда. У нихъ была еще одна сестра, о которой я ничего не знаю. Въ Галиціи нѣтъ особыхъ сословныхъ училищъ (духовныхъ); кандидаты священства проходятъ курсъ богословскихъ наукъ на богословскомъ факультетѣ университета, а на этотъ факультетъ поступаютъ молодые люди, кончившіе предварительно

*) Вскорѣ, въ отдѣльной статьѣ, мы надѣемся предложить читателямъ «Кіев. Старины» еще нѣсколько воспоминаній объ И. Н. Вагилевичѣ, по поводу яко-бы найденныхъ имъ въ карпатскихъ пещерахъ *рунических надписей*, которыя около полустолѣтія назадъ сильно волновали русскій и вообще славянскій ученый міръ и несмотря на послѣдовавшія разъясненія были вновь публикованы покойнымъ Погодинымъ въ его «Древнемъ періодѣ русской исторіи, изд. въ 1871 г.—Я. Г.

четыре приготовительныхъ (нормальныхъ или нѣмецкихъ) класса, 6-ти классную классическую гимназію и два курса философскаго факультета. Духовною русскою семинаріею во Львовѣ называется конвиктъ студентовъ богословскаго факультета, которые до поступленія сюда должны воспитываться на свой счетъ. Нѣмецкіе (нормальные) классы находились во всякомъ уѣздномъ городѣ и даже въ большихъ мѣстечкахъ, но русскіе священники не охотно отдавали своихъ сыновей подъ начальство католиковъ директоровъ, нѣмцевъ или онѣмеченныхъ поляковъ, а предпочитали отдавать дѣтей въ учебныя заведенія базиліановъ, кому только было возможно. Греко-уніатскіе монахи, такъ называемые базиліане, издавна занимались обученіемъ и воспитаніемъ молодежи, содержали школы и конвикты, въ которыхъ воспитывались даже сыновья помѣщиковъ и богатой шляхты. Австрійцы уничтожили много такихъ монастырскихъ школъ, остальныя были подчинены общему школьному регуляминy съ введеніемъ нѣмецкаго преподавательнаго языка; не смотря на то базиліанскія школы не потеряли своей прежней популярности. Базиліане содержали на свой счетъ нормальныя (нѣмецкія) школы и шестиклассную гимназію въ г. Бучачѣ, на р. Стрыпѣ, въ австрійской Подоліи.

Отецъ Вагилевича отдалъ своего сына Ивана въ бучачскую 4-хъ классную нормальную школу. Только въ приготовительномъ и въ первомъ классахъ учили на польскомъ языкѣ чтенію, закону Божію и ариѳметикѣ, хотя совмѣстно съ нѣмецкимъ. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ все преподаваніе шло по нѣмецки. До 1848 г. русскій (большею частью природный ученикамъ) языкъ былъ совсѣмъ исключенъ изъ всѣхъ публичныхъ школъ въ Галичинѣ. Для удобнѣйшаго усвоенія совсѣмъ чуждаго для поступающихъ дѣтей нѣмецкаго языка принимаемы были строгія мѣры. Всѣ преподаватели и наставники говорили исключительно по нѣмецки, а для учениковъ заведенъ былъ „*Sprachzeichen*“. Чуть кто изъ нихъ въ школѣ, дома или на улицѣ заговорилъ по польски или по русски, тому давали этотъ *Sprachzeichen* и онъ долженъ былъ вписать свою фамилію въ тетрадку. У кого находился Sprachzeichen, хотя-бы въ продолженіи 5 минутъ, тотъ обязанъ былъ заучить наизусть 10 нѣмецкихъ словъ изъ лексикона; а кто продержалъ его во время обѣда, долженъ былъ вызубрить 20 словъ; продержавшій-же всю ночь—30 словъ

и т. д. Кромѣ того получалъ еще 5 розокъ. Понятно, какъ старался получившій этотъ знакъ (доску) скорѣе сбыть съ себя эту обузу, бѣгая по городу, чтобы найти неосторожнаго ученика, который-бы отозвался, хоть однимъ не нѣмецкимъ словомъ. При этомъ надо замѣтить, что получившій *Sprachzeichen* могъ безнаказанно говорить по польски. Въ такомъ заведеніи, въ Бучачѣ, семилѣтній Вагилевичъ началъ развивать на нѣмецкой грамматикѣ свои умственныя способности. Послѣ успѣшнаго окончанія четырехклассной нѣмецкой школы, отецъ повезъ своего сына въ шестиклассную гимназію, находившуюся въ уѣздномъ городѣ Станиславовѣ, который отстоялъ отъ нихъ на половину ближе, чѣмъ Бучачъ. Талантъ молодаго ученика развивался быстро. Иванъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ классѣ. Вообще деревенскіе ученики отличались необыкновенными способностями и префекты (директора) гимназій отзывались о поповичахъ такъ: „Bei mir sind die Popensöhne immer die besten Köpfe“. Они превосходили памятью, быстротою соображенія сыновей нѣмецкихъ чиновниковъ, не смотря на то, что эти послѣдніе выносили изъ дому знаніе нѣмецкаго языка и лучшую подготовку. Въ то время гимназіи посѣщаемы были почти исключительно сыновьями чиновниковъ, которыхъ ожидали мѣста на государственной службѣ, и дѣтьми русскихъ священниковъ, которые должны были до поступленія въ духовную семинарію кончить гимназію. Священники (за рѣдкими исключеніями) не посылали своихъ сыновей на лекціи юридическаго или медицинскаго факультетовъ, такъ какъ для нихъ было слишкомъ дорого содержать дѣтей на свой счетъ въ университетскомъ городѣ, два года на философическомъ и 4 года на юридическомъ факультетахъ. А если кто-нибудь по окончаніи курса поступалъ на службу въ какое-нибудь вѣдомство, то начальники-нѣмцы не давали ему ходу, замѣщая всѣ мѣста пришлыми нѣмцами. Медицинскаго факультета во Львовѣ не было, а посылать сына въ Вѣну для священника было немыслимо. Помѣщики держали гувернеровъ для своихъ дѣтей. Ихъ приказчики довольствовались нормальными классами и поступали въ писцы при рынокурняхъ и мандаторіяхъ [1]), въ родѣ становыхъ, вообще при барскихъ дворахъ,

[1]) Мандаторъ, mandatorius, что-то въ родѣ пристава или волостнаго судьи, содержимаго на жалованья помѣщика.

чтобы изъ паничей скорѣе выкарабкаться въ подпанки, арендаторы, или просто въ паны. Мѣщане и крестьяне рѣдко отдавали своихъ сыновей въ гимназіи, а подучивъ немного грамотѣ, отдавали въ ремесло или въ услугу панамъ.

Въ Станиславовѣ, кромѣ классическихъ и другихъ школьныхъ книгъ, молодой Вагилевичъ пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію книгъ и частнымъ образомъ познакомился съ лучшими произведеніями нѣмецкой и польской литературъ и на столько, что, поступивши въ университетъ, онъ, при своей счастливой памяти и усидчивости, былъ достаточно развитъ.

Въ 1830 году Вагилевичъ, представивъ хорошіе аттестаты, былъ принятъ въ львовскую духовную семинарію на полное казенное содержаніе, на философскіе университетскіе курсы, хотя желающіе поступить на богословскіе курсы, кандидаты, должны были обыкновенно кончить философскій факультетъ на своемъ содержаніи, довольствуясь только духовной стипендіей въ 80 гульден. въ годъ. Развившаяся страсть къ чтенію отвлекала молодаго кандидата отъ школьной науки, дала его уму особое направленіе, привязавъ его мысли къ ближе стоящимъ народнымъ дѣламъ, къ исторіи, къ языковѣдѣнію, къ этнографіи и къ археологіи славянскихъ народовъ, потому Вагилевичъ на первомъ экзаменѣ по математикѣ провалился и долженъ былъ выйти изъ корпуса семинаріи и въ слѣдующихъ годахъ слушать лекціи на свой счетъ. Въ 1830 и 1831 г. во время польскаго возстанія броженіе польской агитаціи не могло не имѣть вліянія на Вагилевича. Кромѣ чтенія научныхъ книгъ, которыя ему доставляли библіотеки университетская и Оссолинскихъ, поляки снабжали учащуюся молодежь множествомъ книгъ и брошюръ заграничной печати политическаго содержанія, которыя волновали молодую душу, располагали къ разнымъ мечтательнымъ комбинаціямъ и отвлекали отъ школьныхъ занятій. Въ такомъ душевномъ треволненіи на счетъ невѣрной будущности, большая часть студентовъ посѣщали первый семестръ, но, не выдержавъ экзамена, оставляли весной коллегіи для того, чтобъ осенью опять записаться на лекціи. Кромѣ того этнографическія и археологическія экскурсіи препятствовали въ свою очередь Вагилевичу серьезно заниматься лекціями, оттого и вышло, что Вагилевичъ, послѣ многократнаго прекращенія курсовъ, только въ 1837 г. кончилъ философскіе курсы

и поступилъ въ духовную семинарію на богословскіе курсы въ львовскомъ университетѣ, которые онъ кончилъ въ 1840 году.

Во время броженія 1833 и 1834 г. молодые люди—студенты университета вздумали составить кружекъ, который-бы имѣлъ цѣлью возрожденіе галицко-русской словесности [1]). Иванъ Вагилевичъ (назвавшись славянскимъ именемъ Далиборъ) принималъ дѣятельное участіе въ этомъ кружкѣ, писалъ статьи на галицко-русскомъ нарѣчіи, которыя были напечатаны въ Русалкѣ Днѣстровой, въ Будинѣ, 1837 г., и въ то-же время вошелъ въ переписку съ Погодинымъ и другими учеными, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи. Когда польскіе эмигранты и разбитыя революціонныя войска перебрались изъ-за Вислы въ Галицію и составили политическія общества и заговоры, мѣстная полиція начала слѣдить за всѣми броженіями въ краѣ. Во всѣхъ сословіяхъ находились платные и безплатные шпіоны и доносчики. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными поляками. Полиціймейстеръ [2]) имѣлъ даже между студентами своихъ агентовъ. Еще усерднѣе въ этомъ отношеніи былъ главнокомандующій Лянгенау [3]), надоѣдавшій своимъ нахальствомъ даже нѣмцамъ, которые, при переводѣ его въ Стирію, съ злорадствомъ сочинили сатирическій стишекъ про него:

Ei, schau, schau,
Langenau,
Wohin geht's?
Nach Grätz.
Traurige Stadt;
Keine Wachtparad,
Keine spionerie,
Adieu Lumpenparthie!

Въ то время считали преступленіемъ заниматься славянской литературой и читать славянскія книги. Литературная дѣятельность

---

[1]) Гербель Н. Поэзія славянъ 1871 г., стр. 198. См. статью «Червонорусская литература.

[2]) Захеръ-Мазохъ, отецъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя, праздновавшаго недавно свой 25-лѣтній юбилей.

[3]) Генералъ Лянгенау былъ послѣ австрійскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Вагилевича и его друзей была въ глазахъ полиціи преступной, по крайней мѣрѣ она показалась полиціи неудобной. Полиціймейстеръ Пайманъ прямо заявилъ: Wir haben mit einer Nationalität (т. е. съ польской) voll auf zu schaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todsbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken. Не нашедши причины придраться къ личностямъ студентовъ, полиція хваталась за нихъ послѣ окончанія студій, когда кандидаты намѣрены были поступать на должность. По австрійскимъ законамъ, правительство, до посвященія кандидатовъ въ духовное званіе, обезпечиваетъ каждому изъ нихъ *titulum mensae*, т. е. содержаніе до смерти, но предварительно развѣдываетъ все его прежнее поведеніе и тщательно испытываетъ политическую благонадежность. Полиція нашла случай заявить свое подозрѣніе въ неблагонадежности Вагилевича и правительство, по официальному выраженію, отказало дать ему *titulum mensae* [1]), т. е. не дозволило іерархіи принять его въ духовный санъ и посвятить въ священники.

Бывшій тогда ректоромъ семинаріи и профессоромъ Венедиктъ Левицкій, вице-ректоръ Іоаннъ Витошинскій, а послѣ ректоръ и номинатъ-епископъ Григорій Яхимовичъ, префектъ Михаилъ Малиновскій [2]) и др. относились весьма благосклонно къ Вагилевичу, когда онъ былъ въ семинаріи, признавали его знанія и поощряли его въ полезныхъ трудахъ. Онъ получилъ особую комнату, въ которой могъ свободно заниматься во всякое время, никѣмъ не-стѣсняемый, такъ какъ въ общемъ залѣ весь день въ неурочное время помѣщается 50 — 80 человѣкъ и семинаристъ, сидя на общей скамьѣ съ другими, имѣетъ передъ собой не болѣе аршина ширины пультъ, на которомъ долженъ читать, писать, вообще заниматься опредѣленное время, отъ одного до двухъ часовъ, и хотя колокольчикъ призываетъ всѣхъ соблюдать во время занятій

---

[1]) Къ этому событію относятся слова Зубрицкаго, въ письмѣ 1842 года: В. и Г. (т. е. Вагилевичъ и Головацкій) «*подозрительны правительству*». См. И. Попова «Письма къ М. П. Погодину», М. 1879, стр. 563.

[2]) Еще жительствующій первый прелатъ (архипресвитеръ) носящій епископскую митру Мих. Малиновскій, въ прошломъ году отставленъ отъ должности по настояніямъ іезуитствующей польской партіи.

тишину — silentium, но здѣсь неудобно было заниматься, ибо по окончаніи silentium всякій могъ по произволу говорить громко, пѣть, играть на инструментахъ и производить шумъ. По этому-то отведенная Вагилевичу отдѣльная комната была большимъ для него благодѣяніемъ.

Выйдши изъ семинаріи и изъ-подъ безпосредственнаго вліянія своихъ руководителей, Вагилевичъ, не заботясь о *titulum tensae*, намѣревался продолжать частнымъ образомъ свои литературныя занятія, кончать задуманныя сочиненія и осуществлять свои планы и проекты. Имя Вагилевича уже было извѣстно въ Прагѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, а русскіе возлагали на него большія надежды. Польскіе львовскіе литераторы приняли его въ свои избранные кружки. Вагилевичъ былъ весьма полезнымъ Бѣлевскому и другимъ литераторамъ польскимъ, будучи для нихъ живою энциклопедіею. На литературныхъ вечерахъ онъ былъ въ состояніи разсказать обо всемъ, касающемся Польши, даже передать со всею точностью и подробностью факты и высчитать всю генеалогію знатнѣйшихъ родовъ Польши. Поляки нашли полезнымъ такую личность, льстили ему въ глаза, уговаривали его писать по польски и лучше работать для широкаго круга польской литературы, чѣмъ для мѣстнаго русскаго народа, письменность котораго не имѣетъ будто-бы никакой будущности. Они говорили ему: „вѣдь ты все таки будешь трудиться для славянской литературы и для славянскаго дѣла“. Друзья его и товарищи по университету, члены русскаго кружка, разбрелись по разнымъ странамъ Галиціи. Зубрицкій и его друзья чехи, Владиславъ Запъ, Православъ Коубекъ и другіе, не могли имѣть на него вліянія, и Вагилевичъ мало по малу очутился въ исключительно-польской сферѣ, сталъ интимнымъ другомъ Бѣлевскихъ, Борковскихъ, Сѣменскихъ, Магнушевскихъ и другихъ мнимыхъ львовскихъ знаменитостей, или, говоря словами Зубрицкаго (въ письмѣ отъ 4 января 1843 г.), „*Вагилевичъ зляшился совсѣмъ и, шатаясь между ляхами, питался фантастическими мечтами*“. Графъ Осипъ Борковскій, одинъ изъ передовыхъ львовскихъ литераторовъ того времени, взялъ Вагилевича къ себѣ въ компаньоны, далъ ему у себя квартиру, столъ, прислугу и все содержаніе, приказалъ сшить ему модное франтовское платье, разрѣшилъ говорить себѣ на *ты*, водилъ его въ театры, на балы, на литературные вечера,

въ аристократическія общества, рекомендовалъ его ученымъ, мѣстнымъ и пріѣзжимъ, какъ своего друга и человѣка необыкновенныхъ талантовъ. Вся эта обстановка льстила честолюбію Вагилевича; при немъ удивлялись его знаніямъ и высокимъ идеямъ, а за глаза, конечно, смѣялись и издѣвались надъ неопытнымъ и небывалымъ провинціаломъ. Борковскій своимъ обхожденіемъ сбилъ Вагилевича совсѣмъ съ толку, вскружилъ ему голову, увѣрилъ застѣнчиваго семинариста, наговоривъ ему всякой всячины, что онъ геніальный человѣкъ, свѣтило изъ свѣтилъ, а въ добавокъ красавецъ изъ красавцевъ, въ котораго влюблены всѣ аристократки. Борковскій настроилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ, такъ что онъ ни отъ кого не слыхалъ слова правды. Во всѣхъ обществахъ имъ забавлялись, какъ шутомъ или блазномъ. Будучи во Львовѣ, я сдѣлалъ выговоръ Бѣлевскому за то, что онъ допускаетъ Борковскаго играть человѣкомъ, какъ куклой, и настаивалъ на томъ, чтобы онъ вразумилъ Вагилевича. „Что-жъ?—отвѣчалъ Бѣлевскій, когда Вагилевичъ самъ охотно разыгрываетъ такую роль. Впрочемъ, это ему не вредитъ, а Борковскому доставляетъ большое удовольствіе".

Напрасно старались мы, его старые друзья, разубѣдить его и увѣрить, что все это обманъ и издѣваніе надъ его неопытностью и наивностью, Борковскій овладѣлъ его душей до такой степени, что однимъ словомъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія Вагилевича. На наши увѣщанія онъ отвѣчалъ: „вы понятія не имѣете о томъ, что дѣлается въ аристократическомъ мірѣ. Вы воспитаны въ кругахъ буржуазіи или простонародья"... И нельзя было его ничѣмъ разубѣдить. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій во время своихъ путешествій 1839 и 1840 г., остановившись во Львовѣ, былъ свидѣтелемъ разныхъ нелѣпыхъ разсказовъ и анекдотовъ о Вагилевичѣ, которые въ то время ходили по всему городу.

Для вѣрнѣйшей характеристики этихъ отношеній и того, какъ безсовѣстно поступалъ Борковскій съ Вагилевичемъ, я долженъ привести нѣкоторые, хотя весьма скандальные факты. Прихотливый польскій аристократъ и холостой баловень великаго свѣта, графъ Борковскій—растлилъ и развратилъ невинную душу молодаго человѣка, далъ ему вкусить заманчивыхъ сластей порока, отравилъ его простой наивный нравъ, взбилъ его высокомѣріе на неимовѣрную высоту, свелъ его воображеніе на грязную бездорожь—однимъ

словомъ убилъ морально-непорочнаго труженика науки и сдѣлалъ его игрушкой своихъ барскихъ прихотей.

Борковскій началъ съ того, что возбудилъ у Вагилевича тщеславіе; онъ превозносилъ, будто-бы, красоту его ярко-свѣтящихъ черныхъ глазъ, его чудесно-красивые черные волосы. Во всѣхъ обществахъ, конечно по уговору съ Борковскимъ, всѣ дамы подтверждали это, съ тысячью разныхъ лестныхъ прибавленій. Вагилевичъ сталъ вѣрить тому, что онъ не въ шутку красавецъ и можетъ быть львовскимъ донъ-жуаномъ; онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ предъ зеркаломъ, дѣлалъ разныя затѣйливыя прически и любовался своими черными глазами. Борковскій, конечно, шутилъ надъ этимъ себялюбіемъ своего клієнта и подсыщалъ его страсти. Въ дружескихъ разговорахъ вывѣдавъ, какой у него идеалъ красоты, Борковскій настроилъ Вагилевича, чтобы онъ писалъ стихи, поддавая ему темы и мотивы. Вагилевичъ писалъ мечтательные стишонки и декламировалъ свои произведенія [1]). Всѣ дамы были, будто-бы, въ восторгѣ, весь польскій ученый кружекъ не находилъ довольно похвалъ, и по внушенію Борковскаго превозносилъ Вагилевича, сравнивалъ его съ Петраркой, Байрономъ, Мицкевичемъ и конечно ставилъ его выше всѣхъ. Идеалъ женской красоты у Вагилевича была блондинка съ голубыми глазами... и Борковскій убѣдилъ его, что онъ долженъ пріискать себѣ предметъ любви, подобно всѣмъ великимъ поэтамъ. Борковскій перебралъ всѣ благозвучныя женскія имена, и Вагилевичу всего лучше понравилось имя *Юлія*—блондинка съ голубыми глазами. Все общество стало увѣрять Вагилевича, что у него есть поэтическое, ясновидящее предчувствіе, магнетизмъ сердца, безсознательное влеченіе къ особѣ незнакомой, которая съ такимъ-же симпатичнымъ настроеніемъ страстно любитъ его и мечтаетъ объ немъ. Нѣсколько времени спустя Борковскій сообщилъ Вагилевичу тайну: есть Юлія—блондинка съ голубыми глазами, изъ высоко аристократическаго дома, которая на смерть влюблена въ черныя глаза и черные кудри Вагилевича. Она томится, страдаетъ безнадежно, и проч. и проч. Кто-то тамъ, какая-то бабушка сказала тетушкѣ такого-то графа, а графъ такому-то и на-

[1]) Нѣсколько стиховъ Борковскій далъ напечатать въ изд. въ Львовѣ журналѣ «Dziennik mód».

конецъ подъ секретомъ сообщили Борковскому. Сблизиться съ ней нельзя—ея обстановка и особенно злая мачиха никакъ того не допускаютъ. Вагилевичъ опять писалъ сонеты, которые Борковскій нашелъ возможность сообщать чрезъ тетушекъ, бабушекъ и пр. самой Юліи: завязался интересный фантастическій романъ мечтательнаго любовника съ небывалой любовницей. Весь кружокъ Борковскаго, особенно дамы приняли съ сочувствіемъ затѣянную интригу. Пошла длинная переписка. Вагилевичъ получалъ чрезъ сострадательныхъ тетушекъ любовныя письма отъ Юліи, и посылалъ такимъ-же путемъ свои страстные отвѣты стихами и прозой. Наконецъ мечтатель началъ сомнѣваться и пожелалъ видѣть предметъ своей любви, и Борковскій устроилъ дѣло такъ, что въ уреченный часъ на *элегантской мшѣ* (папской мессѣ), въ езуитскомъ костелѣ, въ такой-то скамьѣ, будетъ мнимая Юлія съ тетушкой и завистливой мачихой. Вагилевичъ пошелъ въ езуитскій костелъ и изъ-за угла осторожно заглядывалъ, чтобы незамѣтно встрѣтиться съ голубыми глазами мнимой Юліи. Перипетіи такой встрѣчи длились долгое время; мои друзья сообщали мнѣ разныя разности, неимовѣрныя басни.

Борковскій былъ неистощимъ въ фантастическихъ выдумкахъ. Однажды онъ сообщилъ Вагилевичу подъ секретомъ, будто-бы Юлію вывезли за городъ въ с. Кривчичи, на дачу, и она желаетъ повидаться съ своимъ милымъ. По наущенію Борковскаго Вагилевичъ ходилъ за шесть верстъ въ Кривчичи, поджидалъ въ саду, наконецъ рѣшился зайти въ самую дачу и спросилъ: Gdzie tu jest ta Julia, co ja ją kocham nad życie? Предупрежденные дачники насмѣялись вдоволь надъ полусумасшедшимъ и отправили его ни съ чѣмъ назадъ. Борковскій увѣрялъ, что злая мачиха разстроила все.

Подобныя исторіи повторялись постоянно. Влюбленная Юлія будто пожелала обмѣняться кольцами съ Вагилевичемъ. Посредствомъ разныхъ тетушекъ, бабушекъ, вѣрныхъ горничныхъ, лакеевъ и пр. Борковскій будто-бы успѣлъ передать кольцо отъ Вагилевича, и Юлія будто-бы передала Вагилевичу свое кольцо съ своею шифрой и разными эмблемами. Ему вскружили до того голову, что всякій могъ придумать какой угодно вздоръ, и Вагилевичъ вѣрилъ всему. Пустили въ ходъ разные проэкты—бѣжать обоимъ влюбленнымъ за границу—во Францію, Швейцарію, Англію, Америку. Юлія будто-бы соглашалась на все. И Вагилевичъ мечталъ о ка-

кой-то райской жизни въ дальнихъ странахъ съ предметомъ своей страстной любви, и изливалъ свои мечты въ письмахъ къ Юліи и получалъ (будто-бы) отъ нея такія-же любовныя письма; но зоркій глазъ мачихи разстроилъ, будто-бы, всѣ планы:—Юлію невозможно было увезти, и т. д.

Любострастная фантазія холостяка Борковскаго придумала еще одну скверную шутку, которая дала новый матеріалъ къ фантастическимъ баснямъ. Борковскій обѣщалъ устроить для мнимо-обрученныхъ и въ фантазіи повѣнчанныхъ Далибора и Юліи брачную ночь (!), увѣряя, что такія исторіи случаются въ аристократическихъ кругахъ. Вагилевичъ повѣрилъ, что Юлія согласилась изъ-за него сдѣлать этотъ шагъ. Въ одну прекрасную ночь на масляницѣ заѣхала замаскированная дама въ квартиру графа. Борковскій молча отвелъ ей комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе. Мнимая Юлія, раздѣвшись, потушила свѣчу; на звонъ колокольчика Борковскій впустилъ Вагилевича въ одномъ бѣльѣ въ совершенно темную комнату, сказавъ ему, въ которомъ углу лежитъ Юлія, и взявъ съ него обѣщаніе *подъ honorem*, что онъ не заговоритъ съ ней ни одного слова... Въ ту-же ночь въ опредѣленный часъ уѣхала безмолвная маска, которую Вагилевичъ больше не видалъ.

Переписка не прекращалась: послѣ нѣкотораго времени Юлія сообщала о своемъ состояніи, что она почуствовала плодъ ихъ любви, а послѣ 9-ти мѣсяцевъ—что она родила сына, здороваго, красиваго ребенка, точь точь въ отца, съ яркими черными глазами и черными бровями. Всѣ знакомые поздравляли Вагилевича съ сыномъ, и пр., и пр. Съ тѣхъ поръ всѣ, не исключая и Бѣлевскаго, стали его называть: *ojcunio Wagilewicz*.

Эти грязныя, нелѣпыя исторіи съ разными эпизодами тянулись нѣсколько годовъ и забавляли извѣстные кружки. Абсурды за абсурдами, одни скверніе другихъ. Борковскій превзошелъ себя въ выдумываніи глупыхъ и недостойныхъ порядочнаго человѣка небылицъ. Онъ приписалъ Вагилевичу еще особаго рода свойство—плодородность; будто-бы по увѣренію извѣстныхъ докторовъ, наблюдавшихъ его незамѣтно въ банѣ, онъ слыветъ во всемъ городѣ *незаводнымъ* мущиной для неплодныхъ женщинъ. Вслѣдствіе того къ Вагилевичу будто-бы и адресовались нѣкоторыя аристократки, сѣтовавшія о своей неплодности, что у нихъ нѣтъ прямыхъ на-

слѣдниковъ и пр., и пр. Тьфу, стыдно и писать о такихъ нелѣпостяхъ!

А все таки главное въ томъ, что Борковскій обуялъ голову своего кліента до того, что онъ вѣрилъ всѣмъ этимъ нелѣпостямъ и даже самъ любилъ разсказывать о нихъ.

Вотъ теперь вамъ ясно, какое значеніе имѣютъ слова Зубрицкаго, что Вагилевичъ *злишился совсѣмъ и шатаясь между ляхами, питается фантастическими мечтами.*

Гдѣ-же ему въ то время было думать о серьезныхъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ? Онъ резонировалъ въ салонахъ о всякихъ книгахъ, относясь ко всему съ высока, остальное-же время проходило въ пустой болтовнѣ о нелѣпыхъ поплостяхъ!

Наконецъ надоѣли Борковскому эти шутки и онъ оттолкнулъ отъ себя Вагилевича. Только тогда убѣдился этотъ послѣдній въ обманѣ и не могъ простить Борковскому, который, сильно заболѣвши, со слезами молилъ Вагилевича простить ему его шалости и подать руку въ знакъ прощенія, чтобъ онъ могъ спокойно умереть.—„Нѣтъ, не подамъ руки и не прощу ему, сказалъ Вагилевичъ; пусть Борковскій умираетъ и на тотъ свѣтъ возьметъ съ собой сознаніе, что Вагилевичъ твердый и упрямый русинъ.

Наконецъ, въ 1845 году, вслѣдствіе хлопотъ и ходатайства русской консисторіи, мѣстное правительство согласилось дать Вагилевичу *titulum tensae.* Онъ женился на дочери священника въ Павловѣ, въ 1846 г. былъ рукоположенъ во священники и получилъ мѣсто завѣдывающаго приходомъ въ Нестаничахъ. Вагилевичъ очутился одинокимъ среди деревенской глуши золочевскаго полѣсья, конечно, въ слишкомъ тѣсной сферѣ для мечтательнаго дѣятеля съ такими высокопарными претензіями и съ такой научной подготовкой. Прошелъ 1846 годъ, годъ мазурской рѣзни ляховъ въ западной Галиціи, прошелъ и слѣдующій, полный внутренняго броженія годъ, и вдругъ весною 1848 г. была провозглашена конституція—полная амнистія, свобода, равноправность и братство всѣхъ народовъ Австріи. Поляки завязали *польскую раду* (комитетъ), посылались въ Вѣну петиціи, организовалась гвардія народовая во Львовѣ и въ другихъ городахъ. Польша овладѣла всѣмъ, потребовала господства польскаго языка и народности вездѣ, въ школахъ и въ администраціи, а о русскомъ языкѣ и народности въ пети-

ціяхъ не упоминалось ни слова. При всеобщемъ политическомъ и національномъ движеніи не могла молчать и галицкая Русь. Передовые русины основали *русскую раду* во Львовѣ, начали издавать газету *Галицкую Зарю*, послали петицію къ императору, требуя *равноправности* для русскаго языка на равнѣ съ польскимъ и тѣхъ-же правъ для себя. Прошеніе русскихъ было принято вѣнскими властями благосклонно. Воззваніе русской рады къ народу нашло въ народѣ горячее и искреннее сучувствіе. Въ большихъ городахъ учреждались филіальныя рады. Голосъ народа заглушилъ скопища шляхты. Чтобы парализовать русское движеніе, львовскіе матадоры открыли польско-русскую раду или политическій комитетъ подъ названіемъ *русскій соборъ*. Князья Сапѣги, Сангушки, Чарторыйскіе, графы Дѣдушицкіе, Голеевскіе, Дрогоевскіе и другіе, признавшіе себя русинами [1]), пожертвовали суммами на основаніе польско-русскаго „Дневника“; остановка была только въ томъ, гдѣ найти редактора. Тутъ прежніе друзья вспомнили давно забытаго Вагилевича, обѣщали ему содержаніе 1200 гульденовъ и обезпечили его пожизненной пенсіей въ 600 гульденовъ въ случаѣ закрытія газеты. Вагилевичъ возразилъ на это: „согласится-ли консисторія, начальство?“—„Наплевать на консисторію, пустяки начальство“, отвѣчали ему; „Австрія распадается. Польша воскреснетъ и тогда мы будемъ всѣмъ распоряжаться, а не русская консисторія“. Вагилевичъ согласился, оставилъ свою церковь и приходъ и, не извѣстивъ даже благочиннаго, переѣхалъ во Львовъ и принялъ редакцію *Русскаго Дневника*, который издавался кириллицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ экземплярѣ и польскимъ абецадломъ. Но колесо событій вращалось быстро, реакція правительства взяла верхъ и 2-го ноября 1848 г. главнокомандующій Гаммерштейнъ бомбардировалъ Львовъ, сжегъ театръ, ратушу и нѣсколько домовъ, разогналъ польскую гвардію, закрылъ раду и всѣ польскіе журналы и объявилъ осадное положеніе. Вмѣстѣ съ поляками разбѣжался и польско-русскій соборъ. Въ маѣ слѣдующаго 1849 г. русская армія вступила въ городъ и заняла всю Галицію. Вагилевичъ съ семействомъ оставленъ былъ своими соборовыми протекторами на про-

[1]) Изъ русскихъ приступили къ польско-русскому собору Юліанъ Лавровскій, Тустановскій, Ходынскій, Вѣнцковскій, Домбчинскій и другіе *перекинчики*.

изволъ судьбы, безъ куска хлѣба. Объ обѣщаной пенсіи никто и не думалъ. Вагилевичъ совѣтовался у адвокатовъ, желая начать искъ; адвокаты, разсмотрѣвъ дѣло, заявили, что документъ составленъ хитро, но есть основаніе, по которому можно начать процессъ, хотя успѣхъ сомнителенъ. И Вагилевичъ принужденъ былъ питаться корректурой и перепиской статей,—заработками, которыми снабжалъ его Бѣлевскій при библіотекѣ Оссолинскихъ. Открылась вакансія русскаго переводчика при львовскомъ намѣстничествѣ. Вагилевичъ подвергся конкурсу. Конкурсные элабораты были предложены для оцѣнки профессору русскаго языка и литературы. Конкурсъ Вагилевича оказался рѣшительно лучше всѣхъ и по представленію профессора онъ получилъ это мѣсто. Между тѣмъ графъ Голуховскій прекратилъ изданіе законовъ въ русскомъ переводѣ, будто-бы излишнее, и Вагилевичъ опять потерялъ казенное жалованье. Только съ 1854 г., когда по внушенію Голуховскаго институтъ Оссолинскихъ приступилъ къ новому исправленному изданію польскаго словаря Самуила Линде и редакція ввѣрена была Бѣлевскому, этотъ послѣдній поручилъ весь трудъ по пополненію, исправленію и корректурѣ Вагилевичу за очень скудную плату [1]). И такъ вышелъ польскій словарь подъ редакціею А. Бѣлевскаго 1854—1861 г., а между тѣмъ это былъ усидчивый добросовѣстный трудъ Вагилевича. Вагилевичъ перевелъ на польскій языкъ лѣтопись Нестора и подъ его диктовку, такъ сказать, Бѣлевскій издалъ свои (?) коментаріи къ *Monumenta Poloniae*. И многія другія изданія украшались знаніями и критикой Вагилевича. Sic vos non vobis. Наконецъ и попечитель института Оссолинскихъ кн. Любомирскій обратилъ вниманіе на добросовѣстнаго труженика и опредѣлилъ его на вакансію кустоса при библіотекѣ Оссолинскихъ, а въ 1862 г. львовская городская дума призвала его къ описанію магистратскихъ актовъ за ничтожное вознагражденіе.

Въ 1850 г. Вагилевичъ, находясь въ безвыходномъ положеніи, пытался возвратиться назадъ къ духовному званію. На ходатайство

---

[1]) Самъ Бѣлевскій въ предисловіи своемъ къ I тому Словаря Линде стр. 14 сознается, что Вагилевичъ *«za bardzo miernem wynagrodzeniem część* korrekt mozolnych na siebie przyjąwszy, wspiera nas oraz *przez samo zamiłowanie przedmiotu* rozległemi swemi filologicznemi wiadomościami.

его бывшій тогда каноникъ Куземскій, впослѣдствіи епископъ холмскій, заявилъ, что, не вмѣняя ему въ вину его политическаго мнѣнія и направленія его литературной дѣятельности, епархіальное начальство не можетъ безнаказанно оставить того поступка, что онъ,—пастырь церкви, не спросясь никого, оставилъ свою паству. Духовная власть должна убѣдиться, было-ли это съ его стороны временнымъ увлеченіемъ или-же пренебреженіемъ уставовъ церкви, имѣющимъ основаніемъ вольнодумство или даже безвѣріе. Поэтому Вагилевичъ долженъ подвергнуться эпитиміи (реколлекціи), долженъ пробыть опредѣленный срокъ при соборной церкви, участвовать въ священнослуженіи подъ наблюденіемъ начальства. Если директоръ духовнаго исправительнаго дома (domus recollectionis) засвидѣтельствуетъ о его искреннемъ раскаяніи, благонравіи и приверженности къ церковнымъ службамъ, то консисторія не прочь возстановить его прежнія права. Безъ этого испытанія консисторія въ виду гражданскихъ и церковныхъ законовъ не вправѣ его помиловать. На замѣчаніе Вагилевича, что онъ семейный и долженъ зарабатывать себѣ на пропитаніе, а потому не можетъ жить при соборѣ и участвовать во всѣхъ службахъ,—ему сдѣлано было снисхожденіе сокращеніемъ времени испытанія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ удобное для него время являлся къ викарному священнику Михаилу Малиновскому на богословско-назидательный разговоръ (colloquia) и если Малиновскій засвидѣтельствуетъ о его благонадежности (въ чемъ нельзя было сомнѣваться), то онъ будетъ возстановленъ въ чинѣ и званіи.

Наступила минута перелома. Вагилевичъ готовъ былъ рѣшиться—и дѣло въ шляпѣ. Но, къ несчастію, по своей природной откровенности, онъ посовѣтовался съ своими польскими друзьями. „Нѣтъ, не довѣряйся, предостерегали его ляхи; это хитрая святоюрская ловушка: святоюрцы хотятъ сманить тебя и заключить подъ *сходы* (буквально подъ лѣстницу), и будутъ держать тамъ 20 лѣтъ, какъ держатъ Лобковича [1]). Бѣлевскій спросилъ меня однажды по дружески:

[1]) Николай Лобковичъ былъ бѣжавшій въ 40-хъ годахъ изъ Россіи уніатскій священникъ, который, по причинѣ ограниченнаго образованія и незнанія языковъ, не могъ быть употребленъ въ душъ-пастырствѣ и содержался на счетъ духовнаго фонда при соборной церкви. Квартиру ему опредѣлили въ нижнемъ этажѣ флигеля,

„Скажи мнѣ откровенно, мой другъ [1]), что думаетъ сдѣлать консисторія съ Вагилевичемъ, если онъ поддастся имъ? Правда-ли, что они хотятъ его посадить подъ сходы и будутъ терзать до безконечности? Мнѣ жаль его, что онъ пропадаетъ, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію".

Я увѣрялъ Бѣлевскаго, что никто не питаетъ къ Вагилевичу никакой злобы, что всѣ жалѣютъ его. Здравый-же смыслъ говоритъ, что такого человѣка нужно поддерживать, и русская партія о томъ только и думаетъ, чтобы возвратить его себѣ, такъ какъ онъ можетъ имъ принести много пользы. Вагилевичъ писалъ грамматику; онъ можетъ писать учебныя книги и помогать скорѣйшему введенію русскаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ такъ нуждаются. Все, что говорятъ на счетъ мстительности такъ называемыхъ святоюрцевъ, сущій вздоръ и пустяки. Вѣдь его считаютъ все таки русскимъ, хотя заблудшимся. Пусть только обратится назадъ—и все забудутъ. Я знаю навѣрно, что реколлекція будетъ одной формальностью. Должно-же начальство соблюдать законы. Ему (Вагилевичу) слѣдуетъ зайти два, три раза къ Малиновскому на колліоквію, и такъ, получивъ свидѣтельство благонадежности, онъ получитъ и приходъ. У помѣщиковъ-колляторовъ онъ легко можетъ получить презенты и черезъ годъ

въ помѣщеніяхъ исправительнаго дома (реколлекціи), построеннаго на сѣверномъ откосѣ консисторскихъ зданій, къ которымъ съ юга нужно сходить по лѣстницѣ, и поэтому жить *подъ сходами* равносильно значенію попасть въ исправительный домъ. Кромѣ того Лобковичъ помѣшанъ былъ на томъ, что его въ Россіи ожидаютъ большія почести и значительная пенсія, но ему не даютъ паспорта, однимъ словомъ Лобковичъ былъ безпомощный идіотъ. Д. Зубрицкій (Письма къ М. П. Погодину стр. 574) подалъ объ этомъ человѣкѣ совсѣмъ другія свѣдѣнія. Но разсказъ его весьма сомнительный. У Лобковича не было ни жены, ни дѣтей, развѣ онъ оставилъ ихъ въ Россіи.

[1]) Знакомство мое съ Бѣлевскимъ началось еще тогда, когда я былъ студентомъ университета,—въ 30-хъ годахъ. Онъ настаивалъ, чтобы я ему не говорилъ *панъ*, а просто *ты*, и самъ также бросился къ своимъ *молодымъ* друзьямъ, говоря: у насъ *Рѣчь Посполитая;* въ нашемъ кружкѣ нѣтъ *пановъ*, а всѣ равны, всѣ братья-обыватели. Съ этого времени онъ всегда говорилъ намъ на *ты*, *шановны обывателю, браціе шляхтицу*, или: *муй кохани Станиславе, Казимиржу* и т. п.

или черезъ два будетъ имѣть богатѣйшій приходъ, будетъ жить безбѣдно и заниматься своими литературными трудами".

„Хорошо, отвѣтилъ Бѣлевскій, я ему разскажу все, что отъ тебя слыхалъ".

Я думалъ, что все устроено, какъ нельзя лучше, для того, чтобы спасти Вагилевича отъ гибели. Не тутъ-то было. Бѣлевскій ничего не сказалъ Вагилевичу, а передалъ мой откровенный разговоръ синедріону польскихъ передовыхъ дѣятелей. Тамъ всѣ запротестовали.

„Нѣтъ, говорятъ, русины хотятъ его къ себѣ приголубить и потомъ эксплуатировать его труды и знанія для *русской справы*. Тогда онъ для нашей справы пропалъ и еще можетъ дѣйствовать въ непріятельскомъ лагерѣ противъ польской справы. Не допустимъ этого, не отдадимъ его ни за что".

Адвокатъ Корецкій бывшій редакторъ польскаго Дзенника (самъ когда-то русскій, сынъ священника) сказалъ такъ:

„Послушайте, шановные обыватели! они его все еще считаютъ русскимъ, который рано или поздно можетъ обратиться къ нимъ. А я имъ такую штуку подведу, что онъ никогда не явится въ лагерь святоюрцевъ. Я его уговорю принять лютеранское вѣроисповѣданіе. Помогите мнѣ, и онъ послушается".

„Браво! браво! крикнуло въ одинъ голосъ все избранное общество: поможемъ, Вагилевичъ будетъ лютераниномъ. Что скажутъ на это святоюрцы? Они должны будутъ отречься отъ него, а онъ все таки останется у насъ и будетъ нашимъ".

Черезъ недѣлю или двѣ читаю я въ нѣмецкой газетѣ *Neue Zeit*, издававшейся въ Бернѣ, въ Моравіи, и которую польская партія считала своимъ органомъ, почти мои собственныя слова изъ разговора съ Бѣлевскимъ, конечно, извращенныя въ польскомъ смыслѣ, что святоюрцы хотятъ поймать въ свои сѣти лишеннаго прихода Вагилевича и отомстить ему за его политическое убѣжденіе. Желая избавиться отъ святоюрскихъ клерикаловъ, несчастный Вагилевичъ рѣшился, будто-бы, принять лютеранство. Любопытно знать (такъ кончается статья), будутъ-ли святоюрцы еще считать Вагилевича-лютеранина русиномъ или нѣтъ?

Мы думали, что это пустая угроза. Но это не была только угроза. Вагилевича уговорили, повели къ лютеранскому пастору—

и онъ принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе! Въ Галиціи лютеране всѣ почти нѣмцы, и Вагилевичъ, въ душѣ славянинъ, врагъ нѣмечества, присоединился къ нѣмцамъ! Впрочемъ, нѣмцы приняли его совершенно равнодушно и прямо заявили: „По высшимъ побужніямъ мы должны его принять, но мы не сдѣлали никакого пріобрѣтенія для себя. Это, просто, польская комедія, и больше ничего“!

Польская партія радовалась своему мнимому торжеству надъ святоюрцами, но Вагилевичъ болѣе всего пострадалъ отъ этого: навязанныя ему обязанности и работы отрывали его отъ главныхъ занятій. Онъ писалъ небольшія статьи въ журналахъ: въ *Варшавской Библіотекѣ*, въ *львовской—Оссолинскихъ*, въ *Дзенникѣ Литерацкомъ*, въ *Денницѣ*, въ *Родимомъ Кружкѣ* и пр., но главные его труды: *Малорусскій Словарь*, *Слово о Полку Игоря*, *Славянская демонологія* и другія историческія сочиненія остались въ проектахъ, неконченными. Вагилевичъ своими талантами и собственнымъ трудомъ пріобрѣтенными познаніями могъ быть весьма полезнымъ наукѣ и обществу, а между тѣмъ, брошенный поляками на жертву ихъ политическихъ затѣй и прихотей, онъ истощилъ свои силы въ *мозольныхъ* трудахъ корректуры, въ перепискѣ актовъ и другихъ черныхъ работахъ среди архивной пыли. Не смотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, онъ занемогъ сильной грудной болѣзнью, которая, послѣ продолжительныхъ страданій, кончилась преждевременною его смертью 10 мая 1866 г. (по н. ст.).

Жена его и четверо малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. Львовскій магистратъ отпустилъ имъ изъ своихъ суммъ сто гульденовъ (!) вспомоществованія. Одинъ сынъ его, крещенный лютеранином, заболѣлъ и скоро умеръ. Родившуюся послѣ этого, еще за жизни отца, дочь мать не дозволила крестить въ лютеранство и ее крестилъ уніатскій священникъ городской церкви Лозинскій. Когда Вагилевичъ былъ боленъ и я посѣтилъ больнаго, жена его просила меня, чтобы я уговорилъ его возвратиться къ отцевской религіи. Ей было-бы отраднѣе, еслибы онъ умеръ не въ иновѣрствѣ, и она съ дѣтьми имѣла-бы надежду получить пенсію изъ духовнаго вдовьяго фонда. Я вошелъ къ исхудалому, блѣдному, съ запавшими глазами страдальцу, сталъ его утѣшать, вспоминать наши молодые годы, наши надежды... Вагилевичъ слушалъ съ уми-

леніемъ, но послѣ, махнувъ рукою, проговорилъ: „все прошло, пропало!... теперь нужно готовиться туда“... и поднялъ немного правую руку. Я началъ убѣдительно уговаривать его возвратиться къ русской вѣрѣ; „ты жилъ, говорю, русскимъ, трудился и страдалъ за Русь, такъ и умирай-же русскимъ“. Вагилевичъ слушалъ меня съ сочувствіемъ и видно было, что онъ готовъ послушаться. На бѣду пришелъ полякъ Хондзынскій, какъ чортъ за грѣшной душой. Я объяснилъ ему, что я стараюсь склонить больнаго къ прежней родной вѣрѣ и хочу пригласить русскаго священника для исповѣди. Ляхъ пробормоталъ подъ носъ:

— Если такъ, то лучше призвать католическаго ксендза; я самъ пойду сейчасъ за нимъ.

— Не хочу, не хочу, не нужно,—нетерпѣливо замахалъ рукою умирающій: ни за что не хочу.

— Если такъ, сказалъ Хондзынскій, то за чѣмъ тревожить больнаго? пусть останется, чѣмъ есть.

— Я подумаю, сказалъ Вагилевичъ, оставьте меня въ покоѣ.

— Я передалъ женѣ, что Вагилевичъ склоненъ возвратиться къ своей вѣрѣ, совѣтуя послать за священникомъ. Но къ вечеру больной потерялъ сознаніе и на другой день умеръ.

На его похороны собралось множество народа. Были поляки, были и русскіе. Пришелъ пасторъ въ своей черной блузѣ, прошѣлъ или прочелъ нѣсколько словъ по нѣмецки; молча, вынесли его гробъ и положили на дроги, молча, повезли на кладбище. День былъ теплый, весенній. Пошли толки о томъ, что хоронятъ русскаго ксендза, который *пристали на лютра*. „Небывалыя вещи! говорили, покачивая головами, наши бабки; неслыханное дѣло! просто, свѣта преставленіе. Когда-бы онъ не сталъ лютромъ, не такіе-бы ему похороны справили. Весь соборъ выступилъ-бы въ ризахъ, а алюмны (семинаристы) запѣли-бы такъ, что весь міръ расплакался-бъ. Что и говорить! какъ-бы запѣли ему: „Вѣчная память“, то душечки въ раю возрадовались-бы. А то совсѣмъ небывальщина какая-то, нѣмецкіе похороны: хейлыкъ, да хейлыкъ [1]); мы знаемъ, что всѣмъ лютрамъ *хейлыкъ*, и ему грѣшному *хейлыкъ!*“

---

[1]) Нѣмцы поютъ псалмы: *Heilig, heilig*; отсюда у народа взялось слово *хейлыкъ*, т. е. капутъ, конецъ, гибель.

Въ 1870-хъ годахъ, когда львовская городская дума занялась переименованіемъ улицъ на народныя польскія и исчерпала весь запасъ знаменитыхъ Коперниковъ, Мицкевичей, Косцюшковъ, Снядецкихъ и т. п., кто-то вспомнилъ о покойномъ и дума согласилась почтить его память, переименовавъ въ глухомъ предмѣстьѣ Горшечный переулокъ въ переулокъ Вагилевича. Вотъ и вся память объ немъ.

Et sic transit gloria mundi!

Я. Г.

РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ*).

(ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ).

I.

И теперь у насъ много хорошихъ цадиковъ: ребъ Янкевъ-Ицхокль Макаровскій, и братья ребъ Авремеле и Гецеле ржищевскіе, и ребъ Іойхинце чернобыльскій... Они велики и славны... Но что они передъ ребъ Лейбъ-Суресомъ!.. Такого, какъ онъ, нѣтъ и не будетъ у насъ... Что предъ нимъ гусятинскій, даже садогурскій цадики!.. Ребъ Лейбъ-Суресъ!.. Онъ былъ... Развѣ вы можете судить, какъ онъ былъ великъ!.. Вотъ какъ онъ былъ великъ... Слушайте!

II.

Когда Адамъ согрѣшилъ, и его выгоняли изъ рая, и когда плакалъ Адамъ, и заливался горючими слезами: тогда сжалился надъ нимъ Іегова и далъ ему книгу. И что это за книга!.. На первой страницѣ

---

*) Предлагаемые вниманію читателей разсказы слышали мы не разъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. По словамъ евреевъ, передававшихъ эти разсказы, цадикъ ребъ Лейбъ-Суресъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ мѣстечекъ подольской губерніи. Разсказы воспроизводятся съ совершенною точностію, безъ малѣйшаго измѣненія ихъ духа и содержанія. Что до внѣшней формы, трудно было-бы и передавать и читать ихъ на томъ особомъ малороссійскомъ жаргонѣ, съ примѣсью словъ русскихъ и польскихъ, на которомъ намъ приходилось ихъ выслушивать. Въ языкѣ подлинника особенно поражаетъ духъ и складъ рѣчи библейской, который такъ легко усваиваютъ себѣ евреи, проводя много времени въ чтеніи книгъ библейскихъ, и мы не рѣшились отступить отъ нихъ въ передачѣ разсказовъ, давъ имъ лишь внѣшнюю оболочку русской рѣчи. О значеніи разсказовъ въ смыслѣ историко-этнографическаго матеріала считаемъ излишнимъ говорить и можемъ выразить сожалѣніе развѣ о томъ, что остается не тронутымъ этотъ матеріалъ, способный освѣтить внутреннюю жизнь столько вѣковъ живущей среди южно-русскаго населенія массы еврейства, темной, какъ и наше простонародье.— *Примѣч. автора.*

ея самъ Іегова своими перстами написалъ имя нашего дивнаго цадика... Это святѣйшая книга!... Стоитъ только честному еврею держать эту книгу у себя въ домѣ, и онъ не сгоритъ, хотя бы кругомъ былъ самый сильный пожаръ. Вотъ какая это книга!... А ребъ Лейбъ-Суресъ былъ сильнѣе ея!... Онъ былъ великій избранникъ, дивный и преславный цадикъ!... И вы думаете, что только „наши“ уважали его!... Его всѣ почитали, ибо сами найяснѣйшіе паны совѣтовались съ нимъ... Вы скажете, что и теперь „наши“ бываютъ у хорошихъ пановъ... Ну, бываютъ... И что съ того?... Они бываютъ для того, чтобы ѣсть „трефъ“ и поганое животное „хазеръ“... И они, чтобы попасть къ панамъ, не носятъ пейсовъ, подстригаютъ себѣ бороды и не просятъ за своихъ единовѣрцевъ... А ребъ Лейбъ-Суресъ!... Онъ былъ святѣйшій, и всюду бывалъ, не подстригая пейсовъ и бороды, и не снимая ермолки, пантофлей и длиннаго капота, и онъ бывалъ у самыхъ найяснѣйшихъ пановъ, графовъ, и князей, и выше... У кого выше?... Вы это узнаете... И онъ бывалъ у нихъ не для своего блага.. онъ бывалъ, чтобы просить найяснѣйшихъ пановъ за нашихъ бѣдныхъ и гонимыхъ единовѣрцевъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ великій защитникъ народа нашего!...

Слушайте!

III.

Въ одномъ мѣстечкѣ жилъ одинъ бѣдный еврей, и была у него жена, благочестивая и дѣторадная женщина, и дѣти были... И была у нихъ хата, и всѣ они жили въ ней; и была у нихъ маленькая „крамница“, и всѣ они, и жена еврея того, и дѣти ея, торговали въ ней, продавая разные товары „хлопамъ“, и дѣлали небольшія дѣла, и жили. И то былъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и жена его была его жена, и дѣти ихъ были дѣти его...

И никто въ мѣстечкѣ томъ не зналъ, какое сокровище хранится въ немъ, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ, живя бѣдно и скромно, совсѣмъ удалялся отъ „дѣлъ“, и изучалъ великую книгу—талмудъ, и не являлся людямъ.

И прошло не мало времени, и окончилъ ребъ Лейбъ-Суресъ изученіе талмуда, и вышелъ изъ дому, и показался народу нашему, жив-

шему въ томъ мѣстечкѣ, и не былъ узнанъ онъ, и не былъ признанъ учителемъ... И вышелъ ребъ Лейбъ-Суресъ изъ мѣстечка, и началъ разъѣзжать по городамъ и мѣстечкамъ и посѣщать знаменитыхъ рабиновъ, чтобы побесѣдовать съ ними. И бесѣдовалъ съ ними ребъ Лейбъ-Суресъ, но не показывалъ предъ ними ни учености своей, ни добродѣтелей своихъ. И объѣздивъ всѣхъ извѣстныхъ рабиновъ, и поговоривъ съ ними, возвращался ребъ Лейбъ-Суресъ къ себѣ домой, къ женѣ своей и дѣтямъ своимъ. И совершилъ путь свой ребъ Лейбъ-Суресъ такъ, какъ совершаютъ его всѣ единовѣрцы наши, останавливаясь для совершенія шабаша въ попутныхъ корчмахъ. И совершилъ ребъ Лейбъ-Суресъ во время одной изъ такихъ остановокъ свое первое чудо.

Слушайте!

IV.

На пересѣченіи двухъ большихъ дорогъ стояла огромная корчма. Въ ней всегда было много нашихъ; извѣстно, всегда ѣздятъ по своимъ дѣламъ. И подъѣхалъ къ этой корчмѣ ребъ Лейбъ-Суресъ, и вышелъ изъ брички, и вошелъ въ корчму, и остановился въ ней, съѣлъ рыбы и погрузился въ свои мысли... Вы хотите знать, о чемъ онъ думалъ?... Развѣ можно знать это намъ, простымъ евреямъ?... Можетъ быть, что онъ думалъ... Ну, я не знаю... Извѣстно, хорошее думалъ... И былъ вечеръ... И полѣзла Поха, жена корчмаря Іося, на чердакъ, и уронила искру, и вспыхнула крыша, ибо она была изъ соломы, и сдѣлался великій пожаръ... И подняли въ корчмѣ великій гвалтъ!... И корчмарь Іось, и Поха, и ихъ дѣти: Хаимъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухля, Борухъ и остальныя бѣгаютъ и кричатъ: „гвалтъ!... ратуйте!“... А ребе сидитъ и молчитъ... Почему онъ сидѣлъ и молчалъ? Развѣ мы знаемъ... Можетъ быть, такъ было нужно... И можетъ быть, и тотъ пожаръ нарочно случился, чтобы прославиться великому цадику... И бѣгаютъ, и кричатъ Іось и Поха, Хаимъ и Пинхосъ, Пейсахъ и Сура, Ривка и Іосыле, Малка и Рухеле, Борухъ и остальные, и не обращаютъ вниманія, что *онъ* сидитъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ по виду совсѣмъ какъ бы простой „жидокъ“... И шуба его была простая, и „штройміле“ былъ такой, какъ у всѣхъ, и глаза были, и борода была, и пейсы были, и все было простое,

„жидовское“. И развѣ знали Іось и Поха, кто у нихъ былъ?... И развѣ они могли знать, когда ученые рабины не узнавали великаго цадика? — Этъ!—думали всѣ, простой жидокъ...—И бѣгаютъ они, и кричатъ, и хватаютъ разныя вещи, и выпускаютъ ихъ изъ рукъ... А пожаръ все болѣе и болѣе увеличивается... И крыша уже сгорѣла, и потолокъ началъ пылать...

И тутъ ребе всталъ, и чуть слышно сказалъ: „ша!“ И они всѣ смолкли... И это было первое чудо: они смолкли!... Іось, Поха, Хаимъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухеле, Борухъ и другіе смолкли!... И они увидѣли, и уразумѣли, что у нихъ былъ не простой жидокъ, и возложили упованіе на него... И сказалъ имъ ребе: „дайте мнѣ бутылку“... И они дали ему бутылку. И взялъ ее ребе, и вышелъ изъ корчмы, и шелъ тихо и важно, такъ, какъ-бы шелъ изъ „школы“.

Онъ шелъ и молился. И развѣ мы можемъ знать, какую молитву читалъ онъ!... И пришелъ ребе назадъ, и принесъ бутылку, и сталъ около корчмы... А ужъ и въ корчмѣ горитъ, и „бебехи“ вотъ—вотъ загорятся... И жалко Похѣ „бебеховъ“... И ей еще были нужны они, ибо она могла еще увеличить число народа нашего, и нужны были въ приданое Сурѣ, Ривкѣ, Малкѣ, Рухлѣ и другимъ... Великой дщери Израиля нужны „бебехи“, ибо безъ нихъ не возможно настоящее плодородіе женъ нашихъ... И рыдаетъ Поха... И пришелъ ребъ Лейбъ Суресъ, и услышалъ вопль Похи, и сказалъ: „ша!“ Они успокоились. И сказалъ: „не пугайтеся!“ И они стихли, и смолкли... взялъ тогда ребе бутылку, и поднялъ ее, и брызнулъ изъ нея водою, и стихло пламя, и какъ бы не было пожара...

И то было второе чудо великаго рабина! И узнали его, и прославили, и говорили о ребъ Лейбъ-Суресѣ Іось и Поха всѣмъ останавливавшимся въ ихъ корчмѣ, и распространилась слава о ребъ Лейбъ-Суресѣ.

И много другихъ чудесъ совершилъ потомъ нашъ дивный ребе.

Слушайте!

V.

Невдалекѣ отъ того мѣстечка, гдѣ проживалъ нашъ знаменитый цадикъ, жилъ въ одномъ селѣ татаринъ. И былъ онъ сильный человѣкъ, ибо ему служили бѣсы... Извѣстно, намъ служитъ Богъ, а гоямъ—бѣсы... И знали объ этомъ татаринѣ всѣ ближніе и дальніе люди, и привозили къ нему своихъ больныхъ, одержимыхъ бѣсами... И бралъ татаринъ больныхъ въ свой домъ, и морилъ ихъ голодомъ, и билъ палками, и сѣкъ плетьми, и изгонялъ бѣсовъ... И былъ славенъ татаринъ между гоями, даже между нашими извѣстенъ былъ... Но возсіяла слава нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, и стала меркнуть слава татарина. И позавидовалъ онъ нашему цадику, и воздвигъ противъ него разныя гоненія, и взвелъ на него разныя напасти; но не могъ ничего сдѣлать, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ былъ неуязвимъ... И поднялъ тогда татаринъ свое зло на сродниковъ святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса... И то было такъ...

Слушайте!

VI.

Въ одномъ селѣ жилъ нѣкій корчмарь, именемъ Фридель, человѣкъ бѣдный, простой, неученый, но благочестивый и честный... И былъ тотъ Фридель простъ умомъ, но великъ сердцемъ, ибо не дѣлалъ никакихъ дѣлъ, но читалъ и изучалъ талмудъ... И это было досадно бѣсамъ... И вошли они въ жену корчмаря Фриделя Іоху, и заставили ее мучить честнаго Фриделя.

Велика женская злоба, и нѣтъ равной ей! Ужалитъ пчела, и изчезаетъ съ земнаго лица. А злая жена досаждаетъ мужу до конца дней его!..

И досаждала, и уязвляла, и терзала Іоха мужа своего, Фриделя, ежедневно и ежечасно. И терпѣлъ Фридель мученія свои, и не разводился съ мучительницею своей. Въ книгахъ судебъ народа нашего написано было, чтобы Іоха мучила Фриделя, дабы дать возможность прославиться святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу. И было такъ: разъ Іоха заставила Фриделя отпускать водку гоямъ... И началъ Фридель отпускать водку полною мѣрою. И, увидѣвъ это, Іоха напала на Фриделя, и

ухватила его за пейсы, и терзала долго, и выгнала изъ корчмы. И онъ пошелъ, вышелъ и скрылся. И обрадовалась Іоха, и улыбнулась, ибо не знала, что нападетъ на нее смертная тоска.

Какъ часто бываетъ, что скучаютъ другъ за другомъ мужъ и жена, когда расходятся въ разныя стороны!—Вы навѣрное знаете нашего Янкеля? Не ладно жилъ онъ съ своею женою Шейвою, ибо она была великая неряха. И порѣшилъ Янкель развестись съ своей Шейвою, и развелся... И нужно было Янкелю и Шейвѣ пойти къ рабину, чтобы получить утвержденный и правильный разводный листъ. И собрался Янкель съ Шейвою идти къ рабину. А въ ту пору на дворѣ было холодно и сыро... И сказала Шейва Янкелю: „Душка Янкель! ты можешь простудиться, ибо надѣлъ только одинъ легкій капотъ. Возьми свой большой зеленый шарфъ и положи его на плечи и грудь“. И пріятны были эти слова Янкелю, и онъ помирился съ Шейвою, и такъ какъ Шейва была въ тѣ дни чистою, то Янкель облобызалъ ее и поялъ ее...—И радовалась Іоха, когда изгнала Фриделя, но скоро прошла радость и наступила печаль, ибо то было передъ шабашемъ... Извѣстно, не добро мужу и женѣ встрѣчать святой шабашъ въ одиночествѣ... И тоскуетъ Іоха, и печалится, и напрягаетъ свое зрѣніе, глядя въ доль дороги, и предполагаетъ, что увидитъ Фриделя. И она увидѣла, но не Фриделя, а быстро мчавшихся лошадей. То ѣхалъ татаринъ, и пріѣхалъ, и остановился, и вошелъ въ корчму, и поздравствовался, и спросилъ у Іохи: „а гдѣ твой Фридель“? „Нѣтъ его, ушелъ“, сказала Іоха и заплакала.—„Хочешь вернуть его“?—„Хочу“.—„Дай же зеркало и воску“, сказалъ татаринъ. И послушалась Іоха, и подала зеркало и воскъ, и стала смотрѣть на татарина и на дѣло рукъ его. И сдѣлалъ татаринъ изъ воску свѣчу, и поставилъ зеркало, и повѣсилъ свѣчу передъ зеркаломъ, и сказалъ: „та свѣча не догоритъ до конца, какъ твой Фридель будетъ около тебя“. И Іоха повѣрила, ибо татаринъ былъ „сильный“ человѣкъ, дивный лѣкарь, и могъ многое сдѣлать... Извѣстно, глупая... Развѣ можно вѣрить гоямъ?.. И погибъ-бы Фридель, но его спасъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Сурисъ. Онъ явился на помощь. „Кто былъ у тебя?“ грозно спросилъ ребе у Іохи.—„Ну-у, кто былъ у меня?“ переспрашивала Іоха, какъ всѣ наши дѣлаютъ, чтобы выиграть время и обду-

мать отвѣтъ.—„Никого не было“, сказала Іоха, ибо не знала, что передъ нею святѣйшій ребе.—Извѣстно, иногда наши не скажутъ правды даже своему, не только чужому.—„У тебя былъ татаринъ и предлагалъ тебѣ возвратить Фриделя“? спросилъ ребе. И призналась тогда Іоха, и разсказала все, и заплакала. И покачалъ головою ребе, и взялъ зеркало, и оборотилъ его къ стѣнѣ, и взялъ свѣчу, и оборотилъ ее внизъ свѣтильнею, и сказалъ Іохѣ: „О несмысленная! Фридель прилетѣлъ бы къ тебѣ, но мертвый, и верхомъ на кочергѣ“. И, услыша слова тѣ, Іоха испугалась, и испугалась такъ, что и сказать невозможно, и стала кричать и рыдать. И сказалъ ей ребе: „ша“! и вышелъ изъ корчмы, и обвелъ кругъ вокругъ нея, и вошелъ опять въ корчму. И было: поднялся вихрь, набѣжали тучи, почернѣло небо, полился страшный дождь, и была страшная буря, и все трещало и падало. И была тишина, и былъ покой только въ корчмѣ, ибо она была очерчена кругомъ... И вы думаете, что то была буря?.. Ну-ну!.. То летали бѣсы, и хотѣли разорить корчму, и потушить свѣчу, и разбить зеркало... И были напрасны старанія ихъ, ибо свѣча догорѣла и зеркало разбилось. И знаете ли вы, что это было?.. То ребе побѣдилъ татарина... И уничтожилась мерзкая жизнь татарина, ибо догорѣла его свѣча, и разбилось его зеркало... Такъ есть .. Татаринъ думалъ побѣдить нашего великаго цадика, того, о комъ самъ Іегова извѣстилъ Адама,—того, въ комъ воплотился великій духъ нашего великаго народа, дивнаго Израиля!.. Ну-ну, побѣдить его!... развѣ то можно?!.. И было потомъ: настала тишина, просвѣтлѣло небо, взсіяло солнце, и запѣли птицы, и улыбнулись деревья, и явился Фридель, здравый и невредимый... И была въ тотъ день великая радость въ корчмѣ... И зачала въ ту ночь Іоха, и породила, и понесла сына, и назвали его при обрѣзаніи Лейбъ... И прославили Фридель и Іоха, и всѣ чада ихъ, и сродники ихъ великаго цадика, ребъ Лейбъ-Суреса, и сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей своей мѣстности, и даже далеко за предѣлами ея. И пошли, и поѣхали евреи къ ребъ Лейбъ-Суресу... И никого не отпускалъ онъ безъ помощи и много совершилъ чудесъ..

Слушайте!

VII.

Нѣкоторый „злотникъ“ ѣхалъ далеко по своимъ торговымъ дѣламъ. И былъ онъ честный еврей. И было это завидно бѣсамъ, и они вздумали соблазнить этого „злотника“. И ѣдетъ злотникъ, и видитъ: на дорогѣ лежитъ крестъ. И былъ онъ золотой, драгоцѣнными камнями украшенный, и сіялъ, и блестѣлъ онъ перлами, изумрудами, топазами и яхонтами. И разгорѣлись глаза у злотника того, и появилось желаніе въ сердцѣ его, и мысль въ головѣ его — овладѣть драгоцѣннымъ крестомъ, и не удержался злотникъ, и взялъ... „Мнѣ не будетъ бѣды, но великая прибыль“, думалъ злотникъ тотъ, — „я передѣлаю крестъ въ кольца и сережки, въ браслеты и брошки, и сдѣлаю хорошій гешефтъ“, — и возрадовался въ сердцѣ своемъ, и любовался своею находкою злотникъ тотъ. И не зналъ онъ, что это только бѣсовское лавожденіе, и сталъ думать, куда спрятать находку свою. Въ карманъ положить? Крестъ былъ великъ. За пазуху вложить? Онъ выпадетъ. Въ мѣшокъ схоронить? Въ немъ „богомолье“ лежитъ. И горюетъ еврей, злотникъ тотъ. И смутили его бѣсы, и вложили въ его голову мысль — надѣть крестъ на шею. И отъѣхалъ злотникъ въ сторону, и зашелъ за дерево, и за кусты, и сталъ надѣвать... И была у злотника прекрасная еврейская борода, ибо она была широка у подбородка и узка въ исходѣ своемъ, и мѣшала борода надѣванію креста. И озлобился злотникъ на свою прекрасную бороду, и вынулъ ножницы, и обрѣзалъ свою бороду... И стало у злотника того поганое лицо, но онъ не чувствовалъ и не подозрѣвалъ безобразія своего, ибо затмѣвался уже разумъ его. И ѣдетъ злотникъ дальше, и видитъ: идутъ люди и пристально смотрятъ на него; и онъ видѣлъ это, и смотрѣлъ на нихъ, и замѣчалъ, что они переводятъ глаза съ его подбородка на вьющіеся пейсы его. И догадался злотникъ, что пейсы выдадутъ его, и ухватился за голову, и сказалъ себѣ: „на что мнѣ пейсы мои?“ и срѣзалъ ихъ. И возрадовался злотникъ, и возвеселился, и безъ боязни смотрѣлъ на встрѣчающихся людей, и думалъ, что уже ничто не выдастъ его. И была дума его напрасною, ибо остановили его люди, и говорили: „что ты за человѣкъ?“ И онъ отвѣчалъ: „ну, что я за человѣкъ?.. Я человѣкъ“... И они говорили: „у тебя еврейское платье, и нѣтъ

ни пейсовъ, ни бороды". И онъ молчалъ. И они продолжали говорить: „ты, должно быть, шарлатанъ". И испугался злотникъ, и сказалъ: „какой я шарлатанъ! я такой-же человѣкъ, какъ и вы". И отстали отъ злотника люди тѣ, и пошли впередъ, и скрылись. И когда скрылись они, злотникъ тотъ помыслилъ про себя: „Ой-вей! Они говорили правду, ибо платье мое выдастъ меня... И меня схватятъ, и найдутъ крестъ, и скажутъ, что я воръ". И увидѣлъ злотникъ шляхтича съ платьемъ въ рукахъ, и остановилъ его, и спросилъ: „не продастъ-ли вельможный панъ платья своего?" И согласился шляхтичъ, и продалъ. И купилъ злотникъ платье гоя, и снялъ свое прекрасное еврейское платье, и одѣлся въ платье гоя, и поѣхалъ, и радовался, ибо былъ близокъ къ окончательному затмѣнію разсудокъ его. И по маломъ времени въѣхалъ злотникъ въ нѣкое чудное мѣстечко, и встрѣтилъ людей, идущихъ изъ костела. И смотрѣли люди на злотника, и озирали его, и сказали ему: „кто ты? не шарлатанъ-ли ты, ибо у тебя нѣтъ ни бороды, ни пейсовъ, ни длиннаго капота, ни паятофлей, ни мѣховой шапки, и есть еврейское лицо... Кто ты? не шарлатанъ ли ты? не воръ ли и убійца?"... И сказалъ имъ злотникъ: „Нѣтъ, я не шарлатанъ"... И спросили у него: „чѣмъ докажешь ты слова свои?" И отвѣчалъ имъ злотникъ: „чѣмъ докажу я?"... И они говорили: „вотъ костелъ, и двери его отверты, и идетъ въ немъ святое служеніе"... И сказалъ злотникъ: „ну-у, что изъ этого?"—И они говорили: „иди съ нами, и омочи персты свои въ святую воду"... И помутился разсудокъ у злотника, и слѣзъ онъ на землю, и шелъ за людьми... Извѣстно, пропадала еврейская душа... И вы думаете: пропадала? — Ну-ну!.. Развѣ можетъ пропасть наша душа?.. Не можетъ, ибо число душъ нашихъ опредѣлено, и хранитъ насъ звѣзда народа нашего... Не можетъ погибнуть ни одна изъ душъ народа нашего! Нѣтъ. И вы скажете мнѣ: „погибаютъ, ибо становятся гоями по вѣрѣ своей". И вновь говорю вамъ: не погибаютъ, ибо внутри душъ своихъ они наши, и они сохраняютъ любовь къ вамъ, и при концѣ жизни своей раскаиваются въ заблужденіяхъ своихъ, и вновь становятся нашими, и покрываются грѣхи ихъ страданіями ихъ и тайными заслугами на пользу народа нашего... И не погибла душа злотника того. И былъ ему голосъ: „Шая!" И обернулся злотникъ, и увидѣлъ: нѣкій дивный еврей

стоялъ, и смотрѣлъ, и кивалъ головою. И то былъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И подошелъ онъ къ Шаѣ, и посмотрѣлъ на него. И вспомнилъ Шая школу, тору, семью свою и матерь свою, честную Фрейду, и прояснился разумъ его, и взмолился Шая къ святѣйшему цадику. И разрушилъ ребе чары, и тотъ крестъ упалъ на землю, и былъ онъ не золотой съ каменьями, а мѣдный, изломанный. И спасъ ребе злотника Шаю, и была великая радость. И посрамились враги наши, и разсѣялись, какъ дымъ, и та дорога была пуста, и было всего: въ воздухѣ, съ шумомъ и воемъ, въ вечернемъ полумракѣ, пропадали бѣсы. И разнеслась слава о великомъ цадикѣ между всѣми злотниками и иными работающими руками своими. И потомъ было новое чудо, великое и славное.

Слушайте!

VIII.

Въ нашемъ чудесномъ городѣ Бердичевѣ была большая ярмарка. И съѣхались въ него наши купцы изо всѣхъ „мѣстъ“ и „мѣстечекъ“, и заняли лавки, и стали „вести тандель“. И занялъ одну „крамницу“ нѣкій дивный купецъ, и онъ сидѣлъ въ ней, не имѣя никакого товару, и по маломъ времени выходилъ изъ нея, и становился среди дороги и какъ будто говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ. И это было дивно всѣмъ нашимъ купцамъ, великимъ и малымъ, славнымъ и простымъ, и даже факторамъ и носильщикамъ. И стали всѣ они говорить про дивнаго купца: или то „мишигинеръ“, или то нѣчто дивное, И у всѣхъ въ тотъ годъ были хорошіе гешефты и большіе барыши, и у одного *его* не было никакихъ дѣлъ. И появилось возбужденіе у всѣхъ, и всѣ стали спрашивать другъ у друга: „что оно такое?“ И, когда не могли рѣшить, пошли къ рабину и сказали ему. И былъ въ то время въ Бердичевѣ знаменитый рабинъ, и онъ зналъ многое, и долго обдумывалъ каждое дѣло. И началъ рабинъ думать, что *оно* такое, и искать отвѣта въ талмудѣ, и ничего не придумалъ, и ничего не нашелъ. И всталъ рабинъ съ мѣста своего, и позвалъ прислужниковъ своихъ, и пошелъ къ „крамницамъ“. И пришелъ рабинъ къ дивному купцу, и сказалъ ему: „шелоймъ-алейхемъ!“ И услышалъ въ отвѣтъ: „алейхемъ-шелоймъ!“ И спрашиваетъ рабинъ у дивнаго купца: „вы торгуете?“

И отвѣчаетъ ему дивный купецъ: „торгую". „И я не вижу вашего товара", говоритъ рабинъ. И всталъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо это былъ онъ въ образѣ дивнаго купца, и сказалъ: „вотъ мой товаръ". И видитъ рабинъ: мимо ребе бѣжитъ какой-то еврейчикъ... И сказалъ ребъ Лейбъ-Суресъ рабину: „глядите!" И рабинъ глядѣлъ. И остановилъ ребъ бѣжавшаго еврейчика, и спрашивалъ у него: „куда ты бѣжишь?" „Бѣгу дѣлать гандель", отвѣтствовалъ еврейчикъ. И подошелъ тогда ребе къ еврейчику, и взялъ полы его капота, и развернулъ ихъ, и сказалъ рабину: „смотрите!" И посмотрѣлъ рабинъ, и увидѣлъ подъ капотомъ саванъ, и понялъ, кто предъ нимъ, и испугался, и хотѣлъ было крикнуть, но, услышавъ грозное: „ша!", убоялся и смолкъ. И сказалъ тогда ребе бѣжавшему еврейчику: „ты мертвецъ!.. Иди на покой!"... И былъ принятъ мертвецъ на мѣсто упокоенія.

И знаете вы, что это было?—Многіе изъ народа нашего предаются излишней суетѣ, и небрегутъ о духовной жизни, и забываютъ про добрыя дѣла, исполненіе святѣйшихъ повелѣній божественной книги—талмуда, и не исполняютъ шабашей, и небрегутъ о размноженіи народа нашего, ибо проводятъ праздники вић домовъ своихъ, въ разлукѣ съ женами своими, и получаютъ они за то великую казнь: не находятъ мѣста упокоенія по смерти своей.

И скорбѣлъ о нихъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и просилъ за нихъ Бога вышняго, Бога Израилева, и умолилъ его. И дана была святѣйшему цадику великая сила—давать мертвымъ покой. И успокоилъ онъ въ то время всѣхъ несчастныхъ сыновъ народа нашего.

И было: разнесся по всему прекрасному городу Бердичеву слухъ о ребъ Лейбъ-Суресѣ, и всѣ, богатые и бѣдные, знатные и простые, стекались къ нему, и приносили ему дары. И не бралъ ничего святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И то было дивно и непонятно. И былъ слухъ такой въ народѣ нашемъ.

Слушайте!

IX.

Ребъ Лейбъ-Суресъ владѣлъ всѣми ангелами, и каждый изъ нихъ, по роду своему, доставлялъ все преславному цадику. И вамъ это не дивно: вы знаете, что и теперь есть такіе цадики, кои владѣютъ ан-

гелами. И это такъ: владѣютъ. И что изъ того выходитъ, что владѣютъ? И ребъ Мотыле владѣлъ ангелами, и желалъ воспользоваться услугами ангела. И погрузился ребъ Мотыле въ мысли, и сталъ думать надъ книгою книгъ, святѣйшимъ талмудомъ, и думалъ долго, и захотѣлъ пить. И позвалъ ребъ Мотыле ангела, и ошибся въ наименованіи его. И явился тотъ ангелъ, который завѣдываетъ огнемъ, и принесъ его къ ребъ Мотыле въ великомъ количествѣ. И былъ въ мѣстечкѣ большой пожаръ, и страшное несчастье, ибо погорѣли дома и „крамницы“, постели и „бебехи“, вещи и деньги, и обѣднѣло цѣлое „мѣсто“, и не увеличилось въ тотъ годъ количество народа нашего, ибо въ томъ „мѣстѣ“ было потомъ необильное число дѣторожденій и зачатій. И боятся теперь цадики, и трепещутъ, и не зовутъ для услугъ ангеловъ, и обходятся услугами „габоимъ“, прислужниковъ своихъ, и приношеніями единовѣрцевъ нашихъ, приходящихъ къ цадикамъ. И эти цадики, и ребъ Лейбъ-Суресъ!... Ну-ну!.. Они—злоты, онъ—червонецъ!... Теперешнимъ цадикамъ несутъ деньги и хлѣбъ, масло и яйца, куръ и рыбу, и всякую живность. Ребъ Лейбъ-Суресъ самъ раздавалъ деньги бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ... И много было денегъ у ребъ Лейбъ-Суреса: злоты и гроши, червонцы, рубли и копѣйки, дукаты и шфенниги, луидоры и сантимы... И они были носимы ангелами, никѣмъ инымъ! И великая слава была о ребъ Лейбъ-Суресѣ! И распространилась слава изъ Бердичева по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, по нашей землѣ и чужой... И всѣ шли къ дивному цадику, святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу, и шли поодиночкѣ, и шли каталомъ. И ребе всѣмъ помогалъ и творилъ великія чудеса.

Слушайте!

X.

И была въ то время великая смута въ нашемъ краѣ: паны воевали сами съ собою. И было безначаліе великое и непорядки страшные. И пришли московскія войска и стали въ нашемъ краѣ, и заняли города и мѣстечки, села и деревни. И одно войско стало въ мѣстечкѣ, а оно было сплошь еврейское. И тягостно было нашимъ держать москалей въ домахъ своихъ. И заплакалъ кагалъ мѣстечка того къ ребъ Лейбъ-Суресу, и умолялъ его спасти нашихъ отъ московскаго постоя. И внялъ

ребе плачу и стону, воплю и слезамъ, и сказалъ: „успокойтеся!“ И успокоились ходатаи, и возрадовались, и возвеселились. И была великая радость въ мѣстечкѣ, и всѣ ожидали скораго и чуднаго избавленія. И оно не замедлило. Поѣхалъ нашъ пречудный ребе къ московскому генералу и просилъ его вывести войско свое изъ домовъ единовѣрцевъ нашихъ и поставить въ дома гоевъ. И не внялъ генералъ деликатной просьбѣ нашего преславнаго заступника, и оборотился къ нему спиною, и сказалъ своимъ прислужникамъ: „выгоните этого нархатаго жида!“ Ну-ну!... Такъ поступить съ ребъ Лейбъ-Суресомъ!... И оборотился тогда нашъ дивный ребъ спиною къ московскому генералу, и поднялъ голову вверхъ, и сказалъ: „пєъ-съ!“ и вышелъ. И когда онъ вышелъ, плюнулъ на землю и растеръ ногою плюновеніе свое. И явилось солнце, и послало лучъ свой на плюновеніе ребе, и высушило его. И поднялся вихрь, и разметалъ прахъ изъ плюновенія ребе по всему мѣстечку, и упалъ прахъ на москалей, на всѣхъ, отъ старшаго до младшаго. И наслалъ ребе съ прахомъ тѣмъ болѣзнь на москалей, и напала на нихъ короста, и было большое несчастье у москалей! И по маломъ времени вышли москали изъ домовъ нашихъ и стали жить между гоями. И жители того мѣстечка возблагодарили святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса за избавленіе отъ москалей. И не принялъ дивный ребе вещественной благодарности, и повелѣлъ роздать ее бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ и сказалъ: „восхвалите Бога вышняго, Бога Израилева, ибо онъ, а не я, творитъ чудеса“. Ну-ну, какія слова!... Ребе былъ великій и скромный Божій угодникъ! .. И былъ ему дивный почетъ. Ребе сталъ ходатаемъ за большую часть народа нашего. И то было такъ.

Слушайте!

XI.

Всюду покушаются на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и всюду ихъ преслѣдуютъ, и вездѣ ихъ гонятъ. И то должно быть такъ: не уживается тьма со свѣтомъ, и зло съ добромъ, и глупость съ разумомъ.

И жилъ въ то время въ Австріи Кесарь. И возненавидѣлъ онъ евреевъ, и поднялъ онъ гоненіе на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ. И издалъ кесарь повелѣніе быть всѣмъ евреямъ съ фамиліями. И пошли

съ тѣхъ поръ Штерны и Штейны, Берги и Кранцы, Ванштейны и Бронштейны, Розенберги и Мандельберги, и иныя были фамиліи и прозвища. И издалъ это повелѣніе кесарь для страшнаго дѣла: и то было для переписи. И она была для ужаснаго дѣла: издалъ кесарь повелѣніе брать нашихъ въ войско! И былъ въ народѣ нашемъ громкій плачъ, великое стенаніе, ужасная скорбь и страшный ужасъ. И плакали, и рыдали, и вопіяли старые и малые, юноши и дѣвы, отроки и отроковицы, весь мужескій полъ и женскій. И наложили наши постъ на всѣхъ, и моленія, и милостыни. И собирались въ школы, и молились, и плакались къ Богу Израилеву о избавленіи и помилованіи. И встали князья народа нашего на защиту правъ нашихъ, и совѣтовались, и разослали письма во всѣ страны и концы, гдѣ проживаетъ народъ нашъ, и пригласили всѣхъ для обсужденія положенія нашего. И встали всѣ кагалы, и собирались, и обсуждали, и говорили, и вырабатывали мнѣнія и планы для отвращенія бѣды отъ народа нашего. И поданы были многія мысли, и многіе планы, и разнообразныя средства. Но никто не могъ переубѣдить того кесаря, чтобы отмѣнилъ ужасное повелѣніе свое. И вновь былъ плачъ и вопль, и рыданіе, и скорбь. И думали всѣ, что погибнутъ.., Они не знали, что у народа нашего былъ скромный, но дивный защитникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, и не подозрѣвали, что близокъ день отмщенія за скорби народа нашего.

Слушайте!

XII.

И было: пришла пятница, предверіе святаго шабаша. И стали готовиться всѣ къ встрѣчѣ, принятію великаго дня. И затопили хозяйки печи, и стали варить и печь шабашныя кушанья: и супъ, и рыбу, и мясо, и компотъ и гугель. И прекратили всѣ мужчины дѣла свои и пошли въ бани. И очистившіяся жены пошли въ миквы, чтобы быть совсѣмъ чистыми и угодными мужьямъ своимъ. И одѣлись дѣти, мальчики и дѣвочки, въ нарядныя платья и выбѣжали на улицу. И стали доставать жены и дѣвы драгоцѣнные уборы,—перлы и брильянты, шелкъ и бархатъ, золото и серебро изъ хранилищъ и приготовлять къ возложенію на себя. И всѣ дающіе деньги на проценты сосчитали барыши свои и прибыли свои и восхвалили Бога вышняго, Бога Из-

раилева, дающаго намъ гоевъ — должниковъ для увеличенія богатствъ нашихъ. И склонялось уже солнце къ западу, и золотило большую половину неба, и большую часть мѣстечка, и дома наши, и крыши, и окна. И падали лучи на столы, и на постланныя на нихъ скатерти, и на поставленные на нихъ подсвѣчники съ шабашевыми свѣчами. И радовались уже дѣти, и кричали; „близокъ шабашъ, близокъ дивный день, несущій намъ и рыбу, и мясо, и „цымесъ, и гугель!“ И торжествовали всѣ дѣвы, осматривая наряды свои и украшенія свои. И ликовали всѣ молодые новобрачные, и сладко смотрѣли на пышно взбитые „бебехи“, и съ нетерпѣніемъ ожидали шабашевой вечери и сладкаго сна. И всѣ веселились и радовались, и всѣ ликовали и говорили: „шабашъ, шабашъ! прекрасная и благословенная суббота!“ И веселился, и торжествовалъ, и ликовалъ нашъ дивный заступникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо онъ готовился къ великому дѣлу, защитѣ народа нашего. И то было такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIII.

Призвалъ ребе въ домъ свой балагулу Волька и сказалъ: „иди и запрягай коней, ибо мы поѣдемъ“. И отвѣтствовалъ Волько: „ребе, шабашъ близко!“ „Къ шабашу будемъ назадъ“, сказалъ ребе и сталъ одѣваться въ парадное платье. И облекся ребе въ длинный, блескомъ своимъ подобный самой блестящей ваксѣ, шелковый капотъ, и опоясался поясомъ, и одѣлъ свои тонкія ноги въ длинные чулки, и возложилъ на главу свою новую бархатную ермолку, и поверхъ ея большую мѣховую шапку, и на стопы свои новыя пантофли, и подвилъ свои длинные пейсы, и пригладилъ свою бороду, и сѣлъ и ожидалъ прибытія Волька. И черезъ нѣсколько времени загромыкало и затрещало, застукало и застучало. И то ѣхалъ Волько на своихъ четырехъ коняхъ и въ своей величественной будѣ. И были тѣ кони: одинъ буланый, а другой нѣгій, и третій рыжій, а четвертый сивый; и первому и второму было по десяти съ половиною годовъ, а третьему и четвертому по пятнадцати годовъ; и были тѣ кони — спокойные кони, ибо никогда не бѣгали быстро, но шествовали медленно и важно. И была та буда—знаменитая буда, ибо

она служила Вольку въ теченіе долгихъ лѣтъ, и въ теченіе столькихъ-же лѣтъ служила отцу Волька, и столькихъ-же лѣтъ дѣду его. И былъ на будѣ полотняный навѣсъ отъ заднихъ колесъ до переднихъ, и было въ будѣ довольное количество сѣна и соломы, и разной мягкой трухи. И подъѣхалъ Волько къ дому ребъ Лейбъ-Суреса и остановился. И вышелъ ребе, и сѣлъ въ буду и сказалъ: „поѣзжай!“ И взмахнулъ Волько кнутомъ, и крикнулъ: „вью, вью! вью!“ и заколыхалась буда, и затрещала, и загремѣла, и покатилась. И по маломъ времени выѣхали ребе и Волько за самое мѣстечко, въ поле. И только выѣхали они, услышалъ Волько тихій голосъ ребе: „Волько! оборотись ко мнѣ лицомъ, и сиди смирно, и не смотри ни вправо, ни влѣво.“ И оборотился Волько, и сидѣлъ смирно, и не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво. И по маломъ времени снова услышалъ Волько гласъ ребе: „оборотись къ конямъ и останови ихъ“. И оборотился Волько, и сказалъ конямъ, чтобы они стали, и они остановились. И сошелъ Волько съ сѣдалища своего и помогъ ребе выйти изъ буды. И когда помогъ, тогда глянулъ вокругъ себя и испугался великимъ страхомъ, и былъ охваченъ большимъ трепетомъ, ибо увидѣлъ себя Волько въ большомъ и чудномъ городѣ, среди огромной площади, и вокругъ себя неизвѣстно какихъ людей, говорящихъ страннымъ языкомъ. И поблѣднѣлъ Волько, и затрясся, и задрожалъ. И сказалъ ему ребе: „не бойся и паси своихъ коней“. И успокоился Волько, и сталъ смотрѣть вокругъ себя. И видѣлъ онъ, что ребе пошелъ, и шелъ, и пришелъ къ огромному дому, и вошелъ въ него, и былъ тамъ, и по маломъ времени вышелъ изъ него, и подошелъ къ Вольку, и сказалъ: „помоги мнѣ сѣсть“. И когда сѣлъ ребе, тогда сѣлъ Волько, и крикнулъ: „вью! вью! вью!“ И поѣхали. И только поѣхали, какъ услышалъ Волько приказъ: „оборотись ко мнѣ“. И не успѣлъ Волько оборотиться, какъ увидѣлъ, что лошади стали, и почувствовалъ, что они пріѣхали въ мѣстечко свое. И то было такъ: они пріѣхали въ мѣстечко прямо къ дому дивнаго ребъ Лейбъ-Суреса. И было еще: до шабаша успѣлъ Волько распречь своихъ коней, и поставить свою буду, и вымыть концы своихъ пальцевъ, и одѣться въ праздничную одежду, и заблаговременно придти въ школу, и занять свое наслѣдственное мѣсто, и раскрыть книгу, и начать молитву. Но не могъ Волько молиться, ибо пораженъ былъ чудною по-

ѣздкою, и дивнымъ видѣніемъ страннаго города, и необычнымъ сіяніемъ лица святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса. И прошла недѣля, и наступила пятница. И вновь поѣхалъ ребъ въ неизвѣстный городъ и былъ въ большомъ домѣ. И въ третью пятницу ѣздилъ такъ, какъ въ первую и во вторую. И привыкъ уже Волько къ неизвѣстному городу, и освоился съ чудною поѣздкою своею, и не чувствовалъ уже страха, и осмѣлился, и сталъ любопытенъ. Извѣстно, еврейская голова! И купилъ Волько въ чудномъ городѣ трубочку и чубучекъ, и привезъ домой, и показалъ свое пріобрѣтеніе. И было въ мѣстечкѣ волненіе и ликованіе, ибо по трубочкѣ и чубучку узнали и уразумѣли, что ребе былъ въ австрійскомъ городѣ Видиѣ (Вѣнѣ). И разнеслась вѣсть объ этомъ по всѣмъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, корчмамъ и шинкамъ, между всѣмъ народомъ нашимъ. И была великая радость между всѣми единовѣрцами нашими, ибо рабины говорили и объявляли: „ребе защититъ народъ нашъ!“ И всѣ вѣрили словамъ рабиновъ, ибо знали, что ребъ Лейбъ-Суресъ великій и дивный защитникъ народа нашего, и всѣ желали знать, что дѣлаетъ ребе въ Видиѣ и къ кому онъ ходитъ. И возрастало любопытство, и увеличивалась любознательность у всѣхъ, ибо и въ четвертую, и въ пятую пятницу совершилъ ребе чудную поѣздку свою. И, когда пришла шестая пятница и услышалъ Волько повелѣніе запречь коней въ буду, то загорѣлось въ Волькѣ любопытство, и порѣшилъ онъ спросить у дивнаго ребе, гдѣ онъ бываетъ и что дѣлаетъ. И заикнулся Волько предъ ребе о желаніи своемъ, и услышалъ въ отвѣтъ: „еще немного времени потерпите, и все узнаете“. И терпѣлъ Волько, и терпѣли всѣ, и ожидали. И пришла седьмая пятница, и приготовлялся Волько къ поѣздкѣ, и приготовился заранѣе; и то было напрасно, ибо былъ позванъ Волько къ ребе задолго до наступленія шабаша. И сѣлъ ребе съ Волькомъ, и поѣхали. И настало великое волненіе, и всѣ ожидали чего-то дивнаго. И было: возвратился ребе быстрѣе, чѣмъ въ прежнія поѣздки, и вошелъ въ домъ свой и сказалъ: „сегодня буду я не здѣсь шабашовать“. И сказавъ эти слова, ребе отошелъ въ вѣчность къ праотцамъ Аврааму, Исааку и отцу нашему Іакову. И постигла всѣхъ евреевъ скорбь великая, и поднялся плачъ, и вопль, и стенаніе. И стеклось великое множество народа къ дому дивнаго ребе, старые и малые, богатые и бѣдные, и провожали ребе до мѣста

вѣчнаго упокоенія, и проводили, и погребли. И вознеслась душа нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, въ горнія селенія, и ликовала тамъ, ибо подоспѣла къ самому шабашу. И не успѣли всѣ возвратиться къ домамъ своимъ, какъ узнали всѣ, что дѣлалъ ребе въ Видиѣ. И говорили объ этомъ въ теченіе всего наступившаго шабаша, и говорили въ слѣдующіе дни, и недѣли, и мѣсяцы, и годы, и десятилѣтія, и будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и свѣтитъ луна. И говорили такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIV.

Когда дошла вѣсть до ребъ Лейбъ-Суреса о повелѣніи брать нашихъ въ войско, тогда онъ скорбѣлъ, печаловался и мучился, и молился о избавленіи единовѣрцевъ нашихъ. И порѣшилъ нашъ дивный заступникъ предстать предъ кесаря и молить его о помилованіи единовѣрцевъ нашихъ. И предсталъ ребе предъ кесаря, и деликатно просилъ его не брать нашихъ въ войско. И былъ пораженъ кесарь умомъ святѣйшаго цадика, и сказалъ ему: „хорошо, я подумаю“. Но возстали враги наши, и окружили кесаря, и вложили въ сердце его не отмѣнять повелѣнія своего. И измѣнилъ кесарь слову своему, и не думалъ. И явился къ нему ребъ Лейбъ-Суресъ, и пристыдилъ его, и говорилъ ему о бѣдности царства его и о богатствѣ единовѣрцевъ нашихъ. И вновь сказалъ кесарь: „я подумаю“. Но опять восторжествовали ненавидящіе насъ. И явился тогда ребе къ кесарю съ грознымъ взглядомъ, и суровымъ обличеніемъ, и великими угрозами. И было: кесарь испугался, и взмолился. И смягчился ребе, и ограничился лишь одними угрозами. И снова восторжествовали враги наши. И узналъ объ этомъ ребе. Какъ онъ узналъ?... Развѣ мы, простые люди, можемъ знать это? И ребе началъ казнить кесаря, и тѣ казни были дивныя и необычныя. И начнетъ ребе чесать волосы, и у кесаря голова болитъ; и начнетъ ребе стричь свои ногти, и у кесаря ломитъ руки; и кричитъ кесарь: „гвалтъ! ратуйте!“ И явился къ кесарю, какъ жрецъ къ фараону, одинъ изъ ксендзовъ его, и исцѣлилъ кесаря, и озлобилъ сердце его противъ единовѣрцевъ нашихъ. И наложилъ кесарь тягости на единовѣрцевъ нашихъ, и сталъ притѣснять ихъ, и угнетать ихъ. И предсталъ

тогда ребе предъ кесаря съ гнѣвнымъ взоромъ и карающею рѣчью, и нагналъ на кесаря страхъ и великій ужасъ, и на близкихъ къ нему. И ужаснулся кесарь, и просилъ ребе о помилованіи, и обѣщалъ сдѣлать все по желанію его. И отошелъ отъ кесаря ребе и былъ въ надеждѣ, что кончатся страданія народа нашего. Но былъ тотъ кесарь мягокъ сердцемъ, и вновь восторжествовали враги наши. И умыслилъ ксендзъ злой умыселъ на ребе, и передалъ его кесарю, и убѣдилъ его принять совѣтъ свой. И тотъ совѣтъ былъ слѣдующій: кесарь долженъ былъ выстрѣлить въ тѣнь головы ребъ Лейбъ-Суреса, лишь только онъ предстанетъ предъ кесаря. И былъ тотъ совѣтъ погибеленъ... Вы думаете: ребъ Лейбъ-Суресу? Ну-ну!... Погибеленъ совѣтнику кесаря. И было: предсталъ ребъ Лейбъ-Суресъ предъ кесаря. И поднялъ кесарь ружье, и выстрѣлилъ въ тѣнь головы. И вы думаете: то была голова святѣйшаго цадика?... Ну-ну!... То была голова ксендза, совѣтника кесаря!... И воспылалъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ гнѣвомъ и яростію, и казнилъ враговъ нашихъ казнями жестокими, муками и смертію. И былъ удостоенъ великой чести ребе нашъ за подвигъ свой, ибо онъ подосѣлъ на небо къ самому шабашу.

XV.

Великій и дивный цадикъ былъ ребе Лейбъ-Суресъ! И нѣтъ равнаго ему!... Предъ нимъ даже гусятинскій и садогурскій цадики какъ звѣзды предъ солнцемъ, какъ ручей предъ моремъ, какъ тростинка предъ дубомъ, какъ березка предъ кедромъ ливанскимъ, какъ гой передъ избраннымъ изъ народа избраннаго!

И я говорю вамъ о немъ, и вы слушайте, и прославляйте Бога Израилева, Бога вышняго, и его дивнаго, пресвѣтлаго слугу, нашего защитника и покровителя, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса!

Александръ Тарнавскій.

УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ.

ЕГО КЕЙФЪ И СУДЪ.

(По фамильнымъ воспоминаніямъ).

— · —

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тараномъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зізнаться.

Изъ народн. пѣсни.

———

Отколѣ міръ стоитъ, во всѣ времена, при всѣхъ общественныхъ, гражданскихъ и государственныхъ порядкахъ, жили въ человѣчествѣ неразлучно богатство и бѣдность, и всегда бѣднымъ людямъ жилось плохо, а богатымъ хорошо.

Въ былые дни гетманщины хорошо жилось козачей старшинѣ. Широкая децентрализація управленія — остатокъ давней свободы, не смотря на постоянныя ограниченія оной, и въ послѣдніе годы существованія гетманщины, оставляла еще много мѣста не только власти, но и произволу. Козачіе полковники облечены были болѣе широкими прерогативами власти, чѣмъ могъ придумать въ наше время самый смѣлый проэктъ разширенія власти губернаторовъ. Въ предѣлахъ поселенія полка они были полными распорядителями не только по военной, но гражданской, судебной и хозяйственной части. Они владѣли обширными земельными угодьями, могли прикупать и прихватывать, вели на широкую руку хозяйства, эксплуатируя козачую рабочую силу, не брезгали и всякими промыслами. Стоило лишь искусно изворачиваться предъ генеральною канцеляріею, да ловко прятать концы, или же съѣздить иной разъ въ Москву, а позже въ Петербургъ, и задобрить кого слѣдуетъ хорошими „подно-

шеніями", и можно было болѣе и болѣе расширять свои „маетности". — Что значилъ въ полку полковникъ, тѣмъ былъ сотникъ для своей сотни, состоявшей изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ. И сотники, какъ и полковники и другіе войсковые чины, получали земли и разныя угодья на свой рангъ, были полными распорядителями въ своихъ участкахъ по всѣмъ частямъ управленія, и отчитывались да и приплачивались предъ старшиною полковою, какъ эта послѣдняя предъ генеральною. Чѣмъ болѣе близилось уничтоженіе гетманщины, тѣмъ меньше чувствовалась тягость воинской службы и хотя пропорціонально тому возросталъ гнетъ экономическій, но вся тяжесть его падала на простое козачество и умножавшихся въ числѣ посполитыхъ, подсусѣдковъ, коморниковъ и захребетниковъ. Учащавшіяся перемѣны гражданскихъ порядковъ не предвѣщали для старшины ничего худаго. Въ воздухѣ все сильнѣе пахло рабствомъ, но тѣмъ болѣе привилегированнымъ и почетнымъ виднѣлось въ перспективѣ положеніе войсковой старшины, всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ жизни далеко отодвинувшейся отъ народа. Естественные инстинкты насилія и хищенія при такомъ порядкѣ вещей могли только усиливаться и расти, а не ослабѣвать. Разлагавшійся старый строй жизни и царившій всюду какой-то хаосъ давалъ правда не выгодно чувствовать себя отдѣльнымъ личностямъ изъ среды самой старшины, происходили крупныя кражи въ хозяйствѣ и грабежи, приходилось приплачиваться частью имущества, иногда и всѣмъ достояніемъ и урядомъ, но ловкій, какъ и всегда, умѣлъ изворачиваться и самыя тягости общественнаго порядка обращать въ свою пользу.

Въ таку-тою, отчасти трудную, отчасти привольную пору жилъ сотникъ Тарапъ. Онъ правилъ смѣлянскою сотнею и резиденція его была въ м. Смѣломъ, близъ Роменъ. Имѣлъ онъ, какъ и другіе сотники, „ранговые и благопріобрѣтенные грунта и левады, гаи и сѣножати, ставы съ мельницами и садки. Правилъ онъ сотнею и хозяйствомъ занимался; на его грунтахъ жило нѣсколько подсусѣдковъ и если все сотенное населеніе было въ его распоряженіи, то эти послѣдніе были какъ-бы его подданными. Правилъ онъ по старинѣ—и грозно, и милостиво, не давалъ спуску своевольнымъ, но и не доходилъ до жестокости и издѣвательства надъ бѣднымъ и слабымъ. Не любилъ онъ, подобно другимъ, притягать

захудалыхъ козаковъ; съ людьми бѣдными, съ тѣми, что помогали ему въ хозяйствѣ, любилъ даже подѣлиться, особливо тѣмъ, что' какъ вѣрили тогда всѣ, „родитъ Богъ на всякого долю". Обращался сотникъ со всѣми просто, права былъ веселаго, любилъ пошутить, особливо, по вдовству, съ женскимъ поломъ, еще болѣе любилъ въ сластъ поѣсть и попить. Сотничалъ онъ долго; тутъ-же на сотничествѣ и „госпожу" свою похоронилъ; теперь, за смертію ея, хозяйство вели обученныя „панею" Стеха и Приська, всѣмъ-же въ домѣ распоряжалась молодая дочь его „Ганнуся, цыпная краля". Было и въ жизни Тарана много невзгодъ; въ его сотничество разбойничалъ здѣсь Гаркуша и жилъ не вдалекѣ на хуторѣ Бардака близъ Бесѣдовки. Тарана заподозрили не только въ попустительствѣ, но и въ соучастіи съ Гаркушею. Онъ былъ притянутъ къ суду, но вывернулся, благодаря своей изворотливости, поплатившись впрочемъ значительною частью своего имущества. Это было въ 1780 г. Катастрофа служебная, въ связи съ недавнимъ семейнымъ горемъ, разстроили было дѣла Тарана и его самаго повергли въ скорбь; онъ сталъ угрюмъ и задумчивъ, каждый новый слухъ о подвигахъ Гаркуши приводилъ его въ трепетъ и онъ не разъ подумывалъ о томъ, какъ-бы не поднято было вновь это проклятое Гаркушино дѣло. Но крѣпкій организмъ, правильная жизнь и природный веселый нравъ снова взяли свое, особливо, когда Таранъ удостовѣрился, что Гаркуша далеко—въ Казани.

Уладивъ окончательно свои служебныя и хозяйственныя дѣла, Таранъ отдался своей прежней беззаботной жизни. Онъ не любилъ большихъ компаній, сидѣлъ больше дома и наслаждался жизнью, какъ она шла вкругъ него. Былъ онъ большой эстетикъ, до нѣкоторой степени поэтъ и безконечно любилъ природу. Когда наступало лѣто, онъ большую часть времени проводилъ на *ганку* своего незатѣйливаго дома, стоявшаго на возвышеніи надъ однимъ изъ смѣлянскихъ овраговъ; на подворье его и хозяйство, на все мѣстечко и даже на отдаленныя окрестности съ крыльца его дома открывался прекрасный видъ. Отсюда онъ наблюдалъ движеніе прохожаго и проѣзжаго люду, отсюда давалъ приказанія на право и на лѣво, по службѣ и по хозяйству, здѣсь принималъ доклады, выслушивалъ жалобы, творилъ судъ и расправу, и здѣсь-же совершалъ свой долгій кейфъ съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.

По привычкамъ того времени лучшею порой дня было утро, и Таранъ умѣлъ пользоваться имъ, особливо лѣтнею порою, не только для дѣла, но и для полнаго своего удовольствія. Вставъ рано, съ восходомъ солнца, умывшись „погожею“ водицею и переговоривъ: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*, а также „за помершіи души“, сотникъ или отмахаетъ верстъ десять на своемъ „татаринѣ“ на какую нибудь изъ своихъ сѣножатей—посмотрѣть, собрались-ли косари, и при этомъ для примѣра самъ пройдетъ *ручки* двѣ, либо пѣшкомъ переберется черезъ нѣсколько овраговъ на одну изъ своихъ нивокъ взглянуть „на толоку“, либо посвятитъ все утро обзору своего домашняго хозяйства, да такъ, что не оставитъ безъ своего посѣщенія ни коморы, ни сажа, ни стайни и оборы, ни клуни и огорода, ни ставка и млынка, ни отдаленнаго баштана, и только почувствовавъ, что уже давно въ желудкѣ червякъ точитъ и что пора уже его и заморить, возвращался къ своему „ганку“ и усаживался за „снѣданье“, приговаривая, когда былъ въ духѣ: отъ-це-жъ, якъ пише Давидъ, *сідоша людіе снідающіи хлѣбъ въ снідь.*

Насталъ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, которыхъ вся краса чувствуется особенно въ несравненной Украйнѣ. Чудныя окраины сотеннаго города лубенскаго полка освѣтились ранними лучами восходящаго солнца; золотистые лучи его дрожали, пробираясь по кустамъ „огрудка“, и точно снопомъ ударяли въ желтую, какъ воскъ, недавно крытую соломенную крышу сотникова дома; слезинки утренней росы блестѣли, какъ изумрудъ, на листьяхъ растущихъ подъ окнами цвѣтовъ. Вдали изъ оконъ чуть виднѣлась зеркальная поверхность скрывавшагося въ оврагѣ ставу; золотистая рыбка, играя въ водѣ, радостно привѣтствовала восходящее солнце: играла, плескалась, ловила летавшую мошку. Въ воздухѣ вѣяло какою-то влагою и нѣгою, вся окружающая домъ атмосфера насыщена была парами и чуднымъ запахомъ „бузку, черемхи“ и всякой иной зелени.

Таранъ сидѣлъ на „ганку“ и тянулъ изъ своей стамбулки ароматъ собственнаго виргинскаго табаку; по раннему восходу солнца и по тому, что блохи, „якъ зговорились“, не дали спать ему, онъ вывелъ заключеніе, что быть сегодня дождю.

— Теперъ рыба грае, подумалъ сотникъ; то-бъ то неводъ закинуть! и съ этимъ онъ крикнулъ проходившему по двору хлопцу:

— Гей, Павелко, щобъ були заразъ жінки до невода! Гапку, Пріську, Стеху, Параску, Тетяну... по четыри на крыло... та заразъ!

— Чую добродію! отозвался Павелко и стрѣлой понесся черезъ плетни и огороды къ подсусѣдкамъ.

„Жінки“ охотно собирались и даже торопились, зная, что старый панъ любитъ пошутить, а по удачномъ уловѣ не обойдетъ молодицъ и ковшомъ рыбы. Не прошло и полчаса, какъ летитъ назадъ Павликъ, только чубъ пляшетъ на головѣ у него и шлепаютъ широкіе шаровары, цѣпляясь за огородину и бурьяны.

— Заразъ будуть, пане!

— Ну, то-то! Иди-жъ, справляй човенъ, та воду выхлюпай; я заразъ буду!

Павликъ мигомъ полетѣлъ на ставъ, видно, что и ему было по нутру приказаніе пана сотника.

Выкуривъ стамбулку и поковырявъ ее „пятычкою“, сотникъ выколотилъ золу, крякнулъ раза три и пошелъ тихо, взявши „ціпокъ“, чтобы, спускаясь подъ гору, не поскользнуться на влажной отъ росы травѣ.—Осторожно спустившись въ оврагъ, подошелъ онъ къ човну. Павликъ усердно выплескивалъ остатокъ воды изъ середней части лодки; молодицы въ приличныхъ костюмахъ—„куцыхъ и рваныхъ“ обнажили свои сочныя, здоровыя икры, что нѣсколько щекотало воображеніе пана сотника и давало поводъ къ игрѣ словъ и шуткамъ. Зная нравъ своего пана, Гапка (самая смазливая) не безъ умысла стала подбирать свою „куцую сорочку“, собираясь идти въ воду.

— Ты бъ ще высше підняласъ; гляди, щобъ не выпурхнуло! подшучивая, сказалъ Таранъ, лукаво моргнувъ бровью.

— Гапка съ достатку, добродію, замѣтила бойкая Тетяна.—Молодицы съ хохотомъ входили въ воду, таща неводъ; одна затянула:

Ой вырву я лопушину
Да пошлю фартушину...

— А нуте, нуте! какъ-бы сконфуженный, прервалъ сотникъ; вытягайте крыло, та заходьте далі, далі... Бачь, якъ рыба грае; онъ выкинувсь карась, мовъ порося добре!

— То й нашъ, добродію, буде!..

— Хто піймае, доброи вишнівки достане, поощрялъ сотникъ.

— А треба, добродію, треба по трудахъ; тільки чогось мицнішого, хоть-бы теи коробскои!

— А може новомлинки?

— Новомлинка, кажуть, пане, воды половинка, а коропська суща.

— Якъ піймаешъ!

— Въ умілого и долото рыбу ловить, добродію!

Такъ весело начиналось это любимѣйшее въ старые годы въ Малороссіи занятіе, представлявшее не то трудъ, не то отдыхъ, походившее скорѣе на праздничное торжество и манившее къ себѣ всякаго самымъ процессомъ своимъ, доставлявшимъ высокое, неизъяснимое наслажденіе. Молодицы весело брели по топкому дну пруда, ощущая всѣмъ тѣломъ прелесть утренней свѣжей ванны. Обѣ партіи ихъ какъ-бы соперничали другъ съ другомъ, расходясь все дальше; огромный неводъ давно погрузился въ воду; одна изъ молодицъ, придерживая слегка крыло, заносила „гузырь“ и наконецъ бросила его ко дну. Сотникъ зорько слѣдилъ, съ видомъ знатока и охотника, за движеніями бредущихъ, за направленіемъ крыльевъ, за охваченнымъ ими пространствомъ, за плескомъ мелкой рыбы, то тамъ, то здѣсь выбрасывавшейся изъ воды, приказывалъ заносить дальше „гузырь“, заходить глубже, расходиться дальше, не поднимать крыльевъ, не наклонять ихъ на бокъ, тянуть прямо по землѣ. Какъ вдохновенный дирижеръ, онъ знаками дополнялъ, чего не досказывалъ на словахъ, подмигивалъ, водилъ въ воздухѣ пальцемъ или всей рукой, и когда все пришло въ стройный порядокъ и машина плавно пошла въ ходъ, онъ быстро вскочилъ въ челнъ и обгоняя бредущихъ, сдержанно проговорилъ:

— Теперь-же идіть такъ—тихенько, рівненько, а я поіду до плаву, та звідтиля пажену, тамъ у лозахъ вона мошку хапае.

И онъ быстро, изо всѣхъ силъ, погналъ челнъ въ вершину пруда. Бьетъ болтомъ по водѣ, выгоняетъ рыбу на просторъ, колотитъ весломъ по кустамъ, по очерету... И опять командуетъ:

— Росходьтесь, росходьтесь ширше... тихенько, рівненько, та тамъ коло Кимликового саду выходьте! Ліве крыло вольно! Праве наддавай... тихо, тихо... праве шагу прибавляй—и поволі заходь... И опять: бовть, бовть... и опять команда: ліве крыло...

Въ это время выпрыгнулъ карась въ чертѣ невода, какъ-бы поддразнивая.

— Стой! стой! командуетъ сотникъ; заходьте справа пошибчѣе, пошибчѣе! Теперь разомъ! Выходьте скоріше, та держить неводъ при землі!..

Быстрыми движеніями стали молодицы неводъ собирать, выходя изъ воды; на крыльяхъ невода зардѣли тамъ и здѣсь золотистые караси. Огромный куль невода плавно выползалъ по мягкому илистому дну на берегъ; масса рыбы виднѣлась въ немъ, почивали покойно караси погруженные въ тину, а тѣ, что были ближе къ крыльямъ, почувствовавъ прикосновеніе воздуха, бились, трепетали, перепрыгивали съ мѣста на мѣсто.

— Збирай матню!.. Осторожно, осторожно! командовалъ Таранъ.

— Ухъ! крикнула, отскочивши, Гапка; такъ ударивъ въ груди, трохи не впала, моя матінько! Се той самый!..

— Ладно! не упусти, якъ тоді въ клуни! памятаешъ?

— Се-жъ не той, пане, вьюнъ... та ще моя доля не вмірала! весело отчеканила Гапка...

Наконецъ неводъ на сушѣ. Всѣ бросились выбирать уловъ, вытряхали *гузырь*, обирали съ крыльевъ мелкоту, ловили прыгавшихъ карасей и отбрасывали подальше на траву. Суета, шумъ, говоръ, смѣхъ...

На эту оживленную сцену любовно съ горы смотрѣла дочь сотника. Только что заплела она свои роскошныя косы и украсила свою головку макомъ, настурціями, крученными панычами. Шитая заполочью рубаха, голубая корсетка или, какъ нельзя лучше, къ ея бѣлому, свѣжему, какъ утренняя заря, личику и шелковистымъ блестящимъ волосамъ; алыя губы и щеки пламенѣли избыткомъ здоровой крови, стройная легкая фигура свѣтлой точкой рисовалась на окаймленномъ густымъ орѣшникомъ холмѣ, по сторонамъ котораго шли два другіе возвышенія, съ крутыми обрывами.

И по той бікъ гора,
И по сей бікъ гора;

А межъ тими гіроньками
Ясная зоря!...

— А що, Гапусю, кликнула Галя Сотниківна, буде могорычь!...

— Буде, панночко, буде!...

— А ты, Галю, пришли Ясика зъ відрами, та скоріше: чуешъ! отозвался отецъ.

— Чую!... чую!... прозвенѣла Галя и какъ серна полетѣла съ горы, перегоняясь съ Дойдою, любимою собачкою.

Несли ведра, собирали рыбу, скатывали неводъ. Шли всѣ не съ пустыми руками, съ торжествующимъ видомъ, взбираясь гуськомъ по крутой горѣ, а дома, у колодца, по приказу Гали, вытягивали воду, наливали въ ночовки, на кухнѣ разводили огонь, готовили сковороды, горшки, масло, сметану. Принесли добычу; закипѣла новая работа: стали сортировать рыбу—ту варить, эту для сушки, другую на сковороду. Сотникъ самъ распоряжался, и молодицъ, по обыкновенію, не забылъ, а онѣ весело, съ шутками, съ прибаутками, развѣшивали неводъ на плетнѣ для просушки и сами переодѣвались въ сухое платье.

— А я черепаху вхопила въ руки, да якъ кину! думала, що ратиця.

— Та и наловили-жъ! Давно вже такого счастья не було.

— Э, якъ-бы не пепёкъ, то у Кимликового саду ще-бъ и більше попало!

Пошло „частованье“ и новыя прибаутки. Сотникъ подшучивалъ, подмигивалъ, молодицы цокотали.

— Се така смачна, боюсь, щобъ и языка не проковтнуть! прибавила Катерина, смакуючи водку.

— Не лишне-бъ було, отозвался панъ сотникъ, бо вінъ у тебе, якъ липовській дзвінъ!...

— Охъ, лишенько! може тронки голосніший!

Галась, смѣхъ, общее веселье.

А между тѣмъ караси въ сметанѣ, производившіе соблазнительный трескъ на сковородѣ и обдававшіе всѣхъ раздражающимъ запахомъ, очутились уже на столѣ, покрытомъ „килимомъ“ самодѣльной работы, а сверху скатертью.

Сотникъ чувствовалъ себя въ надлежащемъ вкусѣ, весело усаживался за столъ и моргнувъ бровью по направленію карасей,

произнесъ: „ничого, зажилась голота коло болота!“ затѣмъ выпивъ звѣробоевки, накинулся на карасей съ тѣмъ аппетитомъ, который чувствуютъ люди рано встающіе и проводящіе утро въ механическомъ трудѣ на открытомъ воздухѣ.

Поѣвъ плотно и всполоснувъ зубы звѣробоевкою, сотникъ набожно помолился Богу, набилъ стамбулку самороднымъ виргинскимъ и отправился къ любимому своему мѣсту на „гапокъ“. Здѣсь въ пріятномъ кейфѣ онъ любовно наблюдалъ движеніе всей своей хозяйственной машины и заливался добродушнымъ смѣхомъ, глядя, какъ напр. шлепнется со всего размаху разбѣжавшаяся Оксана, не замѣтивъ подъ ногами у порога пекарни *Мурзу* или *Малая*, или какъ телецокъ, вылизавъ подойникъ и вскинувъ его себѣ на голову, пойдетъ выдѣлывать съ нимъ пляску по двору. Но вотъ свинья *Рохля*, ставъ на задніе лапы, зубами прилаживается къ обрывку веревки, которымъ заперта калитка, чтобы сбросивъ оный съ верхушки столбика, пробраться въ огородъ. Сотникъ рявкнетъ: *а-ля!*,—стѣны задрожатъ и на другомъ концѣ двора пугливыя лошади шарахнутся и собьются въ кучку. „Розумна бестія! якъ собака зубами, або чоловікъ рукою. Такои еще въ насъ не було!“ скажетъ сотникъ, видимо довольный, что все въ домѣ трепещетъ его, и погрузится въ размышленія.

Въ то время, какъ панъ сотникъ, потонувъ въ размышленіи и продолжая пыхтѣть стамбулкою, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, во дворѣ показалась чья-то дівчина; вооружившись длинною хворостиною и робко озиралась по сторонамъ, она тихо направлялась къ пекарнѣ, стараясь пробраться незамѣченною собаками.

Маневръ удался, дівчина въ пекарнѣ и привѣтствуетъ Стеху:

— Здорови були! съ сегодняшнимъ днемъ поздоровляю!

— Спасибі; сідайте!

— Хай усе добре сідае!

— Чи панъ сотникъ дома?

— Дома! А чого тобі?

— Та мени дило е! Чи можно до ихъ доступиться?

— Можно, иди прямо, онъ сидить на ганку.

— Проведить-же мене, бо я собакъ боюсь!

— Иди, я постою!... А ну, *Мурза!* не займай!

Главный отаманъ двора, изучившій нравъ своей благодѣтельницы Стехи, когда надо, былъ покоренъ ей, какъ ягненокъ. Дівчина прошла до пана сотника, низко кланяется и говоритъ:

— Я до вашои милости, добродію, діло маю.

— Почуемо!

— О така річь, паночку! Той Корній Заволока збезчестивъ мене; такъ, шануючи Бога и вашу честь, збавивъ мене, що стыдно сказать!...

Сотникъ моргнувъ бровью, слегка улыбнулся,—видно, хотѣлъ пошутить, но воздержался.

— Ну, и що-жъ?...

— Да такъ, якъ бачите, збезчестивъ, тай годі!

— Ахъ, вінъ бестіянській сынъ! Та я ёго... я-жъ ему... Не дурно ёму и призвище таке богомерзске—Заволока! Такъ вінъ тебе оце обезчестивъ? Гс, шкода, та вже не вернется. Що-жъ, заміжъ ты за ёго мабуть не підешь?

— Крый Мати Божа! съ негодованіемъ и какъ-бы обидой произнесла Гапка.

Но сотнику показалась уже какая-то неискренность въ ея голосѣ и движеніяхъ и онъ снова спросилъ:

— А певно за безчестье зъ ёго хочешь?

— Або-жъ то панъ каже дарувати? нѣсколько смѣло переспросила Гапка.

Сотникъ какъ будто призадумался, потянулъ раза два изъ стамбулки, сплюнулъ на бокъ и серьезнымъ тономъ обнадеживъ Гапку расправой съ озорникомъ и взысканіемъ съ него за безчестье, велѣлъ ей на утро явиться снова въ ранній обѣдъ, а лишь только она вышла, отдалъ Яцьку приказъ доставить къ нему на утро и Корнія Заволоку.

Полетѣла грозная вѣсть. Корній всю ночь не спалъ, въ ожиданіи грознаго суда пана сотника, а онъ шутить не любилъ,—это всѣ въ сотнѣ знали.

— Рано утромъ, какъ только солнышко взошло, еще не оправившись совсѣмъ отъ дремоты, послѣ короткой и смутной ночи, сот-

никъ, по обыкновенію, сидѣлъ уже на крыльцѣ и сосалъ свою стамбулку.

Корній Заволока съ поникшею головою ожидалъ въ сотниковской кухнѣ и млѣлъ душою.

— Чи можно доложитися до пана-сотника? робко спросилъ онъ Стеху.

Стеха, чѣмъ-то разсерженная, неохотно проговорила:

— Аже бачишъ, сидить давно вже на ганку.

Подходитъ Корній Заволока и низко кланяясь, съ невольнымъ страхомъ произноситъ:

— Я до вашои чести и милости, добродію.

— Знаю, знаю! Дакъ ты оце выдумавъ въ горохъ скакать!—важно произнесъ судья, возвысивъ надлежаще голосъ.—Дакъ ты смівъ оце дівчину безчестить! Отъ я тобі, бестіянській сыну... въ колоду велю тебе забить, да ще панотцеви скажу, що-бъ у дзвиниці въ куну тебе закувавъ, що бъ всі на тебе дивились, та памятали, що то значить дівчину збезчестить.

Корній голову повѣсилъ; сотникъ продолжалъ:

— Ахъ ты бестіянская невіжа! я-жъ тебе...

— Та вона, паночку такая... осмѣлился проговорить Корній.

— А хочъ-бы и такая, перебилъ его сотникъ.—Та ты знаешъ, якъ на улиці калюжа (лужа), то хиба добрый человікъ полізе въ калюжу? Аже-жъ добрый человікъ завше обійде собі стороною! А ты що здумавъ, собачій сынъ?! Щобъ ты мени завтра въ ранній обідъ, какъ есть, принісъ безчестья двадцять золотыхъ! И не думай собі! Ступай.

Пошелъ Заволока съ поникшею головою. Гдѣ то ихъ взять тѣхъ золотыхъ? думалъ онъ про себя, бредя вдоль плетня и оглядываясь на собакъ. И невольно пришли ему на мысль слова пѣсни:

А у мого двора
А ни току, ни кола,
Тільки кущъ калины
Да и тая суха!..

Сотникъ межъ тѣмъ отдавалъ своему Яцьку приказъ на утро, также въ ранній обѣдъ, доставить къ нему потерпѣвшую Ганку.

Самодовольная улыбка промелькнула при этомъ у него на лицѣ, правая бровь невольно къ верху поднялась, что у сотника всегда выражало мыслительную работу; онъ съ какою-то увѣренностію, но слегка стукнулъ рукой по столу; видимо его осѣнила какая-то счастливая мысль, относившаяся къ разбираемому теперь дѣлу и онъ мечталъ удивить своихъ подвластныхъ еще разъ справедливымъ и мудрымъ рѣшеніемъ. Но, покончивъ съ этимъ, онъ снова обхватилъ губами коротенькій чубучекъ и началъ нескончаемый процессъ сосанія своего виргинскаго и перебиранья въ памяти разнообразныхъ причудливыхъ приключеній въ своей долгой и бурной жизни. По временамъ мелькалъ предъ нимъ образъ Гаркуши, подъ часъ слышалось, будто кто-то въ огородѣ, или гдѣ-то въ полѣ начинаетъ такъ близко задѣвавшую его, свѣже сложенную пѣсню...

На другой день, будто сговорившись, въ одно время, хотя съ разныхъ сторонъ, тянулись къ пану-сотнику Корній Заволока и Гапка Левадівна. Сотникъ, по обыкновенію, сидѣлъ на крыльцѣ, когда обѣ противныя стороны предстали къ нему на судъ. Взглянувъ на нихъ, онъ добродушно моргнулъ бровью и велѣлъ Гапкѣ подождать, а Корнія позвалъ въ горницу.

— Ну, а що гропи?—обратился онъ къ нему, когда тотъ переступилъ порогъ.

— Е, добродію!

— Ахъ, ты пеській сынъ!—не натурально какъ-то заворчалъ сотникъ, принимая деньги отъ Корнія. Розласувався на дівчатъ? Та ты такъ и всю сотню мени перепортишъ! и вся моя сотня сорому не оберется, и мени сотнику прийдется за тебе ледацого у сірка очей позычать!

— Змилуйтесь, добродію, даруйте мени сей разъ!—завопилъ Заволока. Не буду до віку, и десятому закажу!...

Ну, то-то десятому! Смотри мени... другій разъ не попадайся. Ступай, да подожди тамъ на пекарнѣ!

Вышелъ Заволока, едва ноги волоча. Раздался снова зычный голосъ пана сотника, требовавшій къ ставкѣ Гапку.

Входитъ Гапка, низко кланяясь, въ предчувствіи выигрыша. Сотникъ моргнулъ бровью, какъ-бы въ предзнаменованіе шутки; но воздержался и съ достоинствомъ произнесъ:

— На, отъ тобі двадцять золотыхъ за твою обиду. Теперь не посміе тебе тронуть; но смотри, береги и сама свою честь. Иди съ Богомъ!...

Гапка, внѣ себя отъ радости, живо прячетъ деньги за *пазуху*, кланяется сотнику въ поясъ, благодаритъ его въ самыхъ отборныхъ фразахъ: „спасибі вамъ, добродію! легко вамъ дыхать! Пошли вамъ, Господи, вікъ довгій, що вы за мене сироту заступились“!

— Ну, ну, иди съ Богомъ! торопилъ ее сотникъ и опять велѣлъ позвать къ себѣ Заволоку.

Входитъ Заволока съ поникшею головою, ожидая новой грозы; между тѣмъ Левадівна уже успѣла выйти за ворота сотницкаго двора.

— Ступай, безтыдникy, скорѣе, крикнулъ Заволокѣ сотникъ, да отними у ней свои деньги; только смотри сейчасъ! Не отнимешъ, барбарами на пекарни будешъ битый. Живо!

Заволока стремглавъ бросился за Гапкою, и какъ только догналъ, сейчасъ прямо къ ней за пазуху.

— А, такъ ты знову до пазухи? крикнула Гапка и такъ толкнула парубка, что тотъ, какъ говорится, и другой стѣны досталъ.

— Постой-же! продолжала она; такъ ты такъ пошанувався, піду-жъ я пану сотнику роскажу, и мигомъ пустилась къ сотницкому крыльцу.

Сотникъ, видѣвшій все, что происходило, отъ удовольствія постукивалъ только своею стамбулкою о столбикъ и когда подлетѣла къ нему Гапка, выразительнѣе прежняго моргнулъ бровью, собираясь выслушать.

— Такъ отъ, добродію, начала она, якъ вінъ шануется! Що ему ваша, выбачайте, кара? Тільки я за двіръ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи грошей не выдеръ.

— И ножъ отнявъ?

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тогді... чомъ-же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ теечки, якъ ёго?!

Левадівна и глаза потупила.

— Ну, небого, давай-же назадъ гроши! Да впередъ не скачи, а то звелю пелену тобі підрізать, и голову дёгтемъ вымазать, та ще и пірья натыкать. Така тобі буде честь!...

Межъ тѣмъ подошелъ и Заволока и сталъ предъ сотникомъ, не зная, съ чего начать и что сказать.

А що однявъ?—спрашиваетъ сотникъ.

— Э, де вамъ, добродію! такъ мене пырхнула, що я й тпну доставъ.

— Такій-же съ тебе козакъ! Тільки соромъ робишъ козакамъ. На тобі твои гроши, тай никому не признавайся, якъ козакувавъ, та памятай, якъ-то люди калюжу обходять...

— Спасибі, добродію, за науку!—сердечно произнесъ Заволока и, отвѣсивъ низкій поклонъ, тихо побрелъ со двора, а сконфуженная Гапка, не поклонившись и не сказавъ ни слова, раньше пролетѣла за ворота и изо всѣхъ силъ улепетывала домой.

Солнце высоко стояло на горизонтѣ, освѣщая и пригрѣвая трудящійся людъ. Въ мѣстечкѣ было пусто, на улицахъ ни одной души; точно все вымерло, или непріятель все населеніе угналъ въ полонъ. Всѣ способные къ работѣ, взрослые и подростки, давно работали на поляхъ и сѣножатяхъ; лишь кое-гдѣ, въ глубинѣ огородной зелени чуть виднѣлась голова козачки, невидимая рука которой вырывала сорную траву, или слышалось, какъ дівчина въ огородѣ тихо *Гуцця* пѣла; на завалинахъ по мѣстамъ грѣлись на солнцѣ старые дѣды, вспоминая свою козачую славу, а подлѣ нихъ игралась босоногая надежда страны... Одинъ въ мѣстечкѣ человѣкъ, казалось, не былъ за работой; то былъ мѣстный дьячекъ. Онъ возвращался теперь съ утренняго *полегля*, не твердыми шагами бредя по улицѣ домой. Повстрѣчавшись съ Корніемъ, онъ съ обстоятельностію досужаго человѣка распросилъ его обо всемъ и когда узналъ о новомъ мудромъ рѣшеніи сотника, съ пафосомъ воскликнулъ:

— Э! се нашъ, бачишь, украинській Соломонъ, якъ-то бувъ колись-то царь жидівській Соломонъ. Розумна голова! Де вже тому Бардакови та зъ нашимъ Тараномъ було рівняться?

И съ легкой руки дьячка утвердилось за сотникомъ смѣлянскимъ Тараномъ названіе украинскаго Соломона, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи, какъ сохранилось имя его въ народной пѣснѣ, а въ дѣлахъ архивныхъ неясная молва о соучастіи его въ дикихъ подвигахъ Гаркуши.

Ст. фонъ-Носъ.

Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ.

(1665—1703 г.).

(Отрывки изъ семейнаго архива).

Петръ Михайловичъ Забѣла—администраторъ борзенскій. Пожалованіе маетностей. Дѣти отъ перваго брака. Вторая женитьба его на вдовѣ Семена Герцика. Дѣти отъ втораго брака. Завѣщанія П. М. Забѣлы, 1681 и 1686 г. Женитьба сына Ивана на дочери Борковскаго. Вліяніе Мазепы на семейную жизнь старшины.

1.

Генеральный обозный Петръ Михайловичъ Забѣла, родоначальникъ этой фамиліи, во время войны Хмельницкаго за освобожденіе, былъ польскимъ „администраторомъ“ борзенскаго повѣта. Перейдя на сторону козаковъ, онъ назначенъ былъ сотникомъ въ Борзнуже, и кромѣ того, за эту заслугу Забѣлы, царь далъ ему пять селъ около Кролевца: „пожаловали есмя нашего царскаго величества войска запорожскаго борзенскаго сотника Петра Забѣлу и потомковъ его, что въ нынѣшнемъ, въ 169 году, билъ челомъ намъ онъ, Петръ,—въ прошломъ де въ 164 г. (1656) дано ему Петру наше жалованье, за сво къ намъ многую службу, въ маетность, въ борзенскомъ повѣтѣ, пана Вышлева, с. Обтовъ, да с. Ревутинцы, да с. Лучники и Погорѣловка, да с. Клишки, да на рецѣ Ретѣ мелницю и рудня; и на тѣ де села и на мелницы дана была ему жалованная грамота—и та де грамота въ Борзнѣ, въ него, Петра, згорѣла и намъ бы, великому государю, его, Петра Забѣлу, пожаловати и велѣть ему дати на тѣ сво маетности нную жалованную грамоту“.

Въ войсковой службѣ Петръ Забѣла постепенно занималъ уряды—борзенскаго сотника, генеральнаго судьи и наконецъ выс-

шій урядъ въ войскѣ генеральнаго обознаго; послѣдній урядъ онъ сложилъ себя въ 1687 г., будучи стосемилѣтнимъ старцемъ [1]). Повидимому Петръ Михайловичъ имѣлъ притязаніе и на булаву; по-крайней мѣрѣ, интригу противъ неповиннаго Перевязки-Многогрѣшнаго (1672 г.) велъ главнымъ образомъ Забѣла, продолжая его преслѣдовать и по лишеніи гетманства [2]). Естественнымъ преемникомъ Многогрѣшнаго, Забѣла, какъ старшій урядникъ войска, считалъ себя; но хитрый Поповичъ [3]) булаву перехватилъ.

Петръ Михайловичъ женатъ былъ два раза; первая жена его умерла еще при Брюховецкомъ, оставивъ ему четырехъ сыновей: Ивана, Тараса, Степана, и Василія, которые въ это время занимали уже видные уряды: Тарасъ—сотника борзенскаго, Степанъ—полковника нѣжинскаго, а Василій—генеральнаго хорунжаго; старшій, Иванъ, убитъ былъ въ извѣстномъ чигиринскомъ походѣ. Оставшись восьмидесятилѣтнимъ вдовцемъ, Петръ Михайловичъ, какъ видно, скучалъ своимъ вдовствомъ и задумалъ жениться; для этого онъ выбралъ было себѣ вдову одного изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, Ивана Искры, мать извѣстнаго полтавскаго полковника, казненнаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ; поѣхавъ свататься въ Полтаву, Забѣла сталъ здѣсь квартирою у вдовы выкрещеннаго еврея Герцика, Агафьи; и когда Искриха, разсказываетъ современникъ, „замужъ пойти не захотѣла, постановивши себѣ до смерти вдовою быти, тогда Забѣла взялъ за себя Герцичку“. Видно, Забѣла разъ рѣшившись жениться, не хотѣлъ возвращаться домой безъ жены: новая его жена уже по одному замужеству своему съ Герцикомъ никакъ не подходила въ жены генеральному обозному; да и бѣдна она была такъ, что сынъ ея отъ Герцика, Павелъ, въ это время торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками [4]).

---

[1]) По показанію родословія Забѣлъ, Петръ Михайловичъ родился въ 1580 г.

[2]) Письма Забѣлы по этому дѣлу къ царю хранятся въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ, 1672 г., №№ 230—33, 239, 242, 250—51.

[3]) Самойловичъ въ народѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Поповича (сынъ красноколядинскаго священника Самойла) и Самойловичемъ его звали только въ официальныхъ бумагахъ; такъ точно и Многогрѣшный извѣстенъ былъ въ народѣ подъ прозвищемъ Перевязки, а иногда просто Демка.

[4]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859, I, 146.

Но случайная жена удалась старому вдовцу, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ завѣщаніяхъ; она родила ему дочь Ѳедору и сына Ивана (род. около 1665 г.), которые, какъ зачастую это бываетъ, стали отцу самыми дорогими дѣтьми.

Въ 1679 г. столѣтній Забѣла въ первый разъ надумался написать завѣщаніе да и то будучи гдѣ то на походѣ; впрочемъ по этому первому завѣщанію Петръ Михайловичъ одѣлилъ только старшаго своего сына, Тараса, назначивъ ему с. Лучники и „млинъ“ на р. Есманѣ. Впослѣдствіи онъ написалъ другое, тоже не полное, завѣщаніе; и только въ 1681 г. распредѣлилъ межъ дѣтьми окончательно свое имущество. Завѣщаніе это приводимъ подлинникомъ.

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Кгды найвышшій Судія живыхъ и мертвыхъ Сынъ Божій, оразъ и человѣчій (sic), рачитъ насъ упоминати о невѣдомость годины смерти нашой, абысмо на кождый часъ чуйними были, молячися ему уставичне и жебысмо могли зъ лѣпшимъ сумненемъ стати предъ судомъ Божіимъ: за таковымъ теды напоминанемъ, я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозній войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералній, ажъ колвекъ будучи подейшлимъ въ старости лѣтъ моихъ и хоробою отъ Господа Бога обнятій на тѣлѣ, еднакъ на умыслѣ моемъ зостаючи здоровимъ, и о вшемъ зъ добримъ розмышлянемъ всѣхъ приятелей моихъ, о маетности моей рухомой и нерухомой, котрую мнѣ Господь Богъ, з ласки своей, презъ вѣрную великому государю услугу и всему войску запорозкому, узичити и даровати рачилъ, хотячи постановенемъ учинити, памятуючи на тое, абы мене въ сей хоробѣ, въ которой теперь зостаю, албо у войску, кгды мя Господь воздвигнетъ, на службѣ великого государя, на которую я завше при боку ясневелможного его милости пана Іоана Самойловича, гетмана войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого, виправуюся и на смерть иду, тая-жъ неужитая, якъ зсохшое смоковницы, не носѣкла; теды сихъ двойга дѣтей моихъ зъ маткою ихъ на отправе зоставуючи, тотъ мой тестаментъ въ той списую способъ. Напродъ, учтивой малжонце моей Агафіи, для ея противко мене милости и услугованія, не роздѣлне зъ синомъ моимъ Ивахномъ и доркою Ѳедорою, щосмо набыли працею нашею, то есть готовіе гроши, срѣбро, цѣнь, мѣдь, охендожство

бѣлоголовское (*женскія одежды — ochędostwo*), што есть шати (одежда—szata) и вшелякое ношене, то все при малжонце моей, подлугъ тестаменту отъ мене ей даного, мѣеть зоставати. Кгдыжъ-бо вѣмъ по знесеню Бруховецкого, иѣ з чимъ зоставшися, вийшовши зъ Борзни, тое все працею нашею зъ малжонкою моею набылисмо. До того село Обтовъ зъ дворцемъ такимъ, зъ якимъ самъ одъ его царского пресвѣтлого величества и всего войска запорозкого (о)держалемъ, провентами, людми и зо всѣми повинностями подданичими, кгрунтами, полями, засѣвами, сѣножатми и лѣсами, до него належитими. Другое село Клишки зъ провѣянами, людми и зо всѣми повинностями подданичими и зъ двома млинами, стоячими на рицѣ Осотѣ, въ которихъ каменей мучнихъ чтири, а двѣ ступнихъ, до того и Харченкова млина половина, на кгрунтѣ моемъ, на то есть и писмо; млинъ въ Обтове, на рецѣ Ретѣ, зъ двома колами, у Ивана меншаго Тишченка за мои власніе гроши купленній; другій млинъ на той-же рецѣ, зъ двома колами мучними, а третимъ ступнимъ и фалюшами, у старшого Тишченка Ивана и Бѣлоуса, тожъ за гроши мои купленій; на той-же рецѣ млинъ Пархомовъ и Михайловъ нижей, зъ двома колами и фалюшами, такъже въ селѣ Обтове, млинъ Ивана Безверхаго, на рецѣ Мазирцѣ; млинъ на рецѣ Есмани своимъ коштомъ на греблѣ занятой и збудованій, зъ двома колами и фалюшами; такъ-же и село Погорѣловку, въ которомъ дворовъ двадцять, зъ кгрунтами и озерами. До того дворъ въ Батуринѣ [1]), тожъ дворовъ два въ Коропѣ, единъ въ мѣстѣ, а другій на предмѣстю Боровомъ; такъже и броваръ (*тивовария*) належитій отказую. При томъ коней, быдла, овецъ, свиней, все отъ мала до велика, Агафіи жонѣ моей и Ивасеви, сынови моему, зъ Ѳедорою, милимъ дѣткамъ моимъ, нероздѣлне отказую и отписую. А любо зъ першою жоною моею сложенніи едни дѣти на отправѣ (*выдѣлены*) суть, меновите Тарасъ, Стефанъ, Василь, и що имъ належало, то есть домн,

---

[1]) Въ купчей 1671 г., сохранившейся въ архивѣ, значится: «Солоха Евхимиха Гречаничка, зъ сынами своими Романомъ и Василемъ, дворъ свой жидовскій, стоячій въ рынку батуринскомъ, на рогу улицы пробитой, межею одъ двора Лищинскаго, которій теперь остался Ярмолѣ, продали урожоному его милости пану Петровѣ Михайловичу Забѣлѣ, обозному спсралному, за сумму певную копъ пятдесятъ».

кгрунта, поля, сѣножати, лѣси, займища, конѣ, быдла, всякіе шати, гроши готовіі, сребро, цѣнь, мѣдь, поотдавалемъ; еднакъ якося нижей положитъ, еще маетности причиняю и тиемъ сынамъ моимъ; напродъ Тарасови—готовихъ грошей золотихъ пятсотъ и млинъ на рецѣ Есмани, где бувала рудня; Стефанови—Лучники, готовихъ грошей золотихъ тысячу; Василеви—село Ревутинцѣ, зъ провентомъ, людми и зо всѣми повинностями подданничими, и зъ двома млинами на рецѣ Ретѣ, въ которихъ колѣсъ три, а четвертое ступное; а то если въ тимъ будетъ ласка его царского пресвѣтлого величества и яснежелможного его милости пана гетмана. Прето варую пилно того, абы тіе добра всѣ Агафіа, малжонка моя, нероздѣлне зъ дѣтками моими, Ивахномъ и Ѳедорою, спокойне уживала и ними диспоновала до смерти своей; а при конци живота своего волно будетъ всѣ тіе добра, яко свои власніе, роспоряжаючи дѣтей своихъ, котрому хотячи, нехто иншій, тылко она сама, яко матка ближшая до дѣтей своихъ, отъ себе лекговати, отдати и записати. А если-бы мѣла випродь матки дѣтей постигнути смерть (чого не зичу), теды такъже нехай будетъ волно Агафіи, малжонце моей всѣ тіе добра, вижей меновапніе и въ тимъ тестаментѣ вираженніе, яко сполне зъ дѣтками нашими до уживаня вижей подалемъ, такъ и по смерти сихъ-же дѣтей нашихъ двойга спокойне уживати ажъ до смерти своей, кромѣ вшелякой перешкоды и ретрузіи отъ сыновъ моихъ, зъ першою женою моею сполженихъ, бо южъ сынове мои старшіи мимо поданіе добра свои, до тихъ добръ видѣленихъ реченой малжонце моей Агафіи и дѣтемъ ея, тикатися и вспоминати и жаднимъ правомъ доходити не могутъ и мочи не будутъ вѣчними часи; еднакъ-же имъ всѣмъ варуючи мѣти, и того хочу, абы тую остатную волю мою отцевскую ажъ по смерти моей полнячи, въ тотъ часъ всѣми тыми добрами кождий собѣ належитимъ завладѣлъ и ку своему пожиткови отобралъ. А теперъ еще собѣ заховую моцъ и панство, поки буду живъ, коли колвекъ буду хотѣвъ, тотъ мой тестаментъ унятн и привчинити такъ на милосердніе учинки, то есть церквамъ Божимъ, шпиталемъ, яко и предреченнимъ дѣтемъ, ведлугъ моего уподобаня. А кгды не поспѣю презъ декретъ Божій, тогды повинна будетъ жона моя и дѣти, все што належитъ до милосердныхъ учинковъ, на церкви и дорожоніе поминки и сорокоуста до трохъ церквей дати и отдавши,

отправити. Которій то тестаментъ мой нынѣшній, свѣдителми моими, съ подписомъ ихъ власныхъ рукъ и при звиклой моей печати, отъ мене упрошоними, для лѣпшой ваги потвержаю. А хто-бы важился его, такъ зъ дѣтей моихъ первое жони, яко зъ далекихъ и близкихъ покревныхъ моихъ касовати и аянѣтиліовати, таковаго кождого позивати буду на страшній и нелицемѣрній судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судіею, будуся судити зъ таковимже посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотже мой тестаментъ въ потомніе часы, у кождого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкого, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшое части, за моцній былъ заховань, подъ мандатомъ самого-жъ справедливого Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитись и стати. Дѣялося въ Коропове, року 1681, іануарія, 21 дня" [1]).

Назначая по этому завѣщанію бо́льшую часть имѣній женѣ и меньшимъ дѣтямъ, — въ дѣйствительности одному сыну Ивану, — обозный выказывалъ явное предпочтеніе къ послѣднимъ; но юридически онъ былъ правъ, такъ какъ по литовскому статуту онъ могъ „именья чрезъ него самого набытые записать, кому хотечи, подлугъ доброе воли своее"; поэтому старшимъ сыновьямъ оставалось подписаться на завѣщаніи, какъ хотѣлъ отецъ, что всѣ они „зостаютъ на волѣ отцевской". Предпочтеніе къ меньшимъ дѣтямъ еще болѣе выразилось по смерти ихъ матери, когда завѣщаніе 1681 г. нужно было измѣнить. Новый тестаментъ былъ написанъ въ 1686 г., и вотъ что говоритъ въ немъ старый обозный:

„Поневажъ каждая речъ, которая не бываетъ писмомъ обварована и ограничона, зъ памяти людской завше сплываетъ и въ запамятане приходитъ. Якожъ и самъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ, правдивый Сынъ Божій, рачитъ насъ всѣхъ упоминати, абысмо на кождый

---

[1]) Завѣщаніе свидѣтелями однакожъ не подписано; подписались на немъ только старшіе сыновья: «Тарась Петровичъ Забѣла руку свою подписую и печать приложилъ, на волѣ отцевской зостаючи, абы напотимъ турбацій...» — «Стефанъ Забѣла до сего тестаменту руку свою и печать приложилъ и турбацій одъ мене жаднои не буде, тимъ квитую по смерти...» — «Василій Петровичъ Забѣла руку свою подписалъ, на волѣ отцевской зостаючи».

часъ чули и памятали на смерть, молячися ему завше, абысмо могли, якъ зъ найлѣпшимъ сумненемъ стати предъ судомъ его бозкимъ; за которимъ теды напомненемъ я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный, видячи себе въ глубости лѣтъ моихъ, презъ которія цале будучи въ силѣ южъ ослабѣлымъ и ближшимъ до смерти, анѣжели живота; которой смерти, що часъ и година, сподѣваючися и боячися того, бы мя неготоваго тая неужитая смерть, яко неплодной смоковницы не посѣкла, теды по смерти малжонки моей Агафіи, сихъ двойга дѣтей моихъ, Іоана сина и Ѳедору цорку, умислилемъ симъ южъ остатнимъ моимъ тестаментомъ росправити, абы по смерти моей межи онымы жадныхъ не было ростирковъ и посваровъ, которій сей мой тестаментъ остатній въ таковий списую способъ. Напродъ Ѳедори, цорце моей, зъ мужемъ ей Василіемъ, а зятемъ моимъ, которая любо еще за живота матки своей въ станъ малженскій есть выдана и выпосажена, такъ охендоствомъ бѣлоголовскимъ, то есть шатами, срѣбромъ, цѣню, мѣдю и готовыми грошми, еднакъ и еще той-же причиняю зъ милости своей отцевской, которой лекгую дворъ въ Батуринѣ зъ пляцомъ и будинкомъ, млинъ горѣшній на рецѣ Рети, за власны мои гроши купленый, которій южъ отдалемъ имъ въ держаня; другій млинъ ажъ по смерти моей онымъ-же обецую, коней чтиридесятъ, зъ которихъ южъ десять и отобрали, овецъ сто, свиней сто и иншіе зась всѣ добра мои, такъ двори въ мѣстѣ Коропѣ, зъ броваромъ, казаномъ и посудками принадлежитыми, яко и въ селахъ двори зъ винницями и всѣми кгрунтами, огородами, лѣсами, полями пахарными и пасѣками, озерами, которіи я всѣ покупилемъ за власные гроши мои, яко тежъ и рухомые добра, гроши, срѣбро, цѣни, мѣдь, шаты, кони, товаръ, овцы и млины всѣ, кромѣ зятевыхъ, що лекговалемъ ему, а то всѣ за власные мои гроши куплены, и што колвекъ есть, все Иванови, сынови моему, симъ тестаментомъ моимъ остатнимъ лекгую, абы онъ спокойне въ своемъ держаню мѣлъ и жадной трудности и пренагабованя такъ отъ першой жоны моей дѣтей не поносилъ, яко отъ цорки Ѳедоры и всѣхъ кревныхъ моихъ; которій то тестаментъ мой нынѣшній свѣдителми моими, съ подписомъ ихъ власныхъ рукъ и при звыклой моей печати, отъ мене упрошоными, для лѣпшой ваги потвержаю; а хто-бы важился его, такъ

зъ дѣтей моихъ першой жоны, яко зъ далекихъ и близкихъ покревныхъ моихъ касовати и анѣгиліовати, такового каждого позывати буду на страшный и нелицемѣрный судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судіею, будуся судити зъ таковымъ посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотъ-же мой тестаментъ въ потомные часы, въ кождого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкого, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшой части, за моцный былъ заховань, подъ мандатомъ самого справедливого Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитися и стати. Дѣялося въ Коропѣ, року 1686, генвара въ день 19 [1]).

Послѣднимъ завѣщаніемъ Петръ Михайловичъ окончательно устроилъ будущность любимѣйшаго своего сына. Въ завѣщаніи говорится между прочимъ, что въ это время дочь Оедора выдана уже была замужъ за Василія; Василій этотъ былъ сынъ нѣжинскаго полковника Якова Жураховскаго; въ это время онъ былъ сотникомъ Ямпольской сотни, а въ послѣдствіи занималъ уряду генеральнаго есаульства и владѣлъ богатыми маетностями въ глуховскомъ уѣздѣ [2]). Старому обозному оставалось еще женить своего Ивася, который, какъ увидимъ, давно уже „розмышлялся своею склонностью до дому“ Василія Борковскаго, преемника своего отца по уряду. Высватать дочь Борковскаго Анну поручено было брату жениха Степану Петровичу, которому новый обозный на это сватовство отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Мосцѣ пане полковнику нѣжинскій, мнѣ велце мосцѣ пане и приятелю. Любо не помалу отраженый былемъ тими доношеними мнѣ за певне повѣстми, ижъ якобы панъ Іванъ, рожоний вашмости пана, розмишлялся з своею до дому моего склонностю; лечъ коды поновляешъ

[1]) Подписанъ: «Петро Михайловичъ Забѣла обозный войсковый сиераный. Тихонъ Довкгела, сотникъ короповскій. Ѳедоръ Ворожбитъ, атаманъ городовый. Іванъ Кичкирувскій. Василь Мануйловичъ, войтъ. Леонтій и Оникій, бурмистри короповскіи». Всѣ эти подписи сдѣланы однимъ и тѣмъ-же лицомъ, что между прочимъ рождаетъ вопросъ: умѣлъ-ли Забѣла писать? ни на одномъ актѣ мы не видѣли собственноручной его подписи, которая замѣняется приложеніемъ его печати, какъ и на этомъ тестаментѣ.

[2]) Обозрѣніе Гумянц. Описи, 287 и 346.

вм. панъ самого его милости пана родича своего неотмѣнную волю и умыслъ, з якимъ мнѣ покилка кротъ освѣдчался, еднаючи пану сынови своему доживотную в дому моемъ пріязнь, а цѣлую и нерозмислную потвержати рачишъ пана рожоного певную до того склонность. Зычачи из мѣсца своего, по волѣ и диспозиціи всеправуючого Бога, злученя нерозерваного пріязнѣ домовъ нашихъ, теды яко первѣй не отмовлялемъ, поважаючи старожитность и годность значную заслугами в отчизнѣ дому вашого; такъ и теперь повторяю неотмовность мою и, по звиклости в таковомъ дѣлѣ до повзятя початковог пріязного контракту, радъ оглядати въ дому моемъ безоткладную бытность, хочъ-бы къ сей близко наступуючой неделѣ присланыхъ людей, а найбарзѣй того прагну и по любовной вмти пана склонности, витягаю, жебысь самъ, а при собѣ якихъ розумѣючи людей заживши и ясневелможного его мил. пана гетмана, добродѣя общого, о тое доложившися, прибыти рачилъ в домъ мой, якобы тимъ и кгрунтовнѣй и достатечнѣй вшелякое до предсявзятой пріязни и о терминѣ справованя веселного акту учинилисми зъ собою постановленье. Тимъ кончачи и неотмовную пріязнь мою деклярующи, зостаю вмти пану зычливий всего добра приятель и радъ служити. Василий Борковскій, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный. О незабвенний отвѣтъ на сей мой листъ прошу вашей милости мосцѣ пана. Зъ Чернѣгова. 23 октоврія 1687 г.“

Въ этомъ письмѣ особенно замѣчательно напоминаніе Борковскаго о необходимости получить согласіе на предполагаемый бракъ отъ его милости пана гетмана; фраза эта показываетъ, какъ скоро Мазепа съумѣлъ поставить старшину въ полную свою зависимость; гетманомъ онъ выбранъ въ іюлѣ этого года (1687), а въ октябрѣ Борковскій, которому Мазепа не мало обязанъ былъ за булаву, считаетъ необходимымъ „доложиться“ ему о дѣлѣ совершенно частномъ, семейномъ. И это не былъ какой-нибудь исключительный случай: Кочубей разсказываетъ, что посватавъ свою дочь за Чуйкевича, онъ ходилъ съ отцомъ жениха къ Мазепѣ „и просили есмо себѣ у его милости на тое позволенья [1])“.

[1]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859 г. I, 100.

И Забѣла и Борковскій — оба были настолько заслуженные урядники въ „войскѣ“, что не могли встрѣтить у гетмана препятствія, и молодой Иванъ Петровичъ повѣнчанъ былъ съ Анною Васильевною, въ Черниговѣ, гдѣ жили Борковскіе. Женитьба эта была очень выгодная, какъ по положенію тестя въ тогдашнемъ обществѣ, такъ и по его богатству. Сохранилось преданіе, что, по низложеніи Самойловича, Голицынъ предлагалъ Борковскому булаву за 10 т. рублей, но обозный по скупости отказался, а Мазепа, купившій эту булаву, взялъ для этого деньги у Борковскаго-же.

2.

Смерть П. М. Забѣлы. Письмо Борковскаго къ зятю по этому случаю. Хозяйство И. П. Забѣлы. Покупка водяныхъ мельницъ П. М. Забѣлою въ Обтовѣ, у своихъ «подданныхъ». Стоимость мельницъ. Отобраніе у И. П. Забѣлы с. Кляшекъ Мазепою; его оправданія и обѣщанія. Письма о возвращеніи Кляшекъ: Ст. П. Забѣлы, Лукьяновича, Вас. Кочубея и самаго И. П. Забѣлы. Взятка Мазепѣ.

Устроивъ „милыхъ“ своихъ дѣтей, старый Забѣла въ 1689 г., умеръ и похороненъ въ сосѣднемъ къ Обтову рыхловскомъ монастырѣ. Тесть Ивана Петровича въ это время былъ въ крымскомъ походѣ съ Голицынымъ, гдѣ узнавъ о смерти свата, писалъ своему зятю:

„Поневажъ Господь Богъ изволилъ принять милого родича вашого душу до вѣчной хвалы своей, а тѣло его землѣ предати, теды зъ тыхъ вы мѣръ фрасунку (скорби) до головы своей не припускаючи и бынаймнѣй не журачися, чинѣте за душу его ялмужну, сорокоустами Господа Бога за его молѣте. А мы васъ отцевскою упевняемъ ласкою нашою, же яко теперъ, такъ и впередъ отцемъ вамъ обецуемъ бути; тылко вы пристойне справуючися, нѣкуда на мѣстца непотребные не ходѣте, але въ дому день и ночь найдуючися, пилнуйте господарства, якобы оному (ховай Боже за якимъ недозоромъ вашимъ) не сталъ ущербокъ якый. А такъ и повторе васъ о пилность господарства отцевско упоминаючи, Господу Богу въ сохраненіе всѣхъ васъ домашныхъ поручаемъ. Зъ табору надъ Татаркою, априля 22, року 1689. Василий Борковскій, обозный войска енералный.

Совѣты тестя были, кажется, излишни. Иванъ Петровичъ, противъ обычая, не занималъ въ войскѣ никакихъ урядовъ, считался только „знатнымъ войсковымъ товарищемъ“; по смерти отца, онъ окончательно обсѣлся въ Обтовѣ и кромѣ хозяйства, другой дѣятельности у него и не было. А хозяйство у молодаго Забѣлы было достаточное: мы видѣли уже, что отецъ ему оставилъ три села, Обтовъ, Клишки и Погорѣловку; это были сами по себѣ богатыя маетности, какъ находившіяся вблизи торговаго мѣстечка Корона, которыя старый Забѣла устроилъ еще покупкою нѣсколькихъ водяныхъ мельницъ. Въ малороссійскомъ хозяйствѣ XVII—XVIII в., по дешевизнѣ хлѣба, на первомъ мѣстѣ стояло винокуреніе, бывшее главнымъ источникомъ доходовъ [1]). Но для винокуренія одного хлѣба было еще мало; нужны были мельницы водяныя для безостановочнаго добыванія муки. Поэтому въ старой Малороссіи водяныя мельницы были особенно цѣнною принадлежностью маетностей. И вотъ старый Забѣла, переселившись изъ Борзны въ Обтовъ, прежде всего позаботился о заведеніи въ немъ достаточнаго количества мельницъ; для этого онъ сталъ скупать водяные „млины“ по р. Ретѣ, при которой расположенъ былъ Обтовъ. Назовемъ эти пріобрѣтенія, по сохранившимся купчимъ, чтобы показать, отъ кого и какъ пріобрѣтались малороссійскими „державцами“ этого рода собственность.

1. 1674 г. Иванъ Тишченко, житель обтовскій державы пана Петра Михайловича Забѣлы, продалъ на вѣчность, непорушно, млинъ, стоячій по близу села Обтова, на р. Ретѣ, камень одинъ, ничого въ немъ собѣ самому, малжонцѣ, дѣтямъ и братомъ рожонымъ, отцу Леонтію, священнику обтовскому и Ивану, меншому брату, не заставуючи, а продалъ славетному его милости пану Петру Михайлавичу Забѣлѣ, обозному енералному за певную сумму личбы полской, золотыхъ чтириста безъ двадцяти (золотой—20 к.).

2. 1674 г. Семенъ Бѣлоусъ, житель кролевецкій, „продалъ млинъ свой власный, стоячій на р. Ретѣ, поблизу с. Обтова, славетному его милости пану Петру Михайловичу Забѣлѣ, обозному енералному, державцы того

[1]) О развитіи винокуренія въ Малороссіи XVII в. Акты зап. Россіи, V, 190, 218 и 246.

села, за сумму личбы полское, золотыхъ чотириста безъ двадцяти, въ вѣчистую поссесію и державу".

3. 1675 г. Иванъ Тишченко меншій, сожитель обтовскій, продалъ млинъ половинній съ Яскомъ, того-жъ млина мельникомъ, и дворъ съ полемъ и сѣножатми, за сумму певную готовыхъ грошей, за пултретяста золотыхъ (250), его милости пану П. М. Забѣлѣ, во всемъ половину, т. е. камень единъ съ Яскомъ мелникомъ подаю, хотя-жъ и не мяпуючи въ томъ млинѣ каменя, чи передній, чили задній; тилько жъ тое варую, же въ томъ млинѣ, ведлугъ давного фундушу еще небожчика Тишка, отцеви моему поданого съ тимъ Яскомъ мелникомъ, маетъ его милость завше ровную часть держати.

4. 1677 г. Яско Станиславенко, обыватель обтовскій, продалъ половину млина своего на р. Ретѣ его милости пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ двѣсте и двадцять.

5. 1681 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ свой, стоячій въ Обтовѣ, на р. Мозырцѣ, съ ступами и фалюшами (суконвальнями) и до него со всѣми грунтами, нивами и цѣлинами, сѣножатми и займищами, продалъ пану П. М. Забѣлѣ, пану своему, за певную сумму за золотыхъ шестсотъ.

6. 1684 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ ниже Обтова, на р. Ретѣ, въ Кулешовцѣ (должно быть Кунашовцѣ) маючи по половинѣ съ Пархомихою, свою часть продалъ его милости пану П. М. Забѣлѣ, обозному енералному, за готовую сумму литовской монеты золотыхъ чтириста.

7. 1681 г. Марья Кунахова Пархомиха, съ сыномъ своимъ, продала еденъ камень мучный съ двома ступами просяными, съ еднимъ гнѣздомъ суконнимъ, въ млинѣ ниже Обтова на Кунашовцѣ, на р. Ретѣ, а до того млина всѣ належачіе, яко то пляцъ съ всѣми будинками, гумно изъ овиною и городомъ, лѣсомъ и съ сѣножатью и займище березнякъ, окопанное, пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ полпятаста (450)".

Изъ этихъ отрывковъ видно, что водяныя мельницы П. Забѣла скупалъ систематически и въ 14 лѣтъ скупилъ едва-ли не всѣ, существовавшія въ Обтовѣ, заплативъ за пять мельницъ съ семью камнями (иначе „колами", т. е. поставами) и съ принадлежавшими къ

мельницамъ землями 2680 золотыхъ, т. е. 536 рублей. Всѣ покупки сдѣланы были у „жителей“ Обтова, т. е. у посполитыхъ крестьянъ, бывшихъ тѣмъ самимъ „подданными“ Забѣлы [1]); въ концѣ XVII в. отношенія державцевъ къ крестьянству были такъ еще мало опредѣлены временемъ, что Забѣла, не смотря на всю свою силу, по его уряду, смотрѣлъ на нихъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Такія отношенія державцевъ къ крестьянамъ измѣнились затѣмъ очень скоро.

Мы видѣли уже, что старый Забѣла обдѣлилъ старшихъ своихъ сыновей. Второй изъ нихъ Степанъ, нѣжинскій полковникъ, во время смерти отца, былъ въ крымскомъ походѣ, который кончился постыднымъ отступленіемъ отъ Перекопа, готоваго уже сдаться. Неудовольствія, возникшія въ козацкомъ войскѣ изъ-за этого отступленія, Мазепа уладилъ только своею ловкостью: онъ повезъ старшину въ Москву за „милостями“. Здѣсь Степанъ Забѣла сталъ просить у Мазепы отобрать для него у младшаго брата с. Клишки. Мазепѣ Степанъ Забѣла, какъ полковникъ одного изъ важнѣйшихъ полковъ (Батуринъ былъ въ нѣжинскомъ полку), былъ гораздо нужнѣе обтовскаго домосѣда, и Клишки были отданы Степану. Узнавъ объ этомъ тогда-же, Иванъ Забѣла поѣхалъ самъ въ Москву и подалъ здѣсь царямъ челобитную, такъ какъ Клишки пожалованы были Петру Забѣлѣ царскою грамотою и поэтому гетманъ не имѣлъ уже никакого права на распоряженіе „грамотною“ маетностью. Клишки велѣно было возвратить Ивану Петровичу. Тогда, какъ разсказываетъ сынъ послѣдняго, Мазепа „хитростію своею призвавши отца моего, сказалъ, же нужда мнѣ чинится; не съ умыслу взялъ и отдалъ Степану; што мушу дать еще и больше и лишне, только абы не наприкрался и въ дѣлахъ препятія ніякого не чинилъ; а до того предложилъ, же я тутъ невольникъ, на столицѣ, а на Украйнѣ моя воля буде“. Послѣ этого Иванъ Петровичъ болѣе пятнадцати лѣтъ хлопоталъ о Клишкахъ, не теряя надежды получить ихъ обратно, какъ видно изъ переписки его по этому поводу съ братомъ Степаномъ, Мазепою и его приближенными.

[1]) Въ юридическихъ актахъ малороссійскіе крестьяне никогда почти не указывали на свое сословіе, называясь, за весьма рѣдкими исключеніями, «жителями» такой-то мѣстности; козаки въ тѣхъ-же актахъ—такъ и писались «козаками» такой-то мѣстности. Иногда крестьяне называли себя «подданными», но и то тогда только, когда договорный актъ писался между державцею и его «подданными».

Письмо Степана Забѣлы. Мнѣ велце милий рожоний, мосцѣ пане Иване Забѣла.—Досконалую о томъ завзялемъ вѣдомость, ижъ ваша милость, предсявзявши нсякуюсь братерскую нелюбовь и подобно къ забвеніе подавши мене, надъ собою старшого, такіе своей нелюбвѣ и противности оказуешъ документа, ижъ не толко таковимъ своимъ поступкомъ принужаешъ до розерваня милости братерской, лечъ зневоляешъ мене до того, же мусить бути вашей милости за таковое дерзновеніе отъ мене нагана и наказаніе; поневажъ ваша милость противний будучи лекгаціей блаженной и славной памяти его милости, пана родича нашого, и межи нами утверженое розриваючи постановлене, каженъ и посылаешъ своихъ подданныхъ пущи мои и на моихъ кгрунтахъ будучые займища пустошити и перестерѣгаючихъ и боронячихъ моего доброго забивати; и на упоминаючихся о мою кривду и шкоду похвалки чинишъ и посылаешъ на мой дворъ слугъ моихъ забивати. Не вѣдаю, въ якую надѣю и въ якое намѣреніе зъ такою ваша милость отзываешься такими своими нелюбовними и противними учинками смѣлостю; лучшей-бы вашей милости, заховавши братерскую любовь и ку старшому должное пошановане, не наражатися мнѣ и не прикритися непотребне таковими своими противними поступками. Маешъ ваша милость, зъ ласки родителской (не поминяюся, любо пишу) и нашой, свои доволные добра и грунта, а моихъ не потреба чепати и вганятися за окопи, за греблею рудницкою будучіе, конечне не повинешъ ваша милость. А поневажъ ваша милость дерзнулесь такъ чинити, теды вѣдатиму винайти таковій способъ, яковимъ бымъ могль витиную ко мнѣ нагородити противность, а тимъ, которіе набѣгали на дворъ забивати моихъ дозорцовъ, дастся наука и повстоване. О томъ вашей милости наменивши, мое братерское засилаю поздоровлене. Зъ Оржицы, февраля 5, 1693 року.

Письма Ивана Петровича Забѣлы къ гетману, писанныя по смерти Степана Петровича. а) Ясневелможний мосцѣ пане гетмане, премилостивий пане и добродѣю мой.—Промоторовъ жадныхъ по собѣ не мѣючи, тилко на милость ясневелможности вашой, пана и добродѣя моего, надѣючись, зъ покорною прозбою мою до ногъ панскихъ упадаю, слезне жебручи милостиваго призрѣнія панского и святое справедливости, на которую южъ четвертий годъ ожидаю и доселѣ получити не могу; що прето за нещасливость

себѣ почитати мушу, поневажъ не такъ, яко иншіе въ Малой Россіи отцевъ заслужоныхъ сыни, по ласце ясневелможности вашой, на своѣхъ отцевскихъ добрахъ пребуваютъ и право каждому есть; тилко мнѣ единому презъ такъ долгій часъ справедливости и праву конца нѣтъ. А внуки отца моего, братаничѣ мои (дѣти Степана), не тилко маетностю отцевскою, которая на ласце добродѣйской залежитъ, але и моѣми купленними кгрунтами, яко то дворомъ, нивѣмъ, сѣножатми и лѣсами владѣють и пожитки отъ многихъ лѣтъ збирають; а я, будучи сынъ по отцеви, отъ того естемъ отдаленній. Въ таковомъ теды укривженю моемъ повторе до ногъ панскихъ упадаючи, милосердія и ласки добродѣйской слезно прошу; а въ томъ за доброе велможности вашой здорове и за щасливое на долгій вѣкъ пановане маестатъ Божій благати долженствую.—Ясневелможности вашой, пану и добродѣеви моему премилостивому, нижайшій слуга и подножокъ Іванъ Забѣла.

б) Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, мнѣ великомилостивий и особливий добродѣю.—На двукратную челобитность мою презъ килка часовъ милостивного отвѣту добродѣйского ожидаючи и доселѣ оного не получивши, смѣю еще по третій разъ, зъ моимъ найпокорнѣйшимъ служебничимъ уклономъ, подъ доброчинніе стопы упадши, въ тоей-же справѣ преждной милосердія панского просити, а по Бозѣ единого тилко ясневелможность вашу добродѣя себѣ мѣючи, кривду мою отъ небожчика пана Стефана, рожоного брата моего, мнѣ нанесенную, слезно прекладаю въ той способъ: небожчикъ панъ Стефанъ зоставши по ласце ясневелможности вашой полковникомъ нѣжинскимъ, а звѣрхность надо мною, яко еще въ лѣтехъ тогда незуполнымъ, повзявши, село Клишки небожчикомъ паномъ родичемъ моимъ легованное и духовницею потвержденное мнѣ, не уважаючи на тое, же самъ на тоей-же духовници, еще за живота небожчика пана родича, своею власною рукою, при печати, подписался, что ясневелможности вашой есть свѣдомо, отъ мене подъ свою власть отобралъ. Въ таковой кривдѣ моей до сихъ часовъ отзиватись для того не могломъ, же небожчикъ власть такую мѣлъ, которой мнѣ було противитись трудно. Теперь вѣдаючи, же тое въ высоценоважной вашой рейментарской власти также на воли и ласцѣ добродѣйской зостаетъ, до ногъ премилостиваго пана и добродѣя моего слезно упадаю, просячи благопризрителной милости, въ приверженю

того-жъ с. Клишокъ, где дворъ мой власный, за гроши купленый, такъже лѣсъ, поля и сѣножати куповаліе, на що и теперь записи купчіе мѣю, що небожчикъ, якъ село отъ мене отбиралъ, все подъ власть свою подгорнулъ. Еще и млинъ, зовемый харченковскій, вишше Клишокъ, на р. Осетѣ стоячій, которій пополамъ зъ Харченкомъ небожчикъ панъ родичъ мой трималъ и мнѣ тую половину еще за живота своего леговалъ; другій млинъ, зовомый корнѣевскій, въ селѣ Обтовѣ, на рецѣ Мозирцѣ стоячій, тотъ млинъ даровалъ былъ небожчикъ, панъ родичъ мой, зятеви своему, а швагрови моему, пану Василеви Жураховскому; и за сей корнѣевскій въ Обтовѣ стоячій млинъ небожчикъ панъ Стефанъ, будучи на Москвѣ, якъ Клишки отбиралъ, приобицалъ былъ пану Василеви Жураховскому млинъ харченковскій, вышше Клишокъ стоячій, ввесь пустити, а Харченкови часть належачую силатити, жебы южъ панъ Василь Жураховскій до млина корнѣевского не належалъ, тилко мнѣ самому онымъ жебы то владѣти. Що небожчикъ панъ Стефанъ приобицавши, ажъ до смерти своей словами тилко мене уводилъ, а скуткомъ того не выполнилъ, о чомъ и панъ обозный енералный килкокротне до небожчика за мною причину вносилъ, на що небожчикъ бынаймнѣй не респектуючи, самъ тимъ млиномъ владѣлъ и теперь дѣти его надъ тимъ-же властвуютъ и пожитокъ мѣютъ; а я мусѣлемъ проилого великого посту, годъ тому минулъ, на тисячу таляровъ за тотъ млинъ пана Василя Жураховского поднати. Въ таковой кривдѣ моей милосердія отческого и святое справедливости слезно прошу, за которую милостивную добродѣтель о добромъ ясневелможности вашой здравіи и о щасливомъ многолѣтномъ пановаию всемилостивого Бога благати должествую и до конца живота моего вѣрно служити готовъ".

Письмо Лукьяновича.—Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ зичливый пріятелю.—По желанію вашей милости, моего мосцѣ пана, доносилемъ ясневелможному въ давной справѣ вашмостиной; теды ясневелможный, якъ передъ симъ, такъ и теперъ велѣлъ отвѣтовати: болше, мовитъ, чекалъ и еще нехай почекаетъ, нѣмъ тая особа здастъ себе опекунство [1]); а скоро здастъ, въ тотъ часъ будетъ потреба около тоей

[1]) Здѣсь, видимо, идетъ рѣчь объ опекунѣ дѣтей Степана Забѣлы, Степана и Семена.

справы заходитися усилне и не откладне; а теперъ целе, кажетъ добродѣй, удержитеся. О семъ извѣстивши, зичу вашей милости доброго отъ Господа Бога здоровя и зостаю вашей милости, милостивому пану во всемъ зичливий приятель и радъ служить Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринского. Зъ Батурина. Декаврія 9, року 1699.

Письмо Кочубея.—Мой велце ласкавый пріятелю и свате, мосцѣ пане Забѣло.—Тая справа, о которой ваша милость м. панъ пишешъ до мене, належитъ до самого леневелможного его милости пана гетмана; належитъ теды вашой милости писати о оной до его милости; тилко-жъ поневажъ теперъ его милость, по указу монаршому, на-скорѣ мѣетъ виходити въ походъ военный, для чого и о малихъ справахъ подаваніе до себе отъ людей суплики назадъ велѣлъ отдавати, откладаючи справы оніе до повороту, дай Боже—щасливого, зъ дороги военной: теды и дѣло вашой милости мосцѣ пана, яко не малое и до его панского суду и децизіи належащое, муситъ до того-жъ отложено быти термѣну; а я о томъ предложивши, зычу вашой милости мосцѣ пану доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого въ многіе лѣта заживати повоженя. Зъ Батурина. Іюня 15, року 1701. Вашой милости мосцѣ пану всего добра зичливий пріятель и служити готовъ. Его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого енералный судія Василий Кочубей.

Такимъ образомъ лѣтъ пятнадцать Мазепа водилъ Ивана Петровича своими обѣщаніями. Думая, что дѣлу этому можно помочь деньгами, Иванъ Петровичъ, по разсказу его сына, далъ Мазепѣ 400 червонцовъ; но и взятка не помогла: Клишки возвращены ему не были. Трудно объяснить себѣ такую „неласку“ Мазепы къ зятю своего генеральнаго обознаго и можно только догадываться, что родня Степана Забѣлы была вліятельнѣе скупаго Борковскаго.

3.

Пріобрѣтеніе земельныхъ угодій въ Коропѣ и около. Осаженье слободки на купленныхъ грунтахъ. Постойная повинность въ маетностяхъ Ивана Петровича для компанейскихъ полковъ. Письма о размѣрахъ и частностяхъ этой повинности: Мазепы, Ломиковскаго, Кочубея и Обидовскаго. Отношенія Ивана Петровича къ гетману и его приближеннымъ. Посѣщеніе Ивана Петровича Мазепою; письма Борковскаго о приготовленіяхъ къ этому посѣщенію.

Хлопоты по клишковскому дѣлу не мѣшали Ивану Петровичу вести свое хозяйство. Веденіе панскаго хозяйства въ тогдашнее время

заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земельныхъ угодій, которыя пріобрѣтались разными способами у нуждающихся сосѣдей, козаковъ и крестьянъ. Слѣдующій списокъ покажетъ, какъ дѣлалъ эти пріобрѣтенія Иванъ Петровичъ.

1. „1692 г. Агафья Останиха, обывателька коропская, съ сынами своими: отцомъ Петромъ, Яцкомъ Нѣмцемъ и Манкомъ, продали млинъ свой власный, съ двома колами, на р. Короповѣ стоячій, съ дворомъ и грунтомъ, займищами лѣсными и сѣнокосными, до него належитыми, пану Іоанну Петровичу Забѣлѣ за полторы тысячи золотыхъ.

2. 1695 г. Параска Горбачиха продала пану Ивану Петровичу Забѣлѣ свой власный лѣсъ, отъ конца гребли папекой начинаючійся, за 13 копъ литовскихъ.

3 Григорій Сапелій продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой власный въ м. Короповѣ, за 200 золотыхъ.

4. 1696 г. Гаврило Загородченко, мѣщанинъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ съ сѣножатью, за греблею остановскою, межи горбаневскимъ лежачій, за 13 копъ литовскихъ.

5 Параскевія Дмитриха продала пану Ивану Забѣлѣ гай свой власный, около гаю его милости Забѣлы, за 20 талеровъ.

6. Илья и Василь Лаврѣненки и мать ихъ Вовдя Лаврѣниха продали пану Ивану Забѣлѣ все свое поле, десять нивъ, за 100 золотыхъ.

7. Данило Васильевичъ Забѣла продалъ Ивану Петровичу (двоюродному своему брату) купленный у Василія Жураховскаго млинъ на р. Ретѣ, съ грунтами, за 2000 золотыхъ.

8. Григорій Пантелѣевъ продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ свой тузиковскій съ сѣножатью, около займища его-жъ пана Забѣлы, за 14 копъ.

9. Марья Павлиха Гудимиха и Яцко Слюсарь, зять ея, продали дворъ свой въ м. Коропѣ, за 190 золотыхъ.

10. Анастасія Прociха вдова продала Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой въ м. Коропѣ подъ такою кондиціею, абы его милость ея будинокъ своимъ коштомъ на Мищенковъ плацъ перевезти росказалъ.

11. Отецъ Іоаннъ Савенко, священникъ святоуспенскій и намѣстникъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ гай съ сѣножатью около Корона и лѣсокъ съ сѣножатью, за 40 талеровъ.

12. 1697 г. Иванъ Петровичъ Забѣла помѣнялся нивами съ „жителями“ обтовскими, своей „державы“, при чемъ послѣдніе заявили предъ судомъ: „щосмо подавали за оныя нивы панскія свои власныя и некому непенныя и незаставленныя (незаложенныя) що тежъ побралисмо добровольно ни отъ кого ненамовленныя, но съ доброй волѣ нашой, вѣчисто и на вѣки непорушно его милости пану нашему“.

13. 1699 г. Обыватели райгородекіе Петръ и Романъ, съ товариствомъ, продали пану Ивану Забѣлѣ изъ [1]), курѣнь изъ нитами [2]) и працу свою, такожъ на рецѣ берегъ за 70 золотыхъ.

14. Иванъ Синецкій, мѣщанинъ коропской, былъ долженъ Ивану Забѣлѣ 11 копъ, за который долгъ отдалъ дворъ свой подъ Коропомъ, за 8 копъ, а за 3 копы отдалъ ему-же, Забѣлѣ, на услугу, на полтора года, братанича своего, Грицка Олексѣенка.

15. Войсковой товарищъ Трофимъ Химичъ продалъ Ивану Забѣлѣ солодовню свою за Коропомъ, за 115 золотыхъ“.

Рядъ названныхъ пріобрѣтеній показываетъ, что панъ, поселяясь среди поспольства и располагая свободно капиталомъ, имѣлъ полную возможность округлять свои маетности на выгодныхъ условіяхъ. Исчисленныя пріобрѣтенія Ивана Петровича находились преимущественно въ Коропѣ и около него, т. е. вдали отъ его маетностей; обработывать купленныя угодья было поэтому невыгодно— обтовцами и погорѣловцами. Забѣла обратился къ гетману съ просьбою позволить ему „осадить“ на купленныхъ земляхъ новую слободку. Позволеніе дано было Мазепою въ слѣдующемъ универсалѣ 1695 г.

„Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ пану полковникові нѣжинскому и проч., ижъ просилъ насъ панъ Иванъ Забѣла о позволеніе до власного своего кгрунту, прозываемаго остаповского, зъ млинкомъ (купленнаго у Остапихи въ 1692 г.) подъ мѣстомъ Коропомъ положенемъ будучимъ, человѣка съ десятокъ, якіи-бы лучилися, принявши, слободкою осадити; а то для лучшое въ господарствѣ его потребы и выгоды, а найбарзѣй для ратунку тамъ-же будучое греблѣ. Теды мы

---

[1]) Изъ—загородь въ рѣкѣ для рыбной ловли.

[2]) Ниты, должно думать, невода и другіе рыболовные снаряды, плетеные изъ пеньки.

по тому его прошенію, а респектуючи на давную небожчика родича его, Петра Забѣлы, службу, до которое и его видячи способности, даемо сей нашъ листъ, позволяемъ до мененного кгрунту именно десятокъ человѣка осадити; однакъ не тихъ, которіи маючи въ мѣстѣ (Коропѣ), албо въ якомъ селѣ, осѣдлости и спродавши оніи, мѣли-бы туды на житте приходити, але тихъ волочачихся (шатающихся), якіи жадныхъ осѣдлостей у себе нигде не маютъ".

Распоряжая свое хозяйство, обговскій державца часто затрудняемъ былъ *стаціями*, т. е. постоемъ въ его маетностяхъ войска. Въ тогдашней Малороссіи, кромѣ реестровыхъ козаковъ-домохозяевъ, жившихъ на своихъ земляхъ и отправлявшихъ службу на собственныя средства, было восемь такъ называемыхъ компанейскихъ или охотницкихъ полковъ[1]), набиравшихся изъ разнаго рода бездомниковъ; въ мирное время компанейскіе полки располагались постоемъ между Сеймомъ и Десною, поближе къ Батурину, въ которомъ они всегда отправляли караульную службу. Державцы всѣми способами старались избавляться отъ постоя этихъ полковъ; Забѣла дѣлалъ тоже и часто жаловался гетману и его приближеннымъ на излишнія требованія компанійскихъ урядниковъ. Помѣщаемъ рядъ отвѣтныхъ писемъ на эти жалобы и просьбы.

Письма Мазепы. а) Пане Забѣла.—Мѣлисмо на вашей милости нашъ респектъ потоль, поколь было можна тому быти; а теперъ кгды кгвалтовная (настоятелъная) того указуетъ потреба, поневажъ зъ сотнѣ пѣхотной въ Острѣ на службѣ государской найдуючойся и повернувшой южъ одтоль на за-сеймское свое становиско, килкадесять человѣкомъ не маетъ мѣстца, теды зъ тоей менсиной пѣхотной сотнѣ человѣка дванадцать въ маетности ваши посылаючи, пилно мѣти хочемъ, абысь ваша милость онымъ козакомъ по селахъ своихъ становиско поназначавши, господы (квартиры) расположилъ, жебы они мѣли оттоль себѣ выживленя; якіе дванадцеть человѣка маютъ тимъ консистоватися и приставати на томъ, що и сами господарѣ уживатимуть, жадныхъ не поносячи кривдъ, якобы люде по селахъ тягліе отъ нихъ козаковъ не узнавали утяженья и долегливости. Тое вашей милости наменивши,

[1]) Четыре конныхъ (компанныхъ) и четыре пѣхотныхъ; послѣдніе назывались—*сердюками*.

приказуемъ и поручаемъ сгожъ Господу Богу. Зъ Батурина. 27 марта 1691 року. Вашъ ласкавый Іванъ Мазепа гетманъ рукою власною.

б) Пане Забѣла.—Дойшло намъ вѣдати зъ скарги полку пана Ясилковского [1]), же вы въ своихъ селахъ на станціи имъ будучому товариству, теперь зостаючому въ Кіевѣ, не позволяете давати мѣсячнаго борошна; зачимъ мы тому дивуючися, пилно вамъ приказуемъ, абысте за отобранемъ сего писма нашего заразъ любъ грошми, якъ належитъ на одного козака за мѣсяцъ по чтири золотыхъ, любъ ведлугъ давней уставы борошномъ, выстативши на два мѣсяцѣ, велѣли своими подводами до Кіева оному товариству запровадити, якобы насъ не заходила болшъ ихъ, товариства, скарга, що и повторе приказавши, Господу Богу поручаемъ (1 сент., 1691 г.).

в) Пане Забѣла.—На донесене ваше листовное, а на скаргу жителей села Обтова, подданныхъ вашихъ, приказалисмо изыскати передъ судъ нашъ войсковій енералній товариство полку пѣхотного, для управедливеняся на очную ставку зъ людми вашими, якая росправа теды въ кривдахъ починеныхъ передъ судомъ войсковымъ енералнимъ точилася, тую могутъ ваши-жъ люде, тутъ очне будучи, вамъ оповѣсти; а мы оныхъ отпускаючи назадъ, поручаемъ васъ Господу Богу. (19 іюля, 1693 г.).

г) Мой ласкавый пане Забѣла.—Приходивъ до насъ атаманъ курѣнный тихъ пѣхотинцювъ, которые въ маетностяхъ вашихъ на станціи знайдуются, скаржачися, же ваша милость зборонялъ имъ корму давати, же многіе зброднѣ чинятъ, доносячи намъ; теды мы за тіе зброднѣ тутъ его добре барбарами (нагайками) вычесавши, отпускаемъ знову на станцѣю въ маетности ваши, сподѣваючися поки того, ижъ южъ поперестануть того чинити, въ чомъ и вашей милости жадаемъ, абы ваша милость не зборонялъ имъ корму давати, а они повинны тимъ кормитися, чого и сами господари уживаютъ, безъ жаднихъ вимисловъ; що вашей милости наменивши, Богу васъ поручаемъ. (8 марта, 1694 г.).

---

[1]) Компанейскіе полки назывались по именамъ своихъ полковниковъ. Лѣтоп. Грабянки, 315.

Письма Ломиковскаго. а) „Мнѣ велце мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и куме. Послалъ ясневелможный добродѣй, его милость, панъ гетманъ товариство полку небожчика пана Яремы, человѣка двънадцать, на станцію у маетность вашей милости пана, зъ такимъ указомъ, жебы тимъ сити були, що колвекъ убогій чили богатий господаръ для себе наготуетъ, а вымисловъ бы жадныхъ за тое не чинили; о яковомъ указѣ ваша милость панъ вѣдаючи, не позволяй болше тому товариству позволети; а еслибы що вымисляли, о томъ ваша милость панъ ознайми. Конюмъ, чи два, чи три хто маетъ, толко единъ четверикъ овса приказуетъ ясневелможный добродѣй, его милость, панъ гетманъ давати, на товариша, а не на коня, на тыждень. Тихъ зась чотири человѣка, куди они назначени, виправъ ваша милость панъ заразъ, не даючи имъ станціи въ своихъ маетностяхъ; и такъ не слушне стало, же имъ позволилъ вм. панъ наприкратися своимъ поддапнымъ безъ указу; и впередъ еслибы якая взбитечная людемъ докука была, рачъ, вм. панъ, о томъ ознаймовати, въ чомъ змогу, услуги моей не одмовлю. 1 марта, 1691, зъ Батурина. Зостаючи зичливый вашей милости пану пріятель, хоружій енералній Іванъ Ломѣковскій".

б) „Мой велце мосцѣ пане куме. Передъ выѣздомъ зъ дому въ предлежащую дорогу ясневельможного его милости добродѣя, писали до мене короповцѣ, ускаржаючися на сердюковъ (пѣхота компанейскихъ полковъ), которимъ по указу добродѣйскомъ выписалемъ, якъ мають поступовати зъ пѣхотинцами и конми ихъ, такъ вм. панъ можешъ зъ своими поступити, изъ новотними. А если будутъ противними, зичу удаватися зъ скаргою до его милости пана писара енералного (Кочубея), зостаючого теперъ на мѣстцу ясневелможного его милости добродѣя, а докущать пѣхотинцюмъ чинити вымисли не ражу. 16 ноября (безъ года). Вашой милости пану зичливій кумъ, асаулъ енералній, Іванъ Ломѣковскій".

Письма Кочубея. а) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. По жаданю вашой милости пана, взглядомъ пѣхотинцовъ, докладалъ ясневелможному добродѣеви, его милости, пану гетману; теды его милость такъ на тое мовилъ: если правѣ въ полкъ той на порожніе мѣстца не поставимо, въ дополненс, якого товариства, то можетъ и такъ бути, що сѣмъ человѣка въ маетности вашой милости пана свою мѣти-

мутъ станцію; если-жъ таковая потреба будетъ, же на оніи порожніи мѣстца товариство новотное принято будетъ, теды толко будетъ въ той вашой милости пана маетности товариства, якъ было и прежде. Если-жъ-бы уже мѣло бути на тихъ мѣстцахъ товариство, теды о томъ ознайми великій мосцѣ панъ сюди и за чіимъ они приняти вѣдомомъ; кгды-жъ если принято, то безъ вѣдома его милости добродѣя; о сюмъ теды дѣлѣ докладалъ его милости добродѣеви и его милость панъ Обѣдовскій [1]) по тому велможнаго пана желанію. Я тое предложивши, полецаюся неотмѣнной велможнаго пана ласце и пріязнѣ. Зъ Батурина. Ногбря 27, року 1696. Велможнаго пана всего добра зычливый сватъ и служити готовъ Василий Кочубей, писаръ енералный".

б) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. О утяженю подданыхъ вмтиныхъ и о скорби самого вм. пана, ставшойся чрезъ легкомыслный запорожцовъ поступокъ, доносивъ я ясневелможному его милости пану гетману, же они наѣхавши на маетность вмтину, не толко людямъ кривды, галасы, кгвалты и збродпѣ великіе починили, але и самого вм. пана безрозсудними дерзнули безчестити словами; по якомъ донесеню, велѣлъ его милость писати листъ свой упоминателный (при которомъ и я свой листъ до вм. мосцѣ пана посылаю) до пана Радича [2]), уличаючи его за тое и ганячи такое его безрядіе, що онъ, не держачи ихъ при боку своемъ, роспускаетъ ихъ одъ себе, на людскіе великіе кривды и незносные утяженя, якій листъ посылается до рукъ вмтинихъ. Въ томъ-же листѣ доложено и о томъ, жебы челядника чили старостку вмтиного, которий певное учинивши вашей милости ушкожене, межи тое охотницкое войско увойшолъ, обискано и выдано, для котораго старостки поисканя и припроваженя до вашей милости, посылай ваша милость своего человѣка, якого доброго, при листу томъ панскомъ втропы за войскомъ, где-бъ и листъ, где можетъ постигнути, пану Радичу отдалъ и мененного бѣглого старостку вынайшовши, до вашей милости припровадилъ. А я соболѣзную такой вмтной скорби, чрезъ не узорный и

---

[1]) Племянникъ Мазепы и зять Кочубея.

[2]) Отрядъ Радича, составленный, какъ видно, изъ запорожцевъ, также принадлежалъ къ числу компанейскаго войска. Лѣтоп. Грабенки, 256.

безбожный тихъ своеволцовъ вашей милости нанесенной, и зичу, абы Господь Богъ, по сей скорби, послалъ вм. мосцѣ пану увеселеніе и въ здоровю слабости поправу. Притомъ звыклой вашей милости милостиваго мосцѣ пана отдаюся пріязни. Зъ Батурина. Іюня 1, року 1702. Вашей милости мосцѣ пану зичливый пріятель и служити готовъ енералный судія Василий Кочубей".

Къ числу этихъ писемъ, касающихся постойной повинности въ маетностяхъ Забѣлы, слѣдуетъ отнести и слѣдующее письмо Обѣдовскаго, съ увѣдомленіемъ о принятіи въ Батуринѣ ржаной муки, вѣроятно для тѣхъ-же компанейскихъ полковъ, находившихся при гетманѣ.

„Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосце пане и ласкавый пріятелю. Борошно высланое отъ вашесци мосци пана, до двору ясневелможного добродѣя, въ цѣлости есть одобраное, для чого пишется въ цедулѣ и до пановъ высланыхъ, ажебы въ томъ дѣлѣ не интересовалися; а до того ознаймую вашей милости мосци пану, же хочай-бы и меншъ того борошна вм. мосцѣ панъ прислалъ, тедыбы было принято, ктды-жъ то сталося для вѣзерунку (для видимости) иншымъ. Тее ознаймивши, зостаю вм. мосци пана и ласкаваго пріятеля жичливый пріятель, его царского пресвѣтлого величества столникъ, Іоанъ Обѣдовскій. Данъ въ Батуринѣ, року 1695, ноемврія 18 дня".

Всѣ эти письма показываютъ, что Мазепа былъ довольно милостивъ къ Забѣлѣ; но при этомъ не нужно забывать, что всѣ эти льготы дѣлались для зятя генеральнаго обознаго; этому-же родству съ Борковскимъ Иванъ Петровичъ обязанъ былъ и своимъ пріятельствомъ съ Ломиковскимъ и Кочубеемъ, ближайшими людьми къ Мазепѣ. Милость гетмана и пріятельство его подручниковъ Забѣла, кромѣ того, поддерживалъ маленькими подарками, „обсылая" ихъ напр. своимъ мартовскимъ пивомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ писемъ:

а) „Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ мосцѣ пане и зичливый пріятелю. За присланное пиво дякуетъ вашей милости ясневелможный, а взглядомъ задержаного челядника вашого въ Сѣчи зъ грошми пишетъ ясневелможный до Кошового, жебы его оттоль зовсѣмъ отпущено, котораго сподѣватися межисты (на святкахъ); о семъ ознаймивши, зичу ва-

шей милости доброго отъ Господа Бога здравія и зостаю назавше вм., милостивому мосцѣ пану всего добра зичливый пріятель и радъ служити Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринского. Зъ Батурина, марта 18, року 1700".

б) „Мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и благодѣтелю. Изволилесь вм. мосцѣ панъ чрезъ умислъного своего обослати пивомъ мартовимъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана и самую велможную, ей милость, добродѣйку, которого за донесенемъ моимъ принято бочокъ три до пивницѣ велможного добродѣя, а четвертую до самой пивницѣ отдалемъ; зъ которого обесланья вдяченъ есть велце ясневелможний добродѣй панъ гетманъ и реймментарскою ласкою и респектомъ приобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати. Тое вм. мосцѣ пану пріятелско донешъши, неотмѣнной приязни отдаючися, зостаю вм. мосцѣ пану всѣхъ благъ желаючій пріятель и поволній слуга Иванъ Чернишъ, господаръ замку батуринского. Зъ замку батуринского, 1701, марта 29 дня" [1]).

в) „Мосцѣ пане Забѣла, мой мосцѣ пане и куме. Зъ любовного ефекту вм. мосцѣ пана частокротъ пивомъ посилаючися, миле спомиваю таковій учинокъ, яко и на сей часъ присланую бочку пива черезъ пана Сороку принявши, вдячие за присланье того велце вм. мосцѣ пану дякую и желаю того, же бымъ моею зичливостю могълъ таковую вм. мосцѣ пана любовъ завдячити. При семъ зостаю вм. мосцѣ пану зичливий пріятель и поволный до услугъ асаулъ енералній Иванъ Ломѣковскій. 18 марта, 1700. Зъ Батурина".

г) „Мосцѣвый пане Забѣла, мнѣ велце зичливый пріятелю. Зъ пріятливой вм. мосцѣ пана любови и особливого ку мнѣ памятствованія, принявши дарованое пиво, вдяченъ естемъ и дякуючи велце, завдячить вм. мосцѣ пану старатимуся. Былъ должный за решту долгу, зъ порахунку ценою, отдалъ пану Сороцѣ, посланникоки вм. мосцѣ

---

[1]) Упоминаемая въ этомъ письмѣ «добродѣйка» была, должно думать, жена Мазепы, умершая въ 1704 г., о которой едва-ли не единственное печатное упоминаніе находимъ въ жалобѣ Петру В. Кочубея на обольщеніе Мазепою дочери его Матроны (Чтен. моск. общ. ист., 1859 г., кн. I, 125). Иванъ Чернышъ—впослѣдствіи извѣстный своимъ лихоимствомъ гадяцкій полковникъ и генеральный судья.

пана горилкою, о чомъ извѣстно предложивши, неизмѣнной вм. мосцѣ пана вручаюся любови и зостаю вм. мосцѣ пану всего добра зичливий пріятель и радъ служить полковникъ стародубскій, М. Миклашевскій. Апрѣля 17, 1701".

Обсылая гетмана и пріятелей, Иванъ Петровичъ не забывалъ при этомъ и тестя, который по этому случаю писалъ ему въ февралѣ 1697 г.

„Мой милый сыну, пане Забѣла. Рачилъ вм. мосцѣ панъ домъ мой по достатку свѣжою на сіе дни сирніе обмислити рибою; за тое велце вм. пану дякую, которую яко припялисмо вдячне, такъ упрейме того желаемо, абы здарилъ Господь Богъ тую вашмостину ласку пріязню моею часу своего виплатити; а за тимъ повторе подякованши, зичу вашей милости, мосцѣ пану примноголѣтного житія, доброго отъ Господа Бога мѣти здоровья. Обозный енеральный Василій Борковскій".

Добрыя отношенія съ тестемъ для Ивана Петровича уже и потому нужны были, что Борковскій по своему уряду былъ человѣкомъ близкимъ и къ гетману и къ генеральнымъ урядникамъ. Конечно, благодаря тестю, Ивану Петровичу случалось принимать у себя въ Коропѣ за гостей, не только генеральную старшину, но и самаго „ясневельможнаго добродѣя"; какою милостью считалось гетманское посѣщеніе и какъ хозяева заботились о доставленіи удобствъ этому гостю съ его приближенными, видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ Борковскаго къ зятю.

а) „Пане Иване. Любо то вже суть въ васъ въ Коропѣ назначеніе госпóди для пріѣзду ясневолможного пана гетмана, еднакъ прошу вашей милости, абы были яко певніе, такъ и всіомъ вигодніе; особливе его милости пану писару и его милости пану хорунжему енеральнимъ [1]) абы были госпóди просторніе, бо кгдижъ они будутъ обадва съ своими паніями; его милость панъ судія енеральный [2]) самъ тилко пріѣде, которому абы также была господа; тіѣ избы своѣ на гори

---

[1]) Писаремъ былъ Кочубей, а хорунжимъ—Ломиковскій, оба—самые близкіе Мазепѣ люди.

[2]) Судьею въ это время былъ, кажется, Савва Прокоповичъ.

стоячіе роскажи добре випатрати, жеби были тепли, бо кгдыжъ теперъ буде ясневелможный къ вамъ и въ тихъ свѣтлицяхъ буде стояти; мнѣ также неподалецѣ знайди господу; а о що колвекъ просивъ ви. мене, не фрасуйся, тое все я самъ привезу и буде все гараздъ. Що все до ознаймене подавши, жадаю пилно, абися тое все стало, бы и насъ люде не обмовили. Зачимъ Господу Богу васъ поручаю. Зъ Батурина, 18 генваря, року 1698. Вашъ ласкавый Василий Борковскій".

б) „Пане Забѣла. Завтрешнего дня сподѣвайся велможного добродѣя, его милости, пана гетмана изъ самою панею (жена Мазепы?), для которихъ ихъ милостей наготуй верхнѣе свитлицѣ, одну для пана, другую для самоѣ паней, и постарайся ваша милость, жебы всѣмъ старшинамъ енералнимъ господи слушніе были наготовани, не вважаючи нѣ на кого [1]); и мнѣ господу колибъ близко гдѣ васъ, щобъ мнѣ недалеко ходить. О напитокъ, особливе о медъ добрый, постарайся, хочъ бы вибравши где у корчмѣ доброго меду, черезъ той часъ заказалѣ продавать, ежелѣ бы у васъ не стало меду, щобъ било чимъ подпертися. Самъ близко о пріѣздѣ панскомъ дочувшися, съ паномъ Василемъ виѣдте сподкати (встрѣтить), учинивши слушній порадокъ. Рибы осетрини и бѣлужины по пять штукъ посылаю, ковияру (икры) полдѣжечкѣ, вина барилце. Не все мнѣ виразити; самѣ старайтеся, що потребно для такоѣ особы. Для столника и полковника (Обидовскаго) госпо́да жебы была порядная; такихъ господаровъ винаходте, щобъ не все зъ ратуша; иншіе и самѣ одинъ той день могли(бъ) людямъ вигоду учинити. При томъ зостаю вашей милости жичливымъ отцемъ. Василий Борковскій, обозный енералний".

4.

Дѣти Ивана Петровича. Исканіе для нихъ «инспектора». Смерть Ивана Петровича. Письма къ его вдовѣ Черныша, Кочубея и Полуботка. Разореніе Обтова Мазепою послѣ измѣны. Оборонный универсалъ Скоропадскаго. Завѣщаніе Анны Васильевны Забѣлиной.

У Ивана Петровича были дѣти: сынъ Иванъ и три дочери, Евдокія, Анна и Настасья. По тогдашнему обыкновенію, для перво-

---

[1]) Какъ видно, квартиры для старшинъ заготовлялись по разнымъ домамъ коронныхъ обывателей.

начальнаго обученія дѣтей, малороссійскіе паны брали къ себѣ такъ называемыхъ „инспекторовъ“ изъ кіевскихъ академистовъ; такого инспектора искалъ для своихъ дѣтей и Иванъ Петровичъ. Игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря Захарій Корниловичъ, хорошій пріятель Забѣлы, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ ему: „на желаніе вашей милости, м. пана, якій винайдется инспекторъ, пришлется, котораго самая цнота залѣцѣтъ его: будетъ добрий, ему добре“. Такой инспекторъ вѣроятно и нашелся; но поставить на ноги своихъ дѣтей Иванъ Петровичъ не успѣлъ: онъ, какъ кажется, въ 1703 г. оставилъ дѣтей на руки вдовѣ. Анна Васильевна оставшись, по тогдашнему выраженію, на „вдовиномъ стольцѣ“, съумѣла сохранить добрыя отношенія съ пріятелями умершаго мужа и съ помощью ихъ поддерживала свое „домовство“. Вотъ нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ къ Аннѣ Васильевнѣ:

Письма Черныша. „Моя велце лавкава пріятелко, мосцѣ панѣ Забѣлиная. Бывши въ Батуринѣ, Остапъ Литвинъ, житель Коропскій, хотѣлъ подати суплѣку свою ясневелможному добродѣеви, его милости, пану гетману, ускаржаючися на Андрѣя Яцученка, подданнаго вм. мосцѣ панеи, жителя обтовского, же рокъ тому дѣется, якъ онъ, Андрѣй, клячъ у Остапа Литвина, будто опознавши, взялъ; я теди его не допустивши турбовати ясневелможного, зыскати казалъ Прокопа Юрченка, жителя подлипяпекаго, подданнаго панского (с. Подлипное принадлежало „на булаву“), въ которого онъ, Остапъ, тую клячь, въ шерсть рыжогнѣдую, купи, а тотъ Прокопъ Юрченко поставилъ по собѣ Мартина Шевченка, тожъ жителя подлипянскаго, въ которого онъ куши; сей зась Мартинъ постави Степана Гапоненка, жителя подлипянского, въ которого онъ купилъ тую клячъ, а тотъ Стефанъ поставилъ Апанаса Довгаленка, жителя конотопского, въ которого онъ тую клячу доморослую купилъ. Яко теды лѣпѣйно помененный Остапъ Литвинъ поставилъ туй клячи доводъ, такъ я пишучи до вм. мосцѣ панеи сей мой листъ, залецаю и предлагаю тое, абысь вм. панѣ изволили того человѣка Андрѣя Яцученко, подданного своего, зъ тоею клячою въ Батуринъ присылати, поневажъ доводится тое, же абыци (sic) не вклепался въ тую клячъ и дарма еѣ собѣ взялъ. А такъ и повторе тое вм. мосцѣ панеи залецаю и предлагаю, абысь вм. пани того человѣка, Андрѣя Яцученка, зъ клячою тоею при-

сылати изволила въ Батуринъ, которому если онъ слушный дастъ на оную клячъ выводъ, то жадной турбацѣи не будетъ; еслижъ не дастъ выводу слушного, то мѣетъ клячу Остапу Литвину отдати, предлагаю и зычу вашей милоости м. панеи доброго отъ Господа Бога заживати здоровя. Зъ замку батуринского, року 1703, іюля 3. Вашей милости м. панеи всего добра щыре зичливий пріятель и готовый до услугъ Іванъ Черныш, господаръ замку батуринского".

Письма Кочубея. а) „Моя велце ласкавая пріятелко, мосць панѣ Забѣлиная. Дякую велце вашей милости м. панеи за привѣтствование мнѣ сего святого четыредесятодневного поста, которого взаемне зичу и вм. м. панеи, абы Господь Богъ даровалъ вашей милости зо всѣмъ милымъ домовствомъ оный въ добромъ здоровю и благополучномъ поведенію, благоугодно, зъ позисканіемъ зобилно душеспасителныхъ пожитковъ прежити, страсти Христовы благочестно лобизати и пресвѣтлий побѣдоноснаго воскресенія Господа праздникъ веселимъ сердцемъ обходити. О дѣлѣ томъ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, заразъ обицую мое предложене учинити паномъ Забѣламъ, взглядомъ млина клишковского, жебы они зъ вашею милостью приятелско о томъ учинили успокоене, а який отвѣтъ отъ ихъ пановъ Забѣлъ одержу, заразъ вм. м. панеи дамъ вѣдати. При томъ отдаюся вмтиной зичливой приязни. Зъ Батурина, марта 10 року 1705. Вашей милости м. панеи всего добра зичливый приятель и служити готовъ. Василий Кочубей, судіа енералный войсковой".

б) „Мосцѣ панѣ Забѣлиная, моя велце ласкавая панѣ и приятелко. Въ томъ дѣлѣ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, треба вм. до самого ясневелможнаго, его милости, пана гетмана о томъ своимъ предложенемъ занести скаргу, кгдижъ сама вм. рачишъ вѣдати, же тая сторона, до которой скарга вмтина стягается, подъ обороною его жъ велможности зостаетъ. А я зъ своей стороны радъ вашей милости во всякомъ дѣлѣ помочствовати; при томъ зичу вм. м. панеи доброго отъ Господа Бога здоровя, при благополучномъ поведеніи, въ многіе лѣта заживати. Зъ Батурина, марта 13, року 1705 (*Подпись тоже*)".

в) „Мосцѣ панѣ Забѣлиная, моя велце ласковая приятелко. Писала вм. м. панѣ до мене, прекладаючи о армашу Ивану

Порадченку, бившому подданному своему, который частокротне приездячи до жонки своей въ Обтовъ, великие чинитъ зброднѣ подданимъ вистинымъ, вимислами, напосмъ и подводами, яко и теперъ и братъ его зуфале поступуючи, спалилъ килко человѣка зо всѣмъ убозствомъ; о чомъ я, по жаданію вм. м. панеи, докладалемъ ясневелможному, его милости, пану гетману, добродѣеви нашему; теды его милость мовилъ: которимъ людемъ кривда и долегливость отъ кого дѣется, нехай суплѣкуютъ въ своей делегливости, а по суплѣкахъ будетъ учинена справедливость; а такъ зволь ваша милость тихъ людей зъ суплѣками до его милости прислати. При томъ зичу вм. м. панеи доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого поведенія въ многие лѣта. Зъ Батурина, мая 3, року 1705. (*Подпись таже*)".

Письмо Полуботка. Мосцѣ панѣ Забѣлиная, мнѣ велце ласкавая и зичливая приятелко. Благодаренъ естемъ такой любвѣ вм. м. панеи, же рачишъ и мене вековати въ домъ свой на актъ веселный милой дочки своей; на который любо охоче радъ былъ прибыти, по желанію вм. м. панеи, але же одобралемъ указъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана до скорого прибиратися походу, теды прошу ласкавого вм. м. панеи выбаченя, же тому акту не буду въ дому вм. м. панеи притомнымъ, зычачи однакъ оний щасливе вм. м. панеи зачинати и весело кончити, ей же панеи назавше доброй полецаю приязнѣ. Зъ Чернѣгова, мая 8, року 1713. Вашей милости м. панеи всего добра зичливий приятель, его ц. пр. величества войска запорожского полковникъ чернѣговскій, Павелъ Полуботокъ".

Одну бѣду пережила Анна Васильевна—разореніе Обтова Мазепою, когда онъ шелъ черезъ это село, въ началѣ ноября 1708 г., уже со шведами вмѣстѣ. Разореніе это описываетъ сынъ Анны Васильевны въ одной изъ своихъ жалобъ: „подъ часъ шведской руины, когда Мазепа Десну переправилъ, съ войскомъ прійдя въ Обтовъ, зруйновалъ и выпалилъ нашу отчину и домъ нашъ велѣлъ разграбить со всѣмъ, что было пажитку; тогда жъ и коней стадо неученое, на пакость, пистолемъ велѣлъ позабивать, за то, что не давалось ловиться". Любопытный фактъ о разореніи Обтова Мазепою въ то время, когда онъ въ своихъ универсалахъ звалъ на-

родъ за собою, предрекая „згубу отъ потенціи московской," заключаетъ въ себѣ нѣкоторое объясненіе той непопулярности, которою Мазепа пользовался въ народѣ и которую уносилъ, идя со шведами на возстановленіе „правъ и вольностей" этого самаго народа.

Анна Васильевна хотѣла было воспользоваться разореніемъ Обтова, чтобы за это разореніе выхлопотать возвращеніе Клишекъ, отнятыхъ тѣмъ разорителемъ Обтова; на этотъ разъ хлопоты о Клишкахъ, можетъ быть, и удались-бы, такъ какъ въ это время многіе изъ жаловавшихся на Мазепины обиды получили великія милости, но случилось такъ, что одновременно сталъ просить тѣ-же Клишки и князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій; само собою разумѣется, что преимущество осталось за послѣднимъ [1]).

За неудачу въ Клишкахъ Аннѣ Васильевнѣ удалось выхлопотать себѣ у гетмана слѣдующій такъ называемый „оборонный" универсалъ, которымъ подданные ея освобождались отъ многихъ земскихъ повинностей.

„Его ц. пр. величества войска запорожскаго гетманъ Іоанъ Скоропадскій.—Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, иже панѣ Анна Иванова Забѣлиная жалосне намъ прекладала, что людей села Обтова, маетности ей, въ сотнѣ короновской будучого, розно то до Глухова выстаченемъ и вожденемъ провіанту и выгнанемъ на роботу до того жъ города Глухова, то до Кролевца и Коропа, въ случаючіеся оказіи потягаютъ; черезъ що не малыхъ узнаючи долегливостей, не могутъ оныхъ зпести; въ томъ яко просила она, панѣ Забѣлиная, нашой гетманской оборопы и такового унѣверсалу, абы подданыхъ ея села, вышмененного Обтова, нѣкуда болшъ не потягано, кромѣ до одного Корола, поневажъ оное здавна до того уезду належитъ; такъ мы, гетманъ, прошеніе ея панеи Забѣлиной принявши за слушное, повагою сего унѣверсалу нашего варуемъ, абы старшина глуховская, урядъ кролевецкій и нѣхто иный, нѣ въ чомъ под-

---

[1]) При этомъ Клишки были отобраны у дѣтей Степана Петровича Забѣлы, повидимому, за родство ихъ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ Мазепѣ; сдвали старшій сынъ Степана Петровича не былъ женатъ на дочери племянника Мазепы,—Трощинскаго, бывшаго гадяцкаго полковника.

данныхъ менѣнной панеи Забѣлиной до своихъ городовъ потягати не важилися; до Корона зась, яко того уѣзду суть, въ случаючихся оказіяхъ должни будутъ подлугъ мѣры чинити помощъ, рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, януарія 3, року 1712".

Проживъ вдовою около десяти лѣтъ, Анна Васильевна за это время вырядила сына на службу (въ войсковую артиллерію, стоявшую въ Коропѣ) и повыдавала всѣхъ дочерей замужъ; послѣднюю, Настасью, выдавала она въ маѣ 1713 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти; черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Анна Васильевна написала свое завѣщаніе, помѣщаемое здѣсь, а въ ноябрѣ того-же года сынъ ея жаловался на „печальный и сиротинный свой домъ".

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Отъ Господа единою установленное нѣкогда неизмѣняемо есть, иже всѣ единою рече, будите готови, якъ въ онъ-же часъ не мните Сынъ человѣческій прийде; и сего ради азъ, раба божая Анна Іоаннова Забѣлиная, отъ его вишнего смотренія будучи долгою присѣщена болѣзнію, не ложною смертного долга увѣщателницею, поставиламъ подлугъ христіанской совѣсти моей, такъ о души моей, яко и о дѣтехъ моихъ, будущая устроити; а яко вящшому дая мѣсто, благословеніемъ матернимъ увѣщаю чада моя, дабы во обичное присутствовали погребеніе мое, наипаче-же о душахъ насъ, родителей своихъ, еже есть главизна християнского уповапія, должни чрезъ все житіе свое сродное имѣти попеченіе. Вначалѣ, сынъ мой Іоаннъ, вящшихъ естественнымъ закономъ наслѣдникъ, долженъ честно погребсти тѣло мое тамо, идѣже дѣдъ и отецъ его тѣломъ положишася и въ той обители святой (рыхловскомъ монастырѣ) особними литургіями роковое учинити помипаніе; въ иншихъ зась обителехъ и мірскихъ церквахъ еликомощная любовъ его сыновняя похощетъ. Аже законъ Божій и законъ человѣческій родителемъ предпостави еже дати чадомъ своимъ по неизмѣнлемой волѣ родителской правное и умѣрителное узаконеніе, даби по смерти ихъ не чинили между собою мятежу и смущепія, яже обикоша нынѣ между многими быти. Сего ради увѣщеваю Богомъ и благословеніемъ нашимъ родителскимъ чадъ моихъ, да со всякимъ благодареніемъ умиротворатся сею остатнею волею моею: напродъ старшой дочцѣ моей Евдокіи Григориевой (по имени мужа) и

по ней Аннѣ Іоановой и третой моей дочцѣ Анастасии Прокоповой мѣетъ сынъ мой Іоанъ по тисячи золотихъ дати и то видячи доброе ихъ житие; зъ охендозства, ношенія, срѣбра, цѣни, мѣди, подлугъ долгу нашого, подъ часъ виносагу (выдачи замужъ) ихъ зможности, далося; для чого неблагословеніемъ Божіимъ и родителскимъ запрѣщаю дщерамъ моимъ и панамъ зятямъ, абы не турбовали нѣ в чомъ сына моего и до найменшихъ лежачихъ кгрунтовъ и всѣхъ добръ нашихъ не втручалися; понеже яко и право въ статутѣ великого князства литовского, въ розд. 5, артик. 14, того панамъ зятямъ забороняетъ; а сынови моему Іоанну, яко по дѣду и по отцу совершенному наслѣднику, подаю въ спокойное вѣчистое владѣніе млини, именно: кунашевскій, другій—ближній, третій корнѣевскій, четвертій—новій, пятій на Жураховщинѣ, со всѣми прилеглостми, также и Остановщину зъ млиномъ и зо всѣми прикупленними крунтами и гаями; къ тому всякіе пахатніе поля и сѣнокосы, такъ въ Обтовѣ, яко и въ Погорѣловцѣ; тамъ-же и прилегліе озера, въ Коропѣ пляци, сколко есть, дворовъ три и броваръ и всякіе рухомости; на якіе всѣ добра наши лежачіе, виже спецѣфѣкованніе, покойнимъ отцемъ нашимъ и нами купленіе, оному сыну моему Іоанну подаю купчіе, и сверхъ того, подлугъ унѣверсаловъ рейментарскихъ, потвержателние милостивие ихъ царского пресвѣтлого величества двѣ грамотѣ, при которихъ милостивихъ царскихъ величествъ грамотахъ, прошу всякой власти, абы при наданнихъ двохъ селцяхъ, Обтову и Погорѣловцѣ, за заслугу покойного дѣда своего, блаженное памяти Петра Михайловича Забѣлы, обозного енералного, и отца своего покойного Іоанна Петровича, и за свою, которую впередъ мѣетъ его царскому величеству и власти рейментарской и всякой робити, заставалъ. Дѣялося при гродѣ Короповѣ, въ дому нашомъ забѣловскомъ, называючомся Остановщинѣ, при уряду мѣскомъ. Року 1713, мѣсяця іюня 2 дня. (*Слѣдуютъ подписи свидѣтелей*).

Всѣ приведенные здѣсь письма и другіе акты, списаны съ подлинниковъ, подаренныхъ намъ умершимъ уже любителемъ мѣстной старины, Петромъ Максимовичемъ Остряпскимъ.

Ал. Лазаревскій.

Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріею Ѳедоровною.

(СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНІЕ).

Помѣщаемое здѣсь *Описаніе* разсчитано на вниманіе потомства, и мы не можемъ отказать ему ни въ приведеніи подлиннаго его текста, ни въ предварительныхъ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

Оно наивно отъ начала до конца, и не только по изложенію, но и по самой постановкѣ сюжета. Это памятникъ жизни, поражающей всегда напыщенностію, ходульностію, отсутствіемъ искренности и простоты,—памятникъ параднаго краснорѣчія, въ которомъ много словъ и мало мысли и еще менѣе искренняго чувства. Мы имѣли въ рукахъ нѣсколько такихъ описаній: можно, и не заглядывая въ нихъ, знать ихъ содержаніе, можно, и не читая ихъ, сказать напередъ, что тутъ или предварительныя совѣщанія о встрѣчѣ и пріемѣ, чистился городъ, строились тріумфальныя ворота, производилась пальба, давались обѣды и ужины, балы и вечера, играла музыка, горѣли огни, и пр., и пр. Не этотъ, конечно, декорумъ, мало уступающій прогрессу, можетъ привлечь вниманіе читателя;—въ приводимомъ описаніи, помимо воли составителей, желавшихъ увѣковѣчить свои имена и фигурированіе въ такомъ случаѣ, проглянуло нѣсколько историческихъ чертъ—интересныхъ и поучительныхъ.

Любопытна прежде всего тогдашняя ситуація города, совсѣмъ не похожая на нынѣшнюю,—эта не существующая теперь старогородская крѣпость, обнесенная валами, съ воротами львовскими и печерскими, и этотъ спускъ съ Крещатика на Подолъ по глубокому взвозу, который шелъ тамъ, гдѣ нынѣ на значительномъ возвышеніи

находится заведеніе минеральныхъ водъ, и этотъ подъемъ съ Подола по старому Боричеву взвозу. Есть въ описаніи много и другихъ данныхъ для топографіи г. Кіева. Любопытно тогдашнее благоустройство древней матери градовъ россійскихъ, требующее прокладки мостовыхъ лишь на случай проѣзда наслѣдника престола, нарочитаго устройства фонарей только по два предъ каждымъ домомъ, изгнанія или усмиренія наказаніями пьяницъ и воровъ, запиранія снующихъ по улицамъ коровъ, собакъ и свиней и даже убиванія ихъ на улицахъ.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе многія другія особенности того времени. Городское представительство, такъ называемый здѣсь привилегированный магистратъ, сохраняетъ еще свой древній престижъ, хотя только по наружности, ибо въ сущности кругъ его вѣдѣнія былъ до крайности ограниченъ, его власть совсѣмъ стѣснена, общественные и военные титулы его членовъ были пустыя клички, и даже блестяще одѣтая городская милиція употреблялась лишь исключительно для парадовъ. Только грамоты русскихъ государей и польскихъ королей, съ особымъ почетомъ имъ хранимыя, напоминаютъ ему о прежней его жизни, не разъ предъ симъ и послѣ сего прерываемый, а потомъ еще разъ возобновленной милостію того самаго государя, котораго теперь, въ качествѣ наслѣдника, онъ принимаетъ. Сохраняютъ еще свою самостоятельность настоятели кіевскихъ монастырей: они сами строятъ почетныя встрѣчи, говорятъ рѣчи и принимаютъ царственныхъ особъ въ своихъ келіяхъ. Въ числѣ ихъ выдается по своему высокому положенію архимандритъ лавры, тотъ самый Зосима, который пережилъ ея ставропигію и умеръ, забытый всѣми, въ безвѣстной голосіевской пустыни. Въ ряду 12 архимандритовъ, встрѣчающихъ высокихъ посѣтителей, встрѣчаемъ извѣстнаго въ свое время петербургскому и варшавскому двору и возбуждавшаго горячую дипломатическую переписку, славнаго защитника украинскаго народа, Мелхиседека Значка-Яворскаго, нынѣ, какъ видно, затертаго уже жизнію. Интересную особенность встрѣчи составляютъ пѣвчіе въ бѣлыхъ одеждахъ, съ лаврами на головахъ, съ пальмами въ рукахъ. Еще болѣе интереса возбуждаетъ эта группа городскихъ „дамскихъ персонъ“, окружающихъ великую княгиню и вызывающихъ ея отчасти ироническую похвалу ихъ національнымъ костюмамъ, не требующимъ булавокъ, но видимо

тѣснимымъ уже нѣмецкой модой. Нельзя обойти вниманіемъ торжественной рѣчи войта, обнаруживающей крайне слабый интеллектъ представительства тогдашняго Кіева, равно—символовъ и аллегорій для иллюминаціонныхъ картинъ. Достоинъ примѣчанія вопросъ наслѣдника престола о томъ, кто прежде присоединенъ къ Россіи: Кіевъ, или Малороссія, публичное цѣлованіе имъ подписи на грамотѣ Екатерины, а также *qui pro quo* въ вопросѣ его о подданствѣ къ одному изъ лаврскихъ крестьянъ г. Василькова и отвѣтъ этого крестьянина. Свѣтлой и найболѣе яркой точкой во всей картинѣ вырисовывается *хожденіе* великаго князя къ найболѣе бѣднымъ жителямъ г. Василькова, съ цѣлью оказать имъ пособіе, и набожное моленіе его и его добродѣтельной супруги на обѣднѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Наивно и малоискусно начертанная картина проѣзда, встрѣчи и провожанья в. кн. Павла Петровича и в. кн. Маріи Ѳедоровны начинается такимъ витіеватымъ заглавіемъ:

Хронографія или достопамятнаго происшествія, бывшаго въ нынѣшнемъ 1781 году, въ посѣщеніе ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева и магистрата, для памяти потомственной, въ кіевскомъ магистратѣ хранимое Описаніе.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Человѣкъ, проходяй мимотекущую жизнь свою, въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлахъ и что въ жизни его случится можетъ великаго, знаменитаго и достопамятнаго, забвенію по смерти его на вѣки предается, естли онъ нерадитъ оставить по себѣ память о томъ въ хронографіи, или исторіографіи, или въ замѣчаніяхъ на бумагѣ случающейся въ жизни его эпохи, еже всякій вѣкъ и роди людей, въ щасливыхъ и неблагополучныхъ перемѣненіяхъ, перемѣненіемъ временъ случающихся, узнавать могутъ. И сколь сіе забвеніе, отимаетъ свѣтъ знанія и свидѣнія мимотекущихъ временъ отъ ихъ достопамятности у будущихъ родовъ; столь несравненно хронографія открываетъ симъ родамъ разумъ и просвѣщеніе въ знаніи произшедшихъ прежде ихъ бытія на свѣтѣ, происхожденія дѣлъ и дѣйствій предковъ ихъ.

Сіе самое побуждаетъ насъ, въ единомъ союзѣ любви богоспасаемаго града сего Кіева пребывающихъ гражданъ, для славы тѣхъ, о которыхъ достопамятная сія повѣсть учинена, а для любви къ нашимъ потомкамъ, къ свидѣнію ихъ, одолженными себе здѣлать, описавъ сію вѣка нашего эпоху, въ нынѣшнемъ 1781-мъ году, въ мѣсяцѣ октябрѣ случившуюся, оставить оную въ магистратѣ къ знанію сего, сколь ощасливленъ городъ нашъ, мы всѣ граждане и учрежденное мѣсто наше, кіевскій привилиерованный магистратъ высокимъ посещеніемъ природнаго нашего Государя Всероссійскаго престола наслѣдника, великаго князя Павла Петровича и вседражайшія Его Императорскаго Высочества супруги, государини, великой княгини маріи Ѳеодоровни, симъ оказавшихъ городу и мѣсту сему высокое свое благоволеніе, удовольствіе и многіе неоценно дражайшіе милостей своихъ знаки.

О всемъ томъ, то есть какъ о приуготовленіи на всевожделѣнное ихъ императорскихъ высочествъ пришествіе въ Кіевъ, такъ и о всѣхъ происхожденіяхъ бывшихъ въ присутствіи ихъ высочествъ въ Кіевѣ, до отбытія отъсель за границу, въ Полщу, подробное слѣдуетъ описаніе.

Сего 1781-го года іюля 31-го числа полученнымъ отъ его высоко-графскаго сіятельства, высокоповелительнаго господина генералъ фельдмаршала, Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, ордеромъ оповѣщено кіевскому магистрату о приготовленіяхъ для вожделеннаго посѣщенія края сего и города Кіева въ будущую осень; съ онаго ордера точная копія есть сія.

Кіевскому магистрату.

„По обстоятельству ожидаемаго вожделеннаго посѣщенія, коимъ сей край и городъ Кіевъ, въ будущую осень, осчастливленъ быть имѣетъ; долгъ отъ насъ взыскиваетъ при семъ чрезвичайномъ случаѣ изъявить всѣ чуства усердія и радости. А какъ городъ Кіевъ славится своею древностію и инними преимуществами предъ всѣми протчими, то я не могу сумнится, что магистратъ по тому и другому заключенію не упуститъ наблюсти все подобающее, какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ всѣхъ гражданъ, въ разсужденіи приготовленія себѣ въ одѣяніи и

збруи на лошадяхъ, и пѣшю, съ своими знаками и притомъ воздвиженія торжественныхъ при вѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ онаго воротъ и иныхъ до украшенія города служащихъ объектовъ, по соглашенію о семъ послѣднемъ съ тамошними духовними властми и съ пособіемъ, что до лучшаго расположенія, господина инжинеръ генералъ маіора Тучкова, о семъ особливо отъ мене къ нему писано, и я ожидаю, что тутъ ничего упущенно не будетъ, чего долгъ усердія нашего требуетъ".

На подлинномъ: г. Румянцовъ-Задунайскій

Получивъ въ такой силѣ ордеръ, какъ о семъ единовременно и къ преосвященному митрополиту кіевскому Гавріилу, также къ инжинерному господину генералъ маюру Тучкову его сіятельство, графъ Петръ Александровичъ изволилъ писать, того-жъ времени съѣхались къ преосвященному, всѣ господа генералы, здѣсь находящіяся при командахъ, а именно: господинъ генералъ поручикъ и кавалеръ, кіевскій оберъ комендантъ Кохіусъ, артиллеріи господинъ генералъ маіоръ Бегичевъ, инжинерный господинъ генералъ маіоръ Тучковъ, господинъ генералъ маіоръ Мезенцовъ, находящійся при коммисаріатѣ; также господинъ войтъ, коллежскій совѣтникъ Пивоваровъ, и господа правящіе: бургомистръ и городскій голова Давидовскій, райца Рыбальскій и обще у преосвященнаго учиня о пріуготовленіяхъ консилѣумъ, сколько и на якихъ мѣстахъ быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмотрѣть и назначить тѣ мѣста. И положили *первыя* быть у неводницкой пристани, при самомъ мосту, *второіе* на выѣздѣ изъ оной пристани, на горѣ у рогатки, *третіи* при выѣздѣ на Подолъ у хрещатской рогатки, *четвертіи* на выѣздѣ съ Кіева къ Василькову у рогатки каменнаго затону. И учиня господинъ генералъ Тучковъ всѣмъ воротамъ планы, при рапортѣ съ курьеромъ послалъ на апробацію къ графу, которые, по апробаціи, всѣ начались весьма поспѣшно дѣлаться, для которой работы, особливо на сіи хрещатскіе ворота отъ магистрата собрано всѣхъ майстеровыхъ людей: то есть, плотниковъ, столярей, слѣсарей, живописцевъ и малярей, и къ сему дѣлу опредѣлено отъ магистрата у смотрѣнія быть, матеріалы покупать, майстеровымъ за работу заплату производить чиновникамъ майстерскимъ: лавнику Косачинскому, инстигаторамъ Стролевскому и Лобку, коимъ всѣ деньги на то получать отъ правящихъ господъ: бургомистра Давидовскаго и райци Ры-

бальскаго, и тетрадь на записки и росписки прошнурную съ магистрата дано.

Между симъ въ магистратѣ вседневно всѣхъ членовъ присутствіе происходило, въ коемъ, что къ лучшему украшенію и распоряженію касалось, чиними были совѣти и опредѣлено: *первое:* предъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу иллюминовать разныхъ цвѣтовъ фонарями, къ сему дѣлу для наблюденія надъ работними, такожъ покупки матеріаловъ, то есть: холста, красокъ, сала, плошекъ и протчего принадлѣжащего къ тому, опредѣлено лавника Юрія Рыбальскаго и шафара Ивана Данилова, которымъ такожъ выдаваеми были деньги отъ правящихъ господъ на расходы и на вписаніе оныхъ изъ магистрата дана прошнурная тетрадь, *второе:* внутрь и внѣ магистрата, очистивъ и обѣливъ, пристойными мебелями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ паникадилахъ палати приздобить; *третіе:* реестровой коргвѣ дать приказъ о стройности, какъ единокалибернаго платья, такъ збруи и въ лошадяхъ, для чего на смотрѣ ихъ, которые въ семъ неисправни оказались, исключени съ параду, *четвертое:* двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить и которые платьемъ, ружьемъ и собою не сообразовали пригожеству исключени были; *пятое:* во всемъ городѣ, при воротахъ всякаго двора, отъ хозяевъ, по два столба (для фонарей) выкрашенныхъ поставить, *шестое:* всякое въ городѣ ветхое безобразное строеніе и иное сломать, а другое обновить, *седмое:* всѣ мостовіе вычистить, иные починить, а другіе вновь сдѣлать, въ томъ числѣ и торговіе площади отъ навозу очистить, пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать; *осмое:* всякого сорту безъ потребы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать, или наказаніемъ унимать; *девятое:* дать приказъ чрезъ городничаго всѣмъ хозяинамъ, чтобъ собакъ и свиней изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ убивать велѣно.

Все сіе распорядивъ и учредивъ, еще надлежало было съ нѣкоторыми доложеніями въ зависящихъ отъ резолюціи самого графа отправить къ его сіятельству изъ членовъ присутствующихъ въ магистратѣ, почему августа 8-го отправлени господа бургомистръ Дмитрій Александровичъ, да райци Николай Леонтовичъ, Алексѣй Дмитровичъ въ Вишенки, гдѣ между протчего его сіятельству отъ нихъ когда было

доложено, что можно-ль осмѣлиться кіевскому магистрату просить ихъ императорскихъ высочествъ въ магистратъ, а притомъ и на обѣденный столъ, то на сіе въ резолюцію получили, что понеже ихъ высочества не долго въ Кіевѣ быть изволять, то развѣ на ужинъ, когда время дозволитъ. Такъ сіе казалось, будто-бы несовершенно обнадежиться моглъ магистратъ въ счастіи высокаго ихъ императорскихъ высочествъ посѣщенія онаго, а паче удостоенія столоваго присутствія. Когда-жъ всѣ приуготовленія и тріумфальные на всѣхъ мѣстахъ ворота начали приходить къ окончанію, тогда изволилъ пріѣхать самъ графъ Петръ Александровичъ для обозрѣнія всего того. Пріѣздъ его былъ сентября 18 числа, по утру, въ 11-мъ часу, прямо во дворецъ, гдѣ въ коротком времени обозрѣвъ всѣ покои и службы во дворцѣ, заразъ поѣхалъ на Подолъ, гдѣ у хрещатскихъ тріумфальныхъ воротъ остановясь и осмотря оные, пошелъ пѣшо, недалече отъ сихъ, въ домъ живописныхъ работъ и увидя всѣ картины для воротъ хорошо сдѣланные, изволилъ похвалить мастерство тѣхъ, оттудова въ магистратъ, а съ его сіятельствомъ и генералитетъ, здѣсь находящійся, въ магистратѣ изволили смотрѣть планъ иллюминаціи, былъ въ судовой палатѣ и канцеляріи, а въ большой скарбовой просили на водку, и по едной чарки его сіятельство и всѣ тоже бывшіе выпили. Отходя изъ магистрата, изволилъ сказать: можно де осмѣлиться магистрату просить ихъ высочествъ; отъсюдова поѣхалъ къ преосвященному митрополиту, часу въ 1-мъ, отъ митрополита въ крѣпость печерскую и изволилъ кушать у господина оберъ-коменданта. Тамъ были представлени въ парадѣ нѣсколько человѣкъ реестровыхъ на смотръ его сіятельству. Тутъ печерскій отецъ архимандритъ на визитъ пріѣздилъ, а послѣ и графъ у него былъ. На другой день, то есть 19-го сентября по утру въ 7-мъ часу, изволилъ изъ Кіева отъѣхать въ Гомель, гдѣ ихъ императорскихъ высочествъ, изъ С.-Петербурга чрезъ Псковъ и Могилевъ имѣвшихъ до Кіева маршрутъ, пріѣзду дожидался, а и съ того мѣста многими ордерами о разныхъ распоряженіяхъ въ Кіевѣ къ кіевскому оберъ-коменданту, господину Кохіусу предписывалъ, въ коихъ и о встрѣчахъ разнымъ чинамъ и командамъ, съ назначеніемъ и мѣстъ, по нижеслѣдующему расположилъ: у первыхъ тріумфальныхъ воротъ на неводницкой пристани—магистрату кіевскому, отъ сихъ воротъ къ крѣпости расположится

конницѣ, впереди магистратовой, за сими легкоконный кіевскій, далѣе легкоконный сѣверскій, а напослѣ ахтырскій гусарскій эскадроны; во вторыхъ тріумфальныхъ воротахъ на выѣздѣ господину оберъ-коменданту съ штабомъ гарнизоннымъ встрѣтить, а отъ сихъ воротъ до крѣпости вооруженнымъ цехамъ съ ихъ знаками, такожъ о караулахъ изъ полковъ пѣхоты рижскаго, бѣліовскаго и двухъ ротъ гренадерскихъ сѣвскаго полка, которые на сей случай командированы въ Кіевъ, и въ которыхъ мѣстахъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева и во дворцѣ, повелѣно, гдѣ кому держать. О пушечной пальбѣ при въѣздѣ ихъ высочествъ, о наблюденіи полиціи за неутѣсненіе постоями обывателей сими ордерами изъ Гомеля и оттудова къ Кіеву изъ разныхъ мѣстъ, въ пути находясь при ихъ императорскихъ высочествахъ, предписывалъ графъ, а магистрату кіевскому отъ 8-го октября изъ Чернѣгова слѣдующаго содержанія прислано извѣщеніе.

Кіевскому магистрату.

„Изволеніе есть ихъ императорскихъ высочествъ усчастливить сей магистратъ высочайшимъ ихъ посѣщеніемъ; что прозба присутствующихъ о удостоеніи тамъ вечерняго стола ихъ присутствіемъ милостивѣйше принята будетъ, я долгомъ моимъ нахожу предварительное тому магистрату сдѣлать извѣщеніе, дабы онъ могъ къ сему случаю, который долженъ быть для всего города изъ найщастливѣйшихъ, могъ заврем енно во всемъ себе предуготовить“.

На подлинномъ: г. Румянцовъ Задунайскій.

Сіе магистратъ получа, совершенно обнадежился въ толь высокомъ счастіи посѣщенія императорскихъ высочествъ онаго и опредѣля изъ чиновниковъ молодыхъ людей многихъ, такожъ въ помощь господъ правящихъ разныхъ: бургомистра Давидовскаго и райца Рыбалскаго, изъ членовъ господъ райцовъ троихъ: Леонтовича, Гаврилу и Дмитровича, подъ-смотрѣніемъ сихъ, все къ столу принадлежащее, пригласивъ кухмейстера его сіятельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго (бывшаго уже тогда въ Кіевѣ), заготовлять начали.

Съ 10-го противъ 11-го октября ночью, часу въ 10-мъ, его сіятельство графъ Петръ Александровичъ съ пути пріѣхать изволилъ въ Кіевъ, предшествуя ихъ высочествамъ. Тогда, поутру 11-го числа

октября, часу въ восмомъ, господинъ войтъ со всѣми членами магистратскими явились у его сіятельства квартирѣ у губернаторскомъ дому, и получили о встрѣчахъ, по вышеписанному въ ордерахъ его сіятельства повелѣнію, подтвержденіе, а притомъ изволилъ сказать: „когда ихъ высочества изволятъ проѣхать изъ крѣпости во дворецъ, то вы будете во дворцѣ въ то время, и я васъ представлю ихъ высочествамъ". Рѣчи поданы были на аппробацію его сіятельства—двѣ русскіе и одна французская, съ которыхъ волѣлъ русскую, краткую, говорить въ магистрате едину, а тѣ отставить. Сіи повелѣнія припявъ, магистратъ, часу въ 9-мъ по утру, отъ его сіятельства поѣхалъ къ назначенному своему у первыхъ отъ моста тріумфальныхъ воротъ мѣсту. Сіи ворота были сдѣланы изъ брусся и досокъ, такъ, какъ и протчіи, съ карнизами и томбами, но украшени были зеленью, то есть увиты были мѣлкими вѣтвями сосны, а по сторонамъ въ передѣ воротъ съ таковимъ же украшеніемъ поставлени были пирамиди, съ герландами, украшенными цвѣтами. Въ началѣ 12-го часса виѣхали сюда къ воротамъ изъ горы цугами, богато убранними и ливреею, пять парадныхъ каретъ, а шестая лѣнѣя графа Петра Александровича, и остановились у воротъ, а вскорѣ потомъ и самъ графъ съ многимъ генералитетомъ и штабомъ изволилъ пріѣхать верхами, при немъ заводныхъ богато-убранныхъ верховихъ лошадей было пять, и немного остановясь у воротъ, поѣхали съ графомъ до подполковничья чина за Днѣпръ къ Лысой горѣ. Сюда скоро изволили прибыть и ихъ высочества, гдѣ графъ и встрѣтилъ и препровождалъ узъ карету ихъ высочествъ ѣдучи; и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту сторону моста верстѣ, тутъ данъ первой сигналъ ракетою и на крѣпости выпалено изъ 51-й пушки, доколь мостъ переѣхали, переѣхавши же мостъ, изволили остановится немного предъ воротами въ каретѣ (на сихъ воротахъ играла музыка). Тутъ подошли къ каретѣ господинъ войтъ съ членами и принесли подданническое свое поздравленіе съ счастливимъ прибытіемъ въ Кіевъ, а господинъ бургомистръ и городской голова Давидовскій поднесли хлѣбъ ржаной ситной и соли на немъ стуика, за что ихъ высочества поблагодаря, изволили проѣхать ворота, и тамъ выйдя изъ дорожней своей кареты, изволили сѣсть въ парадную графскую, и слѣдовать за передовыми конвойними, таковимъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая кон-

ница, подъ предводительствомъ господина райци Конистенскаго, состоящая въ ста тридцати человѣкахъ, въ единокалиберныхъ и единоформенныхъ тонкозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкескахъ, а кафтанахъ краснихъ шолковихъ, шапки малиновые бархатные съ кисти сребранними, съ околицами сѣрими кримскими, саблѣ наголо въ рукахъ держа, по четыре человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знамямъ и праномъ, съ трубами и литаврами; за реестровими три эскадрона: 1) легкоконнаго кіевскаго, 2) легкоконнаго сѣверскаго и 3) ахтырскаго гусарскаго полковъ ѣхали подъ командою подполковника полку кіевскаго легкоконнаго, барона Леонтія Леонтіевича Бенексена, и карета, въ которой изволили сидѣть ихъ высочества, а графъ всю узъ карету съ боку верхи ѣхалъ; за сею другіе кареты парадніе графскіе, въ которыхъ сидѣли свита ихъ высочествъ, какъ то: господинъ генералъ аншефъ, статсъ дамы, фрейлины, камергеры и протчіе, и какъ подъѣхалъ съ взвозу и въ верстѣ второй отъ крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изъ ста одной пушки, и начался колокольной звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ, взъѣхавши-же ихъ высочества на гору, къ другимъ тріумфальнимъ воротамъ, встрѣчени были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ и баталіономъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка; тутъ не останавливаясь проѣхали ворота.

Отъ сихъ тріумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги двѣнадцать цеховъ въ ружье съ знаменами до тысячи человѣкъ, между которими въ срединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру карабинеровъ ружьемъ. И въѣхавши въ крѣпость, прямо въ Лавру, гдѣ у троицкихъ воротъ, за тѣ ворота вышедши, ожидалъ освященный соборъ во всемъ богатѣйшемъ облаченіи священномъ, состоящій: изъ двухъ митрополитовъ, кіевскаго Гавріила, греческаго Серафима, единаго архіепископа греческаго Никодима, и единаго епископа Кирилла, двѣнадцати архимандритовъ: 1, печерскаго Зосимы, 2, никольскаго Енихванія, 3, михайловскаго Тарасія, 4, братскаго Касіяна, 5, кирильскаго Кирилла, 6, глуховскаго Мелхиседека, 7, гамалѣевскаго Антонія, 8, батуринскаго Владимера, 9, густинскаго Елисѣя, 10, мгарскаго Волошина,

11 и 12, въ лаврѣ живущихъ сербина Витковича и Варлаѳія, и многихъ игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ, іеродіаконовъ. И какъ только изволили ихъ высочества изъ кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ съ крестомъ святимъ, которому изволили приложится, и проговоря краткое привѣтствіе, въ передѣ шествовалъ къ церкве сей соборъ, за онимъ изволили ихъ высочества по дорогѣ отъ троицкихъ воротъ до самой церкви большой, подланной суконамъ, а по сторонамъ пѣвчіе идучи, кантъ пѣли, которые убраны были въ платье бѣлое, на головахъ лавры, и въ рукахъ несли дѣланные зеленіе пальми. Во входѣ церковномъ окропляемы были святою водою, а по входѣ въ церковъ пѣли: *Достойно есть*, и низпущена чудотворная Успенія Богоматере икона, которой изволили прикладыватся съ доземними поклонами. Послѣ сего отецъ архимандритъ Зосима показывалъ, препровождая, дорогу къ мощамъ святителя Михаила, оттуда къ гробу преподобнаго ѳеодосія и къ мощамъ преподобныхъ печерскихъ, въ складняхъ частицами вложеннымъ, и къ раки, гдѣ перстъ архидіякона Стефана и Владимерова глава положени. Окончивши сіе поклоненіе, отецъ архимандритъ довелъ до мѣста уготованнаго пониже праваго крилоса къ стѣнѣ, которое изъ внѣ обито золотою парчею сутою, а внутри малиновимъ бархатомъ, съ золотимъ позументомъ съ бахромою, гдѣ ихъ высочества изволили стать. Тогда митрополитъ кіевскій подошелъ ближе, говорилъ пространную поздравительную рѣчъ съ изъявленіемъ величайшія радости въ высокомъ посѣщеніи ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева. По окончаніи сея, перводіаконъ проговорилъ ектенію и многолѣтствіе, пѣто было оное, а за симъ изволили изъ церкви за арата монастирскіе шествовать таковимъ-же порядкомъ, какъ и въ монастиръ, то есть за препровожденіемъ освященнаго собора. А во дворецъ ѣхали за тѣми-жъ конвойними командами и между цехами, до дворца построившимися шеренгами.

Пріѣхавши во дворецъ и перешедъ залу, въ боковіе изволили пойти покои, въ залѣ-же собрались оба господа фельдмаршали: Разумовскій и Румянцовъ-Задунайскій, графъ Понятовскій, генералъ Цесарскій, весь генералитетъ, весь штабъ и оберъ-офицери, малороссійское шляхетство, господинъ войтъ съ членами магистрата, и дождались съ полъ часа, пока изволили войти въ залу, гдѣ жаловали всѣхъ къ рукѣ, въ началѣ оба фельдмаршали, потомъ графъ Понятовскій и другіе

генерали — польскій и цесарскій и весь генералитетъ, и всѣ протчіе, здѣсь собравшіесь. Ея высочество каждаго подходящего къ рукѣ изволила цаловать въ щеку. графъ-же Петръ Александровичъ, со стороны его высочества стоя, подходящихъ представлялъ, кто таковъ, въ томъ числѣ и магистрата кіевскаго войта съ членами. По окончаніи сего со дворца вышли всѣ, только фельдмаршалы и другіе изъ генералитета остались. Въ вечеру того дня съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшіе дамы, которые допущены были къ рукѣ ея высочества. Сего вечера иллюминовано было во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, а во дворцѣ садъ весь, разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками, и особливою какъ въ саду, такъ и предъ дворцемъ на площадѣ холщевою трочасткою, изображающею — на одной Плутона и Прозерпину, съ другими символическими знаками, которая въ прорѣзныхъ клѣтчатыхъ фигурахъ состояла; на другой Нептунъ съ купидонами изображенъ. Печерская колокольня фигурою пирамиды иллюминована было.

Сей день ихъ высочества обѣдъ и ужинъ изволили во дворцѣ имѣть.

Сей день оповѣщено его сіятельствомъ магистрату, что завтра, то есть 12-го октября, изволятъ ихъ высочества удостоить магистратъ посѣщеніемъ на ужинной столъ, почему магистратъ отъ себя чрезъ посланныхъ приглашалъ къ тому столу обоихъ господъ фельдмаршала и графа Понятовскаго, цесарскаго генерала и всѣхъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ генераловъ съ ихъ супругами и дочерми на утрешній вечеръ.

12-го числа октября мѣсяца, по утру, часу въ 11-мъ, его высочество изволилъ ѣздить осматривать крѣпости печерской верхами, съ Петромъ Александровичемъ и съ генералитетомъ; поворотясь оттуда во дворецъ, паки съ ея высочествомъ въ каретѣ изволили поѣхать въ лавру и на ближнюю пещеру, гдѣ отецъ архимандритъ Зосима въ пещерахъ ихъ высочествамъ предшествовалъ и показывалъ дорогу. Изъ пещеры вышедъ, изволили пойти въ большую церковъ: тутъ архимандритъ всѣ дорогіе утвари и сосуды церковные какъ въ олтарѣ, такъ и въ тезофилакіи открывалъ, объясняя притомъ укладчиковъ оныхъ — какъ государей россійскихъ, такъ (и прочихъ). Съ большой церкви изволили пойти къ архимандриту въ келіи и тутъ кушали рыбное кушанье, откушавши-же здѣсь изволили поѣхать въ Старый Кіевъ, гдѣ при

въѣздѣ въ оный изъ пушекъ выпалено по военному уставу, и проѣхавъ прямо къ монастырю михайловскому, гдѣ отецъ архимандритъ Тарасій, въ облаченіи, съ іеромонахами и іеродіаконами встрѣтили за брамою, съ крестомъ святымъ, и препроводили въ церковъ, гдѣ пѣли крилошане: *Достойно, эктенію* и многолѣтствіе; ихъ высочества изволили прикладыватся мощамъ святія велико мученици Варвары и другимъ новопреобрѣтеннымъ святыхъ Пантелѣймона, Харлампія и Спиридона. Послѣ сего отецъ архимандритъ рѣчь говорилъ, и цо окончаніи той, въ препровожденіи архимандрита съ братіею въ облаченіи, за монастырь изволили ити, и отсюда мимо софійскій каѳедральній монастырь въ печерскіе ворота и Хрещатскимъ взвозомъ на Подолъ. Тутъ у тріумфальныхъ воротъ вторая встрѣча была, съ хлѣбомъ и солью, господина войта съ членами магистрата; на воротахъ въ верху играла музыка графа Петра Александровича. Сіи ворота въ живописныхъ картинахъ и строеніи расположенія были таковы. (Здѣсь пропускъ и отмѣтка) *описаніе воротъ тріумфальныхъ хрещатецкихъ.*

Отъ сихъ воротъ расположилась конница таковимъ порядкомъ: предъ воротами къ крещатику командиръ оной, господинъ Копыстенскій предъ фрунтомъ стоялъ на лошади съ обнаженною саблею, въ фрунтѣ стояли знамя и значекъ, трубачи и литаврщики, и нѣсколько реестровихъ по обѣ сторони въ шеренги, протчіе-же по ту сторону воротъ къ городу, въ двѣ-же шеренги, а за ними двѣнадцать цеховъ въ фрунтѣ съ знаменами протянулись по обоимъ-же сторонамъ улицъ мостовой до покровской церкви. И какъ приближились къ воротамъ, то командиръ конницы саблею честь сдѣлалъ, а господинъ войтъ съ членами подошелъ къ каретѣ, господинъ-же голова поднесъ хлѣбъ-соль такимъ-же порядкомъ, какъ и у первыхъ воротъ, то его высочество при благодареніи изволилъ сказать, изъ кареты видавшись: „*мы ваши гостъ*“; и проѣхавъ ворота между шеренгами, конницы и цеховыхъ, которые на караулъ сдѣлали, изволили пріѣхать въ фроловскій монастирь, часу въ шестомъ пополудни. Тутъ встрѣчу сдѣлалъ съ священствомъ сего монастиря кириловскій архимандритъ, въ облаченіи, и игуменія Калѣстена со всѣми монахинями сего монастиря, и проводивъ къ церкви, гдѣ пѣли монахини: *Достойно*, ектенію и многолѣтіе. Изъ церкви изволили посѣтить игуменскіе келіи, гдѣ и монахини были, и

поелику въ семъ монастырѣ многіе суть изъ россійскихъ знатныхъ мужей жены и дворяне, то изволили съ ними разговаривать и спрашивать, въ разсужденіи монашеской ихъ жизни и монастирскаго поведенія, о многомъ. И такъ побывъ въ семъ монастырѣ часа до полутора, въ окончаніи седьмаго часа изволили отбыть отсюдова, и поѣхали съ Подолу во дворецъ, а съ ихъ высочествами и графъ Петръ Александровичъ въ едной каретѣ, отъѣжжал-же изъ монастыря фроловскаго, его сіятельство изволилъ прислать оттуду офицера, порутчика Красовскаго, въ магистратъ сказать, что какъ будетъ восемъ часовъ, то чтобъ у магистратѣ столъ былъ готовъ и кушанья поставлено бъ было. До пріѣзду-же ихъ высочествъ въ магистратъ, въ седмомъ часу собрались дамы и кавалери, приглашенные отъ магистрата, а именно: графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, изъ генералитета Прозоровскій, два Гудовичи, Нащокинъ, Энгельгардъ, Кульберсъ, Кохіусъ, Бегичевъ, Тучковъ, Мезенцовъ, изъ бригадиръ-же Энгельгардъ и Бухгольцъ, дамскіе персони: госпожа Тепловша съ дочерми, госпожа Кохіусова, госпожа Бегичева съ дочерми, госпожа Тучкова съ дочерми, и другіе. Въ сіе время по билетамъ только впущаеми были въ магистратъ, какъ изъ гражданъ, такъ и изъ пріѣжжихъ знатнихъ людей, какъ мужеска, такъ и женска полу, то и давани оніе были гражданству, чиновнимъ людямъ и ихъ женамъ со взрослими дѣтьми ихъ, по которимъ какъ госпожа войтша съ дочерью, такъ всѣхъ членовъ магистратскихъ жены съ дочерми и другихъ чиновниковъ присутствовали тутъ, такожъ и изъ пріѣжжихъ благороднихъ не мало было.

Въ началѣ-же девятаго часа всевожделѣнно изволили прибыть ихъ императорскіе высочества, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ въ единой каретѣ, такъ же и придворные. Предъ магистратомъ вся площадь до тѣхъ мѣстъ, пока иллюминація занимала, вся была свободна, потому что въ кругъ сей площади стояли цеховые съ ружьемъ, а другіе съ факелами, и недопускали народу входить сюда.

Иллюминація занимала мѣста на четырнадцать саженей длины, а висоти въ средине шесть съ половиною, по концамъ-же верхами по три съ половиною. Въ верху красками изображено было въ промѣняхъ ея императорскаго величества подъ короною вензеловое имя, по сторо-

намъ ихъ высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, въ срединѣ, пониже ихъ высочествъ, Александра Павловича и Константина Павловича, внизу въ храмѣ жертвенникъ, а на немъ тринадцать сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу членовъ въ магистратѣ кіевскомъ присудствующихъ, по обонмъ сторонамъ въ храмѣ по шесть человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между томбами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подъ ногами у всякаго изъ онихъ ремесла его знаки, въ храмѣ, выше жертвенника, на томбахъ, съ единой стороны на право книга высочайшей грамоти, жалованная городу Кіеву, съ завѣсистою печатю и съ кистьми, съ левой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею съ низу до верха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло. Вежа иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фонарями. На входѣ въ магистратъ и при всѣхъ дверяхъ въ оной, то есть у пяти мѣстъ, поставлены были реестровіе, а въ первыхъ сѣняхъ, въ рядъ чрезъ оные, семь паръ, всѣ съ обнаженными саблями, при ладункахъ, которыми и честь дѣлали на караулъ входящимъ ихъ высочествамъ. Предъ магистратомъ встрѣтилъ ихъ высочествъ господинъ войтъ съ членами магистрата, когда-же изволили ихъ высочества войти внутрь магистрата, гдѣ на всѣхъ переходахъ услано было красными сукнами, и первѣе въ судейскую палату, которая богатыми коврами постлана была и освѣщена зеркалами, люстрами и многими свѣчами, то немножко походя, обѣ сіи высокіе персони, стали вмѣстѣ о средѣ палаты въ право; тогда бургомистръ Дмитрій Александровичъ, выступя предъ ихъ императорскихъ высочествъ, началъ рѣчь говорить слѣдующую:

Пресвѣтлѣйшій государь!

„Се новая эпоха вѣка нашего, се открылась потомственнымъ вѣкамъ и роду нашему высокославная знаменитость въ память ихъ, се день всевожделѣннаго посѣщенія вашихъ императорскихъ высочествъ прародительной отчины своей есть сущее наше блаженство: се бо духъ нашъ стремится внерять въ себе всѣ радости знаки, всѣ благодушія виды, всѣ благоденствія чувства. Отроки, юноши, мужи и старцы наши, духъ свой ободряя, виды свои увеличивая, текутъ въ стрѣтеніе ваше, нося благовѣнно усердствующаго въ кротости духа въ видахъ своихъ

радости и веселія знаки, нося, посвящая, тебѣ, о всероссійскаго престола наслѣдниче, жертву хваленія и благодаренія! Пріими отъ рабовъ твоихъ сіе приношеніе и буди милость твоя на градъ сей и на насъ, якоже уповаемъ".

По окончаніи рѣчи сей, изволили ихъ высочества, приближась къ говорившему рѣчь бургомистру Александровичу, сказать: „мы довольны вашимъ усердіемъ, мы видимъ, что вы любите насъ и усердно принимаете насъ", а ея высочество изволила сказать: „мы будемъ помнить ваше усердіе". И въ сихъ рѣчахъ столь вѣяло высокіе свои виды оказывать изволили. Далѣ начали спрашивать у всѣхъ тутъ вмѣстѣ съ господиномъ войтомъ стоящихъ членовъ о строеніи палатъ магистратскихъ, какъ давно построены, потомъ о выборахъ бургомистровъ и райцовъ, по баламъ-ли, или голосами избираются, и какъ перемѣняются. На сіе по точности правъ магдебурскихъ отвѣтствовано. Послѣ сего изволитъ его высочество спросить: „гдѣ у васъ хранятся жалованные грамоты и привилегіи"? На сіе когда господинъ войтъ рукою показалъ путь въ скарбовую палату, что онѣ тамъ, а притомъ предшествовалъ самъ, тогда ихъ высочества заразъ изволили въ ту палату пойти, въ слѣдъ за ними и всѣ тутъ бывшіе фельдмаршалы, графы, генералитетъ и дамскіе персоны. Тутъ на переходѣ въ сѣняхъ, на хорахъ, загремѣла состоящая изъ двадцати девяти человѣкъ музыка Петра Александровича. Скарбовая-же сія палата, или приличнѣе сказать парадная зала убрана была портретами, зеркалами, люстрами, мебелями богатыми, канапами, креслами и освѣщена весьма прозрачно и благолѣпно. И какъ изволили туда войти къ мѣсту, гдѣ сіе сокровище содержится, то господинъ голова Давидовскій открывъ ковчегъ, которой на убранномъ столику, покритомъ зеленою кожаною наволокою, лежалъ, въ промежуткахъ окна праваго, въ тилу скарбовой палаты, съ высочайшими грамоты. Въ началѣ вынувъ грамоту нынѣ царствующей государини Екатерины второй, императрицы, которую ея высочество разгнувъ читать изволила, а потомъ собственноручный подпись ея величества обое цаловать изволили. Далѣй государя Петра Великаго всѣ три имѣющіеся грамоты смотрѣли, потомъ спросили о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича и оную изволили смотрѣть, такожъ и прочіе. Тутъ спрашивали, кто въ подданство россійское прежде войшоль: Кіевъ-ли, или Ма-

лороссія? На сіе г. голова отвѣтствовалъ, что единовременно. По семъ увидѣвъ государя Петра I-го, императора, особливо магистрату жалованный указъ, за собственноручнымъ подписомъ, оный подписъ оба цаловать изволили; потомъ спросясь о привилегіяхъ королей польскихъ, которыя въ лѣвомъ тиловомъ окнѣ, такъ-же въ ковчезцѣ, и на такомъ-же убранномъ столику стояли, не доходя, заразъ изволили сѣсть за столъ, который набранъ былъ на пятдесятъ кувертовъ, и всѣ приглашенные дамскіе персоны и кавалери, до чина полковничья, тутъ кушали. У креселъ ихъ высочествъ, при кушаніи, стояли со стороны великія княгини госпожа войтова, съ женами членовъ магистратовихъ, а отъ стороны великаго князя господинъ войтъ съ членами: ихъ высочества за ужиною, кромѣ воды, ничего пить не изволили. При ужинѣ въ разныхъ матеріяхъ съ господиномъ войтомъ и съ членами разговаривать изволили, какъ-то: о войтовствѣ его, какъ войшолъ, и гдѣ женился, а изъ членовъ именъ и фамилій изволилъ спрашивать, ей же высочество изволила сказать: „хорошо де насъ кормите и хорошо принимаете“. При окончаніи ужина довольно милостиво изъявивъ свое благоволеніе и удовольствіе магистрату, изволили, вставъ отъ стола, шествовать паки въ судовую палату, гдѣ его сіятельство представилъ ея высочеству госпожу войтову съ протчими членовъ женами и ихъ дочерми, которыя жалованы ея высочествомъ къ рукѣ. Тутъ были и другихъ чиновниковъ магистратскихъ жены съ дочерми, такожъ и пріѣжжіе изъ Россіи и изъ Малороссіи дворянскіе жены. Послѣ сего ея высочество изволила разговаривать съ женами членовъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долгого времени для убору, что тутъ булавки ко употребленію не нужны, и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьи ходятъ; на что они отвѣтствовали, что старые только придержатся еще сего природнаго своего платья, а молодые и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Потомъ изволила сказать: „мы теперь у васъ очень веселы, но не въ тягость-ли мы вамъ?“ На что бургомистръ Александровичъ отвѣчалъ: „о, ваше императорское высочество, чрезвычайно счастливы мы высокимъ посѣщеніемъ! Предки наши не имѣли таковаго счастія“. Поговоря еще нѣсколько времени и усугубивъ свое благоволеніе о удовольствіе, его высочество изволилъ сказать: „объявите всѣмъ гражданамъ

ваше благодареніе", и въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ магистрата изволили отбыть во дворецъ, а до того времени цехи и конница въ парадѣ стояли на своихъ мѣстахъ.

На другой день по утру, то есть тринадцатаго октября, господинъ войтъ съ членами ѣздили во дворецъ благодарить ихъ высочествамъ за милостивое посѣщеніе города и магистрата, гдѣ паки его высочество вновь изволилъ оказать свое благоволеніе и благодареніе гражданству, сказуя: „вы наши хозяева".

Сего утра, часу въ 10-мъ, его высочество изволилъ смотрѣть двухъ ротъ гранадерскихъ сѣвскаго полку экзерцицію и присудствовать при разводѣ ихъ, и какъ сего-же дни благоволили ихъ высочества быть на Подолѣ у братскомъ училищномъ монастырѣ, то и паки господинъ войтъ съ членами у тріумфальныхъ воротъ встрѣчу дѣлали; кто-же въ сіе время при господинѣ войту, коллежскому совѣтнику Григорію Сидоровичу Пивоварову въ магистратѣ члены были, незанотребно для памяти тѣхъ (которые во все сіе время присутствовали) здѣсь написать по порядку присутствія ихъ въ магистратѣ; 1) господинъ бургомистръ и городскій голова, бунчуковій товарищъ, Яковъ Ивановичъ Давидовскій; 2) господинъ бургомистръ и депутатъ, бунчуковій товарищъ, Іосифъ Васильевичъ Гудимъ; 3) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Герасимъ Романовичъ Кувичинскій, 4) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Димитрій Михайловичъ Александровичъ; 5) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Илія Николаевичъ Сребицкій, 6) господинъ райца, войсковій товарищъ, Петръ Михайловичъ Дубровскій, 7) господинъ райца, войсковій товарищъ, Василій Степановичъ Конистенскій, 8) господинъ райца, войсковій товарищъ, Николай Алексѣевичъ Леонтовичъ, 9) господинъ райца, войсковій товарищъ, Гаврилъ Ивановичъ Ѣдрило, 10) господинъ райца, войсковій товарищъ, Романъ Даниловичъ Чишинечъ Власенко, 11) господинъ райца, бунчуковій товарищъ, Алексѣй Степановичъ Дмитровичъ, 12) господинъ райца; войсковій товарищъ, Степанъ Ивановичъ Рыбальскій. Всѣ сіи вышеупомянутые члены во все время пріуготовленія и бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ неотлучны были, и во всѣхъ распоряженіяхъ участвовали, у писменныхъ-же дѣлъ тогда были: писарь Василій Григоровичъ Максимовичъ, а реентъ Корсунъ.

У сихъ воротъ дожидались пріѣзду ихъ высочествъ; такожъ конница и цехи такимъ порядкомъ, какъ и вчера расположились, только на воротахъ музыки уже не было, и встрѣчали безъ хлѣба. Въ 11-мъ часу по утру изволили ѣхать въ братскій монастыръ; тутъ отъ господина войта и членовъ ихъ высочествамъ сдѣланъ поклонъ, отъ командира конницы саблею отдана честь, а цеховые сдѣлали на караулъ, и пріѣхалъ къ братскому монастырю, гдѣ отецъ архимандритъ и ректоръ Кассіанъ, съ святымъ крестомъ, съ префектомъ и учителями академіи сей, и другими того монастыря іеромонахами, въ священническомъ облаченіи, святымъ крестомъ ихъ высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили, и препроводили въ большую церковь, а студенты отъ воротъ къ церквѣ стояли въ два ряда, пѣвчіе-же въ бѣломъ платьѣ, съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ пальмы держа, по сторонамъ шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь усланъ былъ суконами, въ церкви пѣто: *Достойно,* эктенію и многолѣтствіе. Ихъ высочества здѣсь изволили прикладываться чудотворной Божей Матери иконѣ, послѣ сего отецъ архимандритъ Кассіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи предшествовалъ архимандритъ съ іеромонахами и іеродіаконами изъ церкви средними дверьми, а за ними ихъ высочества изволили пойти на верхніе школы, при пѣніи студентами канта, и начавъ отъ философской, чрезъ большую залу и школу богословскую до церкви студенской, называемой конгрегаціею; изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ школы риторики въ монастыръ и въ келіи префектовскіе (понеже новостроющіяся архимандритскіе не были отдѣланы келіи). Тутъ академисты малчики привѣтствіе сказывали по единому семи языки: 1-е по русску, 2-е по польску, 3-е по латынѣ, 4-е по нѣмецку, 5-е по французску, 6-е по еллиногречески, 7-е по еврейску. По сказанію сихъ рѣчей, отецъ архимандритъ поднесъ ихъ величествамъ рукописаніе оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчою, а обоимъ фелдмаршаламъ, графу Понятовскому (его величества короля польскаго племяннику), генералисту, тутъ бывшему, зеленою кожею. И за симъ изволили отбыть изъ монастыра, въ провожаніи архимандрита съ соборомъ, и съ пѣвчими, и сѣвъ въ кареты, поѣхали мостовою къ воскресенскимъ воротамъ, а отъ воротъ поворотя налѣво, по надъ каналомъ изъ Кудрявца текучой воды, онимъ выѣхали на большую мо-

стовую, идучую мимо притисконикольскую церковь, петропавловскій монастиръ, и мимо соборноуспенскую и доброниколаевскую церковь, въ тріумфальные хрищатскіе ворота и во дворецъ, реестровая-же конница и цехи до сего времени на своихъ мѣстахъ къ тріумфальнымъ воротамъ стояли въ парадѣ.

Ихъ высочества сей день обѣдной столъ имѣть изволили во дворци, а въ вечеру на балѣ и на ужинѣ у его сіятельства, графа Петра Александровича, въ губернаторскомъ дому.

Четырнадцатаго числа октября, то есть въ день рожденія государини, великія княгини Маріи Ѳеодоровны, въ 9-мъ часу поутру, собрались во дворецъ оба господа фельдмаршали, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицери, малороссійское шляхетство, господинъ войтъ съ членами магистратовими, которое собраніе занимало большую часть залы, часу же въ десятомъ въ предшествіи господъ камергеровъ Юсупова и Куракина, изволили ихъ высочества войти въ залу, гдѣ отъ всѣхъ чиновъ ея высочеству приносими были поздравленія и всѣ жалованы къ рукѣ.

По окончаніи сего изволили поѣхать въ софійскій кафедральный монастиръ на литургію. Тутъ митрополитъ кіевскій, съ трома другими архіереями, и восемъ человѣкъ архимандритами, и протчимъ духовенствомъ, въ облаченіяхъ, встрѣтили за манастирскими воротами, и препроводя въ большую церковь, начали пѣть службу Божію. Ихъ императорскіе высочества стояли въ церквѣ на уготованномъ, богато убранномъ мѣстѣ, гдѣ правій крилась стоялъ, и слушали литургію весма внимательно и благовѣйно, дѣлая ежечасто поклоненіе крестное, полагая на челахъ своихъ прямій крестъ. По окончаніи литургіи приличную сему торжеству и сему случаю бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ, весма хорошую говорилъ проповѣдь михайловскій отецъ архимандритъ Тарасій. По окончаніи литургіи молебствіе съ пушечною съ обѣихъ крѣпостей пальбою; по молебствіи изволили ихъ высочества прикладываться къ мощамъ святителя Макарія, и другимъ, въ ковчезцахъ здѣсь поставленнымъ; потомъ митрополитъ кіевскій говорилъ ея высочеству поздравительную рѣчь, и въ провожаніи онаго изъ церкви изволили пойти въ архіерейскіе келіи. Тамъ накороткѣ побывавши, отбыли во дворецъ. Во дворцѣ обѣдали съ ихъ высочествами до полковничьяго

сына, а съ духовенства четыре архіереи, да печерскій архимандритъ. Въ вечеру во дворцѣ былъ балъ; иллюминація, такъ какъ и всяку ночь въ бытность ихъ высочествъ въ Кіевѣ, во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева и во всѣхъ мѣстахъ приготовленныхъ была. Въ 11-мъ часу сего вечера предъ дворцемъ зажженъ былъ фееверкъ, весьма богатый и изрядный, за который офицеру понтонной роты, порутчику Крупяникову, дѣлавшему оный, изволили ихъ высочества пожаловать сто червонцевъ и табакерку. Въ сей день да богадѣльни и вдовамъ раздавала была милостиня, въ томъ числѣ и на городовую подольскую богадѣльню изъ числа двохъ сотъ рублей, выданныхъ на всѣхъ, 30 р. дано, такъже двоимъ женскимъ монастирямъ: іорданскому и богословскому жаловано по сто рублей ассигнаціями, а ея высочество изволила дать своего платья парчевую пару.

Пятнадцатаго числа октября былъ день отъѣзда ихъ высочествъ съ Кіева, толь всѣмъ прискорбенъ, сколь до сего всѣ радовались, видя наслѣднаго своего государя ко всѣмъ милостива, кротка, любезна, а равныхъ качествъ и супругу его, государыню милостивую, добродѣтельну, ко всѣмъ благосклонну, а что ихъ высочествамъ самимъ Кіевъ понравился, сами въ томъ изволили признать, а особливо въ отъѣздѣ свидѣтельствовали ихъ слезы въ очахъ бывшіе и рѣчь выговоренная митрополиту Гаврилу: „жаль де намъ съ вами разставатся“, что въ своемъ мѣстѣ написано будетъ. Когда сей день, столь болѣе чувствителенъ былъ въ скорби, сколь день пришествія ихъ императорскихъ высочествъ въ Кіевъ радостенъ, сего безъ слезъ и печали описать не можно: одинадцатое октября былъ праздникъ веселія, тріумфа и торжества, а пятнадцатое того-жъ октября сдѣлалось печальо. Почему? — Потому, что тогда мы увидѣли своего наслѣднаго государя и дражайшую его высочества супругу, ихъ же видѣть желала душа наша; нынѣ, увидѣвъ и дознавъ высокіе милости и любовь ихъ къ намъ, видимъ вмалѣ отлучающихся отъ насъ. Но Богъ да поплетъ имъ въ пути ангела своего свята, хранителя мирна, и будемъ молить Его, чтобъ сподобились и слышать и видѣть впредъ наслѣднаго своего государя, великаго князя Павла Петровича и дражайшую супругу его, государыню, великую княгиню Марію Ѳеодоровну въ отечествіи своемъ здравихъ и покриваемыхъ всякою божескою благостинею.

Пятагонадесятъ числа по утру, въ восьмомъ часу, собрались во дворецъ всѣ чини вышеписанные и дожидались въ залѣ, а въ девятомъ часу изволили выйти ихъ высочества изъ своихъ чертоговъ въ залу, и поклонясь всѣмъ, простились съ слезами, и сѣвъ въ дорожную карету, поѣхали чрезъ крѣпость прямо въ лавру, за прежними всѣхъ вышеписанныхъ командъ передовыми конвоями, майстратовою конницею и пѣхотными цехами, стоящими отъ дворца къ крѣпости въ парадѣ. Подъѣзжая же къ крѣпости, началась пальба на валу изъ пушекъ, а пріѣхавъ къ троицкимъ печерской лавры воротамъ встрѣтилъ архимандритъ Зосима съ своимъ соборомъ, въ священномъ облаченіи, и препроводилъ ихъ императорскихъ высочествъ въ большую церковь, гдѣ заразъ начался о путешествіи молебенъ, а ихъ высочества изволили стать въ своемъ мѣстѣ. По молебствіи прикладывались чудотворной успенія Богоматери иконѣ. Тутъ ея высочество изволила во украшеніе церкви печерскія архимандриту дать икону, въ четверть листа, въ драгоцѣнномъ окладѣ, въ бриліантахъ и другихъ дорогихъ каменьяхъ, изображающую Христа Спасителя, исцѣляющаго больнаго. По семъ отъ лица лавры говорилъ рѣчь типографъ и проповѣдникъ Ѳеофанъ, принося благодареніе за высокое посѣщеніе ихъ высочествъ святыхъ мѣстъ сихъ; по окончаніи рѣчи, за препровождающимъ архимандритомъ, съ соборомъ, изволили изъ церкви выйти за монастырь до кареты (тутъ опять началась пушечная пальба). Изъ крѣпости изволили слѣдовать на выѣздъ къ Василькову къ тріумфальнымъ воротамъ; не доѣзжая-жъ сихъ, на пути остановились у пушечнаго двора и ходили въ арсеналъ; тамъ съ полчаса (осматривали онаго) помѣшкавъ, вышли и сѣвъ въ карету, доѣхали до тріумфальныхъ воротъ. Тутъ дожидались митрополитъ Гавріилъ въ мантіи и поднесъ ихъ высочествамъ на пути хлѣбъ и соль, а съ нимъ епископъ Кирилъ и архимандриты; тутъ ихъ высочества остановясь вышли изъ кареты и прощаясь съ митрополитомъ, его высочество изволилъ сказать: „жаль намъ съ вами разставаться“. Сѣвъ въ карету, проѣхали ворота (Пропущено описаніе воротъ).

Проѣхавши-жъ отъ сихъ воротъ съ полверсты, конница наша воротилась назадъ, потому что придворной лакей, прискакавши къ предводителю оной, сказалъ: „проситъ его высочество воротится вамъ“. И такъ ихъ высочества часу въ первомъ по полудни отъ сихъ воротъ

къ Василькову путь воспріяли, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ, провожающій, поѣхалъ. Въ Васильковъ пріѣхали часу въ пятомъ по полудни. Тамъ его высочество, прохаживаясь въ ономъ городку и отлучась одинъ съ придворнымъ лакеемъ взошелъ въ одинъ убогій домишокъ, гдѣ церковный паламарь живетъ, изволилъ тому паламарю сказать, поведи де меня къ самимъ бѣднымъ, у васъ живущимъ людямъ. Паламарь, вѣдая своихъ убогихъ людей, къ нимъ и повелъ, и перваго мужичка застали, хижину свою накривающаго соломою, котораго его высочество изволилъ спросить, чей онъ подданный?—отвѣтствовалъ: печерскаго монастыря.—Хорошо-ли вамъ жить?—отвѣтствовалъ: добре пане, и сему пожаловалъ имперіала. Отсюду къ другому мужику, и сему пожаловалъ полуимперіала; назадъ воротясь, изволилъ зайти опять къ паламарю, которому пожаловалъ имперіала. Здѣсь въ Васильковѣ изволили имѣть ночлегъ, а на другой день, то есть октября шестнадцатаго, часу въ 9-мъ по утру, изволили путь свой воспріять за границу, въ Полщу, къ первому мѣстечку польскому Фастову. Тутъ на выѣздѣ изъ Василькова старый отставной солдатъ купилъ на базарѣ на двѣ копейки ржаной хлѣбъ и стуику соли, поднесъ ихъ высочествамъ, на пути уже ѣхавшимъ, за что оному солдату пожаловали имперіала.

Графъ Петръ Александровичъ, проводивъ ихъ высочества, возвратился въ Кіевъ 17-го октября, по того-же числа два письма—одно отъ ея высочества, а другое отъ его высочества писанные къ нему изъ Жидовецъ, получивъ, съ которыхъ копіи подъ симъ пріобщаются.

Изъ Жидовецъ октября 16-го 1781 года.

Графъ Петръ Александровичъ!

При самомъ оставленіи нашей границы, я считаю моимъ долгомъ изъявить мое благодареніе за хорошія пріуготовленія, вами учиненныя, для проѣзда нашего чрезъ Малороссію. Въ семъ попеченіи видѣла я новый и пріятнѣйшій знакъ вашего къ намъ усердія; такъ-же прошу васъ засвидѣтельствовать малороссійскому дворянству мою благодарность за пріемъ отъ нихъ сдѣланный, который не престану въ памяти моей съ удовольствіемъ сохранять, въ протчемъ пребываю я ваша благосклонная.

Подлинное подписано собственною ея императорскаго высочества рукою.

Графъ Петръ Александровичъ.

Оставивъ сего для границу, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ изъявить вамъ мое искреннее благодареніе за труды и попеченія ваши во учиненныхъ вами хорошихъ приуготовленіяхъ для моего проѣзда чрезъ Малороссію, не менѣе признаю я себя обязаннымъ оказать вамъ то совершенное удовольствіе, съ каковымъ примѣтилъ я желаемой порядокъ и благоустройство, во всѣхъ частяхъ оной вами введенныя; съ отмѣнною чувствительностію видѣлъ я знакъ усердія малороссійскаго дворянства, — пріемъ намъ отъ оныхъ сдѣланный. При изъявленіи моей благодарности оному, прошу быть истиннымъ истолкователемъ моихъ чувствованій и расположенія. Въ протчемъ пребываю я вашъ благосклонный.

Подлинное подписано собственною его императорскаго высочества рукою.

Библіографія.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883. XX+651+67. Ц. 2 р.

Почти каждые два года появляется въ свѣтъ новый томъ означеннаго изданія. Въ общемъ составѣ актовъ, изданныхъ коммиссіею, этотъ томъ представляетъ собою *вторую часть актовъ главнаго литовскаго трибунала*, служившаго высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ края.

Въ настоящій томъ вошло 136 документовъ, изъ коихъ 99 относятся *къ исторіи западно-русской церкви*; 23—*къ исторіи евангелической церкви или кальвинизма;* остальные 14 представляютъ *духовныя завѣщанія*. Матеріалы, относящіеся къ исторіи *западно-русской церкви*, начинаются лишь съ половины XVIII вѣка, притомъ значительная часть ихъ касается *экономическаго и юридическаго* положенія духовныхъ учрежденій—монастырей и церквей, которыя нерѣдко подвергались тогда опасностямъ и захватамъ со стороны шляхты въ своихъ имущественныхъ правахъ, а это было время крайняго произвола и безправія въ Рѣчи Посполитой. Въ настоящемъ случаѣ достаточно замѣтить, что, по возникшимъ тогда искамъ, 13 монастырямъ была присуждена значительная по тому времени сумма—144,260 польскихъ злотыхъ, 4,445 талеровъ и 100 червонныхъ злотыхъ. За небольшимъ исключеніемъ, монастыри и церкви, къ которымъ относятся акты, изданные въ разсматриваемомъ томѣ (до 33-хъ), принадлежали уже *уніатскому исповѣданію*. Но унія дѣлала все большіе успѣхи (№ 12), а многочисленные ревнители ея продолжали поддерживать это движеніе новыми, значительными пожертвованіями и дарованіемъ новыхъ льготъ въ пользу ея учрежденій (до 20 актовъ). Чтобы отстоять свое существованіе, православному духовенству приходилось обращаться за помощью къ покровительству

сильныхъ, каковы напр. просьба слуцкаго духовенства (1768 г.), посланная въ Варшаву, бывшему въ то время тамъ генеральному сеймовому маршалу коронной провинціи, князю Карлу Радзивилу, какъ пріемнику слуцкихъ князей, древнихъ фундаторовъ этихъ церквей. Просьба эта состоитъ изъ 26 пунктовъ и обнимаетъ весь экономическій и юридическій бытъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ нихъ касаются произвольныхъ дѣйствій *евреевъ-арендаторовъ*. Чтобы охарактеризовать ближе эти отношенія, укажемъ на одинъ изъ пунктовъ, какъ весьма характерный по своей крайней грубости. Въ отвѣтѣ по этому пункту, князь Радзивилъ объясняетъ, что ему ничего неизвѣстно было о дерзкихъ поступкахъ арендаторовъ-жидовъ, но онъ пошлетъ распоряженіе, чтобы арендаторы не смѣли шарить *въ карманахъ духовенства*, возвращающагося съ дарами послѣ совершенія *требъ*. Въ особомъ пунктѣ духовенство ходатайствуетъ о возвращеніи ему плаца, на которомъ стоялъ прежде судовой домъ, извѣстный подъ названіемъ митрополичьяго, отнятаго управленіемъ князя подъ театръ. Вообще князь Радзивилъ отнесся съ сочувствіемъ къ просьбѣ духовенства и обѣщалъ разсмотрѣть или удовлетворить его желанія.

Второй отдѣлъ актовъ посвященъ состоянію *евангелическихъ общинъ* въ Литвѣ съ начала XVII до первой четверти XVIII стол. включительно. Главнымъ образомъ они также касаются матеріальнаго обезпеченія этихъ общинъ, а самыми ревностными покровителями ихъ нерѣдко являются представители мѣстнаго знатнаго шляхетства (какъ Янъ и Криштофъ Радзивилы и др.). Другіе изъ этихъ актовъ касаются отношеній католицизма къ евангелическому ученію и его послѣдователямъ. Таковы: 1) дѣло о богохульствѣ (1672 г. № 113); 2) дѣло о совершенномъ разрушеніи евангелическаго собора въ Вильнѣ (причемъ церковь, зданія, имущество, даже кладбище были уничтожены или разграблены), произведенномъ іезуитами, студентами академіи, францисканцами, ремесленниками, съ участіемъ даже евреевъ, при явномъ поощреніи городскаго магистрата (№ 116, 1682 года); оно окончилось до извѣстной степени въ пользу потерпѣвшихъ, благодаря участію къ нему короля Яна III (Собѣсскаго); 3) дѣло объ истязаніи должностными лицами управляющаго дворцомъ княж. Радзивиловыхъ, маркграфини занленбургской, 80-ти лѣтняго старика—*кальвиниста* Станислава Словинскаго (1684 г., № 115). Замѣчательно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ лица, наиболѣе виновные и подвергшіеся болѣе строгому приговору (смертной казни), оказались неявившимися въ судъ и потому были осуждены на изгнаніе. Не смотря, однако, на подобныя отношенія двухъ враждебныхъ исповѣданій, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (какъ

приговоръ надъ цѣлою общиною за *стрьляніе въ католическій кругъ*, послѣдствіемъ чего были присужденіе обвиняемыхъ къ смертной казни, конфискація имущества и закрытіе общины), можно было посредствомъ денегъ и записи имущества (въ пользу епископа и мѣстнаго чашника, взявшаго на себя посредничество) достигнуть совершенной отмѣны приговора и возстановленія прежнихъ правъ.

Нельзя не отмѣтить существенной черты въ актахъ, относящихся къ евангелическимъ общинамъ въ Литвѣ: тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ имущественномъ обезпеченіи ихъ, мы постоянно встрѣчаемся съ заботами о школахъ, госпиталяхъ и богадѣльняхъ (№ 103, 106, 118, 119, 120, 121).

Послѣдній отдѣлъ актовъ, заключающій въ себѣ духовныя завѣщанія съ 1612—1797 г., знакомитъ насъ съ потомками древнихъ богатыхъ фамилій вел. кн. Литовскаго, оставшимися вѣрными православію; съ ихъ достатками, отношеніями, міросозерцаніемъ и нравами (напр. въ нихъ говорится о *запздахъ* для удержанія имѣнія въ родѣ, въ случаѣ отступленія отъ вѣры; многочисленная прислуга отпускается на свободу). Лица уніатскаго исповѣданія поручаютъ опекунамъ отослать дѣтей для обученія въ виленскій *іезуитскій коллегіумъ*. Распоряженія послѣдователя евангелическаго ученія отличаются нѣкоторымъ аскетизмомъ въ отношеніи обряда погребенія и т. п. (№ 128). Въ числѣ завѣщаній лицъ *католическаго* исповѣданія обращаютъ на себя вниманіе, болѣе по историческому значенію имени, чѣмъ по содержанію, два духовныхъ завѣщанія двухъ родныхъ братьевъ, маршалка упитскаго повѣта, *Андрея* (1668 года, № 131) и упитскаго же городскаго писаря *Ивана* (1672 г., № 132)—*Курбскихъ Ярославскихъ*, сыновей упитскаго подкоморія Дмитрія и знаменитаго московскаго выходца—князя Курбскаго. Въ этихъ завѣщаніяхъ упоминается о женахъ завѣщателей и сестрѣ ихъ—Аннѣ—Курбской Ярославской, бывшей два раза замужемъ, а также о братаничахъ, но ничего не говорится о третьемъ братѣ, о которомъ Устряловъ сообщилъ свѣдѣнія на основаніи актовъ московскаго архива иностран. дѣлъ, доходящія до 1687 года.

Изъ остальныхъ актовъ этого отдѣла заслуживаетъ вниманія завѣщаніе гетмайора королевскихъ войскъ Эриста Корфа (1680), въ которомъ онъ разсказываетъ всю свою жизнь, полную приключеній, какими отличались тогда люди военнаго сословія, перебывавшіе на службѣ въ разныхъ государствахъ и до конца оставшіеся вѣрными себѣ. Изъ такого же бродячаго элемента, разсѣявшагося по всей Европѣ послѣ тридцатилѣтней войны, набирались офицеры и капралы въ московскія войска, въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ разсмотрѣннаго нами тома *виленскихъ* актовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они знакомятъ съ весьма выдающимися сторонами тогдашняго политическаго и общественнаго быта Западной Россіи; но, кромѣ того, они представляютъ значительный юридическій интересъ, котораго мы не считали нужнымъ касаться здѣсь въ отдѣльности. Къ настоящему тому приложены указатели: личныхъ именъ, географическихъ названій и предметовъ.

В. И.

Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г.—Замостье.

Церковныя братства пользуются у насъ столь малою извѣстностію, что нельзя говорить о дѣятельности какого либо изъ нихъ, не коснувшись, такъ сказать, его исторіи, не сказавши о его происхожденіи и судьбѣ, а подъ часъ и о мѣстѣ, въ которомъ оно находится. Скажемъ по этому нѣсколько словъ о братствѣ замостьскомъ прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію его отчета.

Исторія замостьскаго братства и очень коротка, если разумѣть его въ нынѣшнемъ его видѣ, и очень длинна, если говорить объ немъ, какъ вообще о религіозно-благотворительномъ учрежденіи г. Замостья: въ нынѣшнемъ видѣ братство существуетъ лишь съ 1876 г., а какъ братство вообще оно ведетъ свое начало съ конца XVI в.

Замостье, какъ извѣстно, находится въ люблинской губерніи, въ привислянскомъ краѣ. Не смотря на то, что край этотъ доселѣ еще удерживаетъ названіе Царства Польскаго, территорія замостьская искони занята была русскимъ населеніемъ и въ офиціальныхъ польскихъ актахъ XIV ст. носитъ названіе Руси. Во второй половинѣ XVI ст., въ полуверстѣ отъ нынѣшняго города, гдѣ нынѣ одно изъ его предмѣстій, такъ называемая Новая Осада, было чисто русское населеніе, имѣвшее у себя церковь Вознесенія Господня, а при ней братство, шпиталь и школу. Графъ Янъ Замойскій, заложивши близъ этого мѣста въ 1580 г. городъ, названный его именемъ, исхлопоталъ отъ короля и далъ отъ себя нововозникавшему городу разныя льготы торговыя, а это привлекло къ нему скоро множество поселенцевъ, главнымъ образомъ торговаго люда. Въ числѣ ихъ преобладали греки и русскіе, и они-то на первыхъ порахъ своего поселенія построили здѣсь церковь во имя св. Николая, уцѣлѣвшую и доселѣ, а при ней учредили братство, утвержденное грамотою Гедеона Балабана, епископа львов-

скаго 1600 г. Братство это, возникшее и развившееся подъ вліяніемъ охраны вѣры и народности русской отъ посягательства латино-польской пропаганды, болѣе ста лѣтъ вело съ нею упорную борьбу и измѣнило вѣрѣ отцевъ лишь къ концу первой четверти XVIII в., а свое существованіе въ измѣненномъ видѣ прекратило на нашихъ глазахъ, когда не стало ни одного почти уніата въ приходѣ древней никольской церкви, а существовалъ при ней только по имени уніатско-русскій, на самомъ же дѣлѣ польско-католическій монастырь.

Такова вкратцѣ судьба древняго замостьскаго братства; оно имѣло свою исторію и въ нашихъ рукахъ нѣсколько записей его, свидѣтельствующихъ о его дѣятельности. Нынѣшнее замостьское братство, котораго послѣдній годичный отчетъ предъ нами, учреждено, какъ выше сказано, въ 1876 г. Учрежденіе его, какъ писалъ намъ въ свое время его первый предсѣдатель, было осуществленіемъ проэкта учрежденія братства въ г. Холмѣ, представленнаго тамошнимъ православно-уніатскимъ обществомъ епархіальному начальству еще въ 1871 г., но неутвержденнаго по обстоятельствамъ тогдашней нашей политики относительно уніатовъ. Въ 1875 г. послѣдовало, какъ извѣстно, возсоединеніе уніатовъ Царства Польскаго съ православною церковью, и новый архіепископъ холмско-варшавскій самъ указалъ замостьскому русскому обществу на осуществленіе проэкта, задуманнаго въ Холмѣ, гдѣ братство открыто лишь два года назадъ сему. Тамъ и здѣсь братства являются не новыми учрежденіями, а возстановленіемъ того, что существовало цѣлыя столѣтія, мѣнялось и погибло подъ давленіемъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ религіозно-національной борьбы. И если вникнуть въ причины, вызвавшія возстановленіе этихъ братствъ, то окажется, что онѣ одинаковы почти съ тѣми, которыя вызвали къ первоначальной жизни эти учрежденія въ давно прошедшее время. Таже борьба за духовное существованіе, за цѣлость вѣры и народности нашей и тѣ-же посягательства на нее, и тѣ-же вѣковые факторы этой борьбы. Вся разница лишь въ томъ, что противная намъ сторона утратила совершенно политическую свою силу, но выросла традиціею и совершенными ею на нашъ счетъ завоеваніями и что прежде намъ надо было охранять отъ систематическаго подавленія православіе и народность, а теперь надо возводить ихъ изъ состоянія совершеннаго упадка, подкрѣплять и поддерживать и способствовать постепенному ихъ росту. Вѣковое зданіе народной жизни нашей на этой окраинѣ, подъ напоромъ историческихъ бурь, рухнуло и теперь надо воздвигать его изъ обломковъ отъ самаго почти основанія. Такова здѣсь задача всего нашего общества, такова въ частности и въ миньятюрѣ задача и названныхъ нами братствъ!

Мы имѣли случай говорить о томъ, какъ стремится къ этой задачѣ братство холмское, судя по его отчету за минувшій годъ; теперь намъ приходится говорить о дѣятельности въ этомъ отношеніи братства замостьскаго.

Само оно говоритъ, что дѣятельность его въ отчетномъ году выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ назначеніи пособій, въ видѣ премій, учителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ, наиболѣе ревностно относящихся къ дѣлу народнаго образованія въ русскомъ направленіи и содѣйствующимъ къ укрѣпленію возсоединившихся уніатовъ въ православіи; 2) въ поощреніи, выдачею премій, псаломщиковъ особенно усердно занимающихся обученіемъ церковному пѣнію и устройствомъ хоровъ въ приходскихъ церквахъ; 3) въ оказаніи пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ народныхъ училищъ, прилежно посѣщающимъ школу и церковь, въ особенности участвующимъ въ церковныхъ хорахъ, а также въ оказаніи пособій ученикамъ ремеслъ; 4) въ выдачѣ пособій бѣднѣйшимъ православнымъ изъ крестьянъ; 5) въ распространеніи въ народной средѣ православныхъ крестиковъ, образковъ, иконъ и пр.».

Въ приведенныхъ словахъ и программа братства и ея выполненіе. Послѣднее вызвало со стороны братства расходъ въ 584 р. 91 к., изъ которыхъ 150 р., розданные бѣднымъ въ церквахъ замостьскаго благочинія, въ день коронаціи, составляютъ расходъ экстраординарный, остальные—обыкновенный. Сверхъ денежныхъ выдачъ, братство роздало 3800 экземпляровъ изображеній Кирилла и Меѳодія, брошюръ о божественной литургіи и какихъ-то картинъ патріотическаго содержанія, а также продало по уменьшенной цѣнѣ болѣе 3500 крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и проч. Премін и пособія братства шли въ размѣрѣ отъ 2 до 30 р. Учителямъ выдано 150 р., псаломщикамъ 150 р., ученикамъ 77 р. 91 к. и бѣднымъ крестьянамъ 57 р. Общій приходъ братства, съ остаткомъ отъ предъидущаго года, составлялъ 4,446 р. 21 к., а расходъ 3,984 р. 81 к. Братство имѣетъ, кромѣ того, каменный 2-хъ этажный съ флигелемъ домъ, дающій 600 р. годоваго дохода, запасной капиталъ въ 3000 р. и лавку, стоимостью въ 1350 р. 18 к.

Если принять во вниманіе, что это существуетъ на отдаленной западной окраинѣ, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ и держится горстью служащихъ тамъ русскихъ, то нельзя не признать самаго факта въ высокой степени отраднымъ, а дѣятельности трудящихся весьма почтенною. Какъ-бы ни были малы средства этого небольшаго кружка русскихъ людей, какъ-бы ни была ограниченна ихъ дѣятельность, она имѣетъ глубокія историческія основанія, цѣль ея высоко патріотическая и нельзя не относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ и живѣйшимъ сочувствіемъ.

Тѣмъ отраднѣе намъ видѣть эту скромную дѣятельность, что она служитъ продолженіемъ давно замершей на этой окраинѣ русской жизни.

Присматриваясь нѣсколько ближе къ этой дѣятельности, какъ она очерчивается сухимъ и краткимъ отчетомъ, не можемъ не высказать относительно ея нѣсколько замѣчаній, надѣясь, что совѣтъ братства не усмотритъ въ нихъ ничего болѣе, кромѣ полнаго уваженія къ его высокой задачѣ, какимъ, конечно, и самъ онъ проникнутъ.

Сопоставляя эту задачу съ дѣятельностію братствъ, какъ она имъ самимъ показана, и тѣми средствами, какія оно избрало на это только или и на дальнѣйшее время, мы можемъ сказать, что между ними нѣтъ полнаго соотвѣтствія, что братство не исчерпываетъ возможныхъ для него въ избранномъ направленіи дѣйствій, что нѣкоторыя изъ его средствъ расходуются безъ особой нужды, иныя недостаточны для преслѣдуемыхъ цѣлей и вообще не показываютъ, чтобы братство было во всеоружіи своихъ средствъ, а быть можетъ и въ полномъ живомъ сознаніи своихъ священныхъ обязанностей. Подтвердимъ это доказательствами, изъ отчета взятыми, въ связи съ другими доступными намъ свѣдѣніями.

Братство не указываетъ района своихъ дѣйствій, но по нѣкоторымъ даннымъ отчета догадываться можно, что этотъ районъ ограничивается предѣлами замостьскаго благочинія, или что то-же замостьскаго уѣзда, такъ какъ тамъ уѣзды небольшіе и заключаютъ въ себѣ по одному лишь благочинію. Дѣйствуя въ этомъ районѣ въ видахъ поддержанія и укрѣпленія православія и русской народности, братство проявило свою дѣятельность выдачею премій хорошимъ учителямъ, хорошимъ псаломщикамъ и хорошимъ ученикамъ, выдачею пособій бѣднымъ крестьянамъ, безплатною раздачею и продажею по уменьшенной цѣнѣ крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и пр.

Собственно говоря, дѣятельности тутъ не много: братство собираетъ и распредѣляетъ деньги, какъ ему кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Конечно, и это заслуга; но главное въ томъ, на что обратить собранныя средства. Братство назначаетъ преміи учителямъ и какъ-бы говоритъ имъ: вы дѣйствуйте за меня,—учите въ русскомъ направленіи, содѣйствуйте укрѣпленію возсоединившихся въ православіи, а я буду давать вамъ за это деньги. Конечно для бѣднаго сельскаго учителя, при жалованьи въ 150 и много 200 р. въ годъ,—находка и 30 и 20 р.,—выше этой нормы братство не идетъ; но во 1-хъ мы не можемъ представить себѣ тамошняго учителя дѣйствующимъ въ направленіи не русскомъ, во 2-хъ аттестацію дѣйствующихъ въ задачахъ братства учителей оно получаетъ отъ начальника учебной дирекціи, а не по непосредственному наблюденію, начальникъ-же учебной дирекціи, по огромному

числу училищъ и учителей (ихъ тамъ до 400), едва-ли въ состояніи видѣть каждаго изъ нихъ и одинъ разъ въ годъ, а въ 3-хъ въ распоряженіи начальника учебной дирекціи есть значительная сумма (2 т. р. въ годъ), назначаемыя главнымъ образомъ на награды и пособія учителямъ, не считая остаточныхъ училищныхъ суммъ, въ холмской дирекціи довольно иногда значительныхъ. Мы, конечно, не противъ этого расхода, крайне при томъ ограниченнаго, но думаемъ, что учебная дирекція и училищныя общества располагаютъ гораздо большими средствами для награжденія и поощренія учителей, нежели братство, и если послѣднее само указываетъ въ отчетѣ на ограниченность своихъ средствъ, то не естественнѣе-ли было-бы ему, устроивъ, за посредствомъ своихъ членовъ, наблюденіе надъ состояніемъ сельскихъ училищъ, самому рекомендовать дирекціи и училищнымъ обществамъ дѣйствующихъ съ особымъ успѣхомъ въ цѣляхъ братства учителей, ходатайствуя объ ихъ награжденіи.

Братство назначало въ такихъ-же размѣрахъ преміи псаломщикамъ за обученіе церковному пѣнію и устройство хоровъ. Нечего и говорить о томъ, что оно имѣетъ въ семъ случаѣ вѣрный взглядъ на дѣло: хорошее, благоговѣйное пѣніе скорѣе всѣхъ другихъ средствъ привлечетъ къ церкви отпатнувшихся тамъ во множествѣ прихожанъ; оно одно въ состояніи было-лы прекратить воздыханія о вынесенныхъ изъ церквей органахъ. Справедливо и то, что обученіе церковному пѣнію и устройство церковныхъ хоровъ лежитъ на прямой обязанности псаломщиковъ и что всякій трудъ въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ особаго поощренія. Мы не доумѣваемъ только, не видя въ столь важномъ дѣлѣ участія учителей, которые въ прежнее время одни несли на себѣ этотъ трудъ, были въ большинствѣ нарочито къ этому подобраны, подготовлены и снабжены всѣми необходимыми средствами. Опять-же и въ этомъ случаѣ братство дѣйствуетъ не по собственному наблюденію, а по указанію благочинныхъ, и въ своемъ краткомъ отчетѣ ничего не говоритъ о дѣйствіяхъ награжденныхъ имъ за этотъ полезный трудъ. Понятно, что, располагая малыми средствами, братство должно сообразовать свои дѣйствія въ этомъ отношеніи съ дѣйствіями другихъ учрежденій, особливо съ дѣйствіями школы, гдѣ пѣніе вообще и въ частности церковное—предметъ обязательный.

Братство давало пособія бѣднѣйшимъ учащимся; но и частные размѣры этихъ пособій (2 и 3 р.) и общая ихъ сумма (77 р. 71 к.) такъ незначительны, что едва-ли этимъ сколько-нибудь удовлетворена дѣйствительная потребность такого рода въ избранномъ братствомъ районѣ, и особливо, если принять въ разсчетъ, что большая половина общей суммы (39 р. 91 к.) выдана въ однѣ руки — окончившему курсъ про-

гимназіи. Братство, какъ-бы въ поясненіе столь крупнаго по его средствамъ расхода, прибавило въ отчетѣ, что это бывшій его воспитанникъ, и хотя изъ этого случайнаго указанія можно было-бы заключать, что братство имѣетъ своихъ воспитанниковъ, но никакихъ другихъ указаній и расходовъ на этотъ предметъ въ отчетѣ не находимъ. Намъ припоминается при этомъ, что въ Замостьѣ, въ слѣдъ за учрежденіемъ тамъ въ 1867 г. мужской прогимназіи, была учреждена на частныя средства усиліями лицъ учебнаго вѣдомства квартира для бѣдныхъ учениковъ, въ которой до 30-ти дѣтей, преимущественно крестьянскаго званія, получали полное содержаніе квартирою, столомъ, одежею и обувью, книгами и учебными пособіями, пользуясь кромѣ того особымъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ; съ такимъ-же содержаніемъ и числомъ учениковъ, учреждена была квартира въ сосѣднемъ г. Грубешовѣ при тамошней прогимназіи, а позже въ самомъ Холмѣ для учениковъ изъ галичанъ, поголовно бѣдныхъ. Цѣль этихъ квартиръ была привлечь въ прогимназіи и для дальнѣйшаго образованія дѣтей кореннаго русскаго населенія, дотолѣ задавленнаго и на половину ополяченнаго, утратившаго по мѣстамъ даже сознаніе своей народности. Гдѣ теперь эти учрежденія и что съ ними? Число русскихъ теперь тамъ больше, сознаніе ихъ можетъ быть крѣпче, а дѣятельность ихъ, по видимому, уже, слабѣе и жертвы ихъ на то же дѣло значительно меньше. — Въ числѣ получившихъ пособіе отъ братства учащихся значится особо два ученика *ремесль*. — Что это? какая связь ремеслъ съ задачами братства? Былъ, помнится, года четыре назадъ, циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о введеніи и въ тамошнихъ училищахъ обученія ремесламъ. Не этимъ ли циркуляромъ навѣяна братству мысль поощрять ремесла .. въ видахъ укрѣпленія православія и народности русской?

Братство выдавало пособія и нуждающимся изъ крестьянъ, и хотя сумма этихъ пособій крайне ничтожна, но кто знаетъ безпомощность нашего сельскаго люда и его безденежье, тотъ не откажетъ въ нѣкоторомъ значеніи и этой скудной братской лептѣ.

Безмездная раздача, равно и продажа по уменьшеннымъ цѣнамъ крестиковъ, иконъ, разныхъ изображеній, молитвенниковъ и брошюръ также имѣетъ значеніе въ цѣлой системѣ дѣйствій, направленныхъ къ одной извѣстной цѣли; но трудно судить о степени пригодности вообще этой мѣры, не имѣя для этого никакихъ данныхъ въ отчетѣ. Тутъ напримѣръ говорится: разослано въ приходы благочиній замостьскаго, грубешовскаго и томашевскаго для безмездной роздачи крестьянамъ столько-то такихъ-то иконъ, брошюръ и картинъ, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ и гдѣ они раздавались, какъ принимались и употреблялись

и были-ли гдѣ-либо спрашиваемы кѣмъ-либо изъ народа. Нѣтъ также свѣдѣній и о томъ, кѣмъ покупались по уменьшенной цѣнѣ крестики, образки, иконы, молитвенники и пр.—самимъ-ли народомъ, или разными его благожелателями и просвѣтителями, раздававшими потомъ безмездно то, что покупалось за незначительную цѣну. Не довольно пріобрѣтать что либо на собранныя средства и раздавать безплатно, но надо быть увѣреннымъ, что даваемое желательно для тѣхъ, кому оно дается, что оно принимается ими охотно, употребляется сообразно цѣли дающаго, приноситъ имъ извѣстную пользу и т. под. Намъ кажется, что братство замостьское, какъ и холмское, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по предвзятой мысли и желаетъ привить тамошнему населенію то, что a priori, или по аналогіи признаетъ для него необходимымъ, какъ напр. обычай ношенія крестиковъ и образковъ на шеѣ, вовсе тамъ неизвѣстный, или почитаніе славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, которыхъ отчетъ братскій называетъ даже прямо св. апостолами, но которыхъ память, не смотря на многія и долгія усилія, никакъ не можетъ привиться въ средѣ русскаго народа. Въ раздачѣ книгъ, брошюръ и картинъ такъ называемаго патріотическаго содержанія, судя по нѣкоторымъ ихъ названіямъ, братство едва ли руководится чѣмъ-либо инымъ, кромѣ евангельскихъ словъ: *туне пріясте, туне дадите*... Братство холмское пришло къ счастливой мысли составленія и изданія брошюръ, приспособленныхъ къ положенію, понятіямъ и обычаямъ тамошняго населенія, но пока издало одну только брошюру и на томъ остановилось. Не поможетъ-ли ему братство замостьское?

Въ разсматриваемомъ нами отчетѣ, въ числѣ доходныхъ статей, обращаютъ на себя вниманіе собственный домъ братства и лавка, гдѣ рядомъ съ церковными вещами продаются чай, стеариновыя свѣчи и еще какой-то мелочный товаръ, о названіи котораго благоразумно умолчано.

Число членовъ братства весьма значительно: 12 почетныхъ и 223 дѣйствительныхъ; но цифра членскихъ взносовъ, даже съ единовременными пожертвованіями, составляетъ едва 187 р. 90 к., при членскомъ взносѣ въ 5 р. Что это значитъ, догадаться не трудно.

Число членовъ совѣта братства 12-ть,—втрое больше, чѣмъ въ древнихъ братствахъ. И все это лица учебнаго вѣдомства и священники; лицъ военнаго вѣдомства, всегда здѣсь многочисленнаго, равно чиновниковъ гражданскихъ совсѣмъ нѣтъ. Почему такъ? Значитъ-ли это, что они не сочувствуютъ цѣли и задачамъ братства, или только постановкѣ его дѣятельности?

Пожелаемъ отъ души братству увеличенія его *дѣйствительныхъ* членовъ и болѣе цѣлесообразной системы дѣйствій.

Посторонній.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ АРХІЕПИСКОПѢ МОГИЛЕВСКОМЪ И МСТИЛАВСКОМЪ АНАТОЛІѢ.

Судьба привела меня встрѣтиться на своемъ жизненномъ поприщѣ съ человѣкомъ преисполненнымъ лучшихъ душевныхъ качествъ и христіанскихъ добродѣтелей. Человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ архіепископъ могилевскій и мстиславскій Анатолій (Мартиновскій). Періодъ моего знакомства съ нимъ и весьма близкихъ отношеній, какъ его личнаго врача и какъ врача устроеннаго имъ въ губернскомъ городѣ Могилевѣ пріюта для дочерей священниковъ, продолжался съ 1848 года по 1856 г. Восемь лѣтъ постоянныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ достойнымъ пастыремъ, положили въ душѣ моей то неизмѣнное убѣжденіе въ высоко-нравственной натурѣ его, которое остается въ не помрачаемой чистотѣ на всю мою жизнь. Служебное назначеніе заставило меня выѣхать въ 1856 г. изъ Могилева и навсегда потерять высокопреосвященнаго Анатолія. По газетнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно было, что въ 1860 г. онъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ служебныхъ обязанностей и получилъ назначеніе пребывать на покоѣ въ одномъ изъ монастырей своей родины—въ каменецъ-подольской губ. И такъ послѣ 16-ти-лѣтняго служенія въ Могилевѣ онъ переселился на югъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ въ послѣднее время я прочелъ во 2-мъ томѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Архіерейскія пегали“, нѣкоторыя свѣдѣнія о достойномъ архипастырѣ и, въ дополненіе къ біографическимъ подробностямъ объ немъ, рѣшаюсь высказать свой взглядъ на

эту вполнѣ замѣчательную личность. Начну съ того, что преосвященный Анатолій былъ глубокій мыслитель и дѣйствительно весь проникнутъ любовью къ своей паствѣ. При многочисленныхъ занятіяхъ своихъ по дѣламъ епархіи онъ ревностно посвящалъ свои труды на богослуженіе и поученіе народа въ проповѣдяхъ церковныхъ. Его особенное вниманіе было обращено на послѣдователей раскола. Въ часы продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ преосвященнымъ, мнѣ приходилось много разъ выслушивать изъ устъ его многія посланія, съ которыми онъ обращался къ *вѣтковскимъ* раскольникамъ. Названіе вѣтковцевъ происходитъ отъ имени с. „Вѣтка", могилевской губ. въ которой сконцентрировалось издавна поселеніе раскольниковъ. Неизвѣстно мнѣ, были-ли всѣ эти труды Анатолія напечатаны. Многія изъ этихъ посланій преосвященный прочитывалъ мнѣ тотъ часъ послѣ того, какъ онѣ являлись изъ подъ его неустаннаго пера. Надобно было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя отличались силою убѣжденія и поражали, такъ сказать, въ самое сердце неправильно мыслящихъ отщепенцевъ православія.

Въ домашней жизни преосвященнаго я всегда видѣлъ самую строгую, суровую монашескую обстановку. Пища самая простая—по преимуществу щи и каша; никакой потребности у него не было ни въ лакомствахъ, ни въ винѣ; иногда, очень рѣдко онъ позволялъ себѣ фрукты. Обыкновенно онъ обѣдалъ на томъ-же столѣ, за которымъ занимался писаніемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Этотъ столъ былъ длиною въ 2 сажени и весь заложенъ книгами, исписанными бумагами и консисторскими дѣлами. Къ обѣду разчищалось небольшое пространство между горами учености, и на свободномъ мѣстѣ ставилась простая, часто глиняная мисочка, и одна или двѣ тарелки. Вотъ образецъ той скромной трапезы, которою неизмѣнно довольствовался благочестивый пастырь. Въ жизни своей я много видѣлъ лицъ, занимавшихъ тотъ-же почетный постъ, какъ и преосвященный Анатолій, но нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчалъ. Такой образъ питанія, безъ сомнѣнія, обусловливался хорошими силами желудка, и дѣйствительно, преосвященный никогда не страдалъ разстройствомъ какимъ-либо въ системѣ органовъ пищеваренія. Вообще здоровье его, не смотря на преклонныя лѣта (тогда ему было за 60 лѣтъ), всегда было въ очень хорошемъ поло-

женіи. Изрѣдка страдалъ онъ отъ простуды лихорадкой и ревматизмомъ. Смѣжно съ его рабочимъ кабинетомъ была комната для ночнаго отдохновенія, также блистающая своею простотою, доходившею до степени невѣроятной. Жесткое ложе, не затѣйливый покровъ, одна подушка — вотъ тѣ атрибуты, которыми пользовался смиренный инокъ.

Высокою чертою души преосвященнаго Анатолія была любовь къ ближнему, которая проявлялась въ разнообразныхъ формахъ: при своихъ весьма ограниченныхъ средствахъ—онъ охотно помогалъ просившимъ у него пособія, заботился объ ученикахъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ училищъ. Апотеозомъ его любви къ человѣчеству можно назвать созданное его трудами и заботами училище, подъ названіемъ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ. Училище это помѣщалось за городомъ при небольшомъ женскомъ монастырѣ. Дѣти принятые въ училище содержались вполнѣ добросовѣстно, получали соотвѣтственное образованіе и въ особенности занимались различными женскими работами, рукодѣліемъ. Окружающая природа дополняла хорошую обстановку и дѣлала пріютъ самымъ благотворнымъ учрежденіемъ. Почти еженедѣльно, а иногда и чаще, преосвященный ѣздилъ туда, приглашая нерѣдко и меня съ собой, какъ врача этого пріюта. Всю дорогу, верстъ 5, туда и обратно онъ говоритъ, бывало, съ особеннымъ оживленіемъ о любимомъ своемъ пріютѣ. Не разъ и меня многогрѣшнаго поучалъ своими замѣчаніями въ какомъ-нибудь недосмотрѣ, въ легкомъ упущеніи. Вся душа его, казалось, была поглощена постоянною мыслью объ училищѣ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я разскажу слѣдующій случай. Однажды, среди многихъ занятій, я забылъ извѣстить его объ нѣсколькихъ больныхъ дѣтяхъ въ пріютѣ—и на другой день получаю большое посланіе отъ него, въ которомъ онъ горячо упрекалъ меня въ забвеніи своего долга. Какъ теперь помню его слова, которыми начиналось это письмо: „тревожусь, мучаюсь, терзаюсь, не получая отъ васъ извѣстія о больныхъ“. Только у любящаго отца готовы вырваться такія слова, когда врачъ почему либо замедлитъ съ извѣстіемъ о дорогомъ дѣтищѣ. Сколько я помню, преосвященный отдавалъ на содержаніе пріюта свой литературный гонораръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы преосвященный жилъ на дачѣ, въ селѣ Печерскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Могилева. Архіерейское помѣщеніе тутъ состояло изъ небольшаго дома, въ 5 комнатъ, съ обстановкою также очень простою. Домъ былъ окруженъ садомъ. Въ саду никакой претензіи на искусственную отдѣлку; въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни дорожекъ; скорѣе его можно назвать не садомъ, а природною небольшою рощицею. Подъ горой бѣжала небольшая рѣченка и поставленная на ней водяная мельница однообразнымъ шумомъ своимъ прерывала по вечерамъ глубокое молчаніе деревенскаго затишья. Здѣсь, среди полнаго уединенія, проводилъ свои трудническія дни за учено-литературной работой неутомимый дѣятель православія.

Желая дать себѣ необходимый часовой отдыхъ отъ умственныхъ занятій, онъ нерѣдко садился за мольбертъ и рисовалъ картины по преимуществу духовнаго содержанія. Живописныя работы свои преосвященный разсылалъ въ бѣднѣйшіе сельскія церкви своей епархіи. И тутъ онъ былъ все та-же вѣчно трудящаяся пчела, которая сбираетъ медъ—не для себя!.. *Sic vos non vobis...*

Въ сношеніяхъ своихъ съ городскимъ обществомъ преосвящ. Анатолій представлялъ образецъ самаго миролюбиваго и благосклоннаго человѣка, не смотря на различіе религіозныхъ исповѣданій членовъ его. Населеніе Могилева весьма разнообразно: кромѣ преобладающаго православнаго элемента въ немъ было значительное число католиковъ и еще болѣе евреевъ. Мы имѣемъ всѣ очевидныя доказательства, что глубокое уваженіе оказывалось преосвященному, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны еврейскаго населенія. Въ Могилевѣ существовало въ мое время, да вѣроятно существуетъ и теперь особое духовно-правительственное учрежденіе, такъ называемая духовно-католическая консисторія, во главѣ управленія которой состоялъ весьма заслуженный прелатъ *Ласки*. Какъ съ прелатомъ лично, такъ и съ другими сочленами его и прочимъ католическимъ духовенствомъ города, преосвященный держалъ себя въ такихъ отношеніяхъ, которыя были и должны были быть единственнымъ всепримиряющимъ мотивомъ при встрѣчахъ съ той и другой стороны. Эта прекрасная черта у преосвященнаго Анатолія вызывала сама по себѣ исключительное уваженіе, съ которымъ

относилось къ нему все католическое общество отъ высшихъ до низшихъ степеней его.

Къ своему подчиненному обществу духовнаго званія преосвященный Анатолій былъ всегда доступенъ, внимателенъ къ ихъ нуждамъ и неизмѣнно отстаивалъ съ необыкновенной энергіей всѣ ихъ интересы, основанные на законѣ. О судьбѣ сельскаго духовенства онъ заботился съ любовью отца. Въ особенности его всегда глубоко разстроивали дѣла по жалобамъ помѣщиковъ (тогда крѣпостное право было еще во всей силѣ) на своихъ сельскихъ священниковъ. Всякая подобная жалоба вызывала въ немъ тяжелую душевную борьбу. Онъ вполнѣ сознавалъ, что передвиженіе священника съ мѣста его жительства на другое есть всегда тяжелое наказаніе для него лично и для семьи, и потому въ виду этого обстоятельства старался, въ случаѣ неизбѣжности перевода, сдѣлать его въ такомъ родѣ, чтобы онъ не носилъ на себѣ характера наказанія, а скорѣе поощренія, если владыка былъ убѣжденъ въ правотѣ священника. Поступая такимъ образомъ, преосвященный выигрывалъ душевно вдвойнѣ: неуживчивый, претендательный помѣщикъ вполнѣ былъ удовлетворенъ, а переводимый священникъ нисколько не терялъ въ своихъ интересахъ.

Преосвященный очень хорошо понималъ, что отстаивать священника передъ помѣщикомъ было-бы напрасно: рано или поздно его настойчивость взяла-бы верхъ и только усугубила-бы всѣ невзгоды бѣднаго, гонимаго служителя православной церкви. Защита своихъ подчиненныхъ ставила всегда преосвященнаго въ глубокое раздумье: онъ всею душею болѣлъ за невинно преслѣдуемыхъ священниковъ и еще болѣе скорбѣлъ, если обвиненіе со стороны помѣщиковъ оказывалось справедливымъ и требовало отъ владыки законнаго удовлетворенія просьбамъ землевладѣльца.

Такова была въ сущности тружеическая жизнь многоуважаемаго пастыря, истиннаго печальника за русскую православную церковь! Съ чувствомъ глубокаго удовольствія, вѣроятно, прочли всѣ знавшіе преосвященнаго Анатолія тѣ не многія воспоминанія объ немъ, которыя впервые показались на страницахъ „Кіевской Старины“. Говоря откровенно, надобно сказать, что жизнь преосвященнаго Анатолія Мартыновскаго заслуживаетъ глубокаго уваженія, и въ назиданіе русскому обществу какъ духовному, такъ и свѣт-

скому, слѣдовало-бы передать ее въ печати съ большими подробностями. Желательно, чтобы и другія лица, близко стоявшія по служебному посту, по общественнымъ отношеніямъ къ покойному пастырю, откликнулись на вызовъ „Кіевской Старины".

Если я сказалъ, какъ частный человѣкъ, правдивое искреннее слово—въ память незабвеннаго борца за православіе, то это было слѣдствіемъ невольнаго душевнаго порыва, живымъ голосомъ сердца, преисполненнаго уваженіемъ къ несомнѣннымъ заслугамъ предъ русскимъ обществомъ блаженной памяти преосвященнаго архіепископа могилевскаго и мстиславскаго Анатолія.

Д-ръ мед. **Н. Пирожковъ.**

1883 г. іюня 9 дня.
Г. Ярославль.

ПОДОЗРѢНІЕ, ВЗВЕДЕННОЕ НА ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ, ВЪ ОТРАВЛЕНІИ ВОДЫ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1848 Г.

Люди обыкновенно ищутъ источника своихъ общественныхъ бѣдствій не тамъ, гдѣ онъ въ дѣйствительности находится. Правильное сопоставленіе явленій, въ особенности сходныхъ, каковы общественныя бѣдствія, и ихъ причинъ достигается медленнымъ процессомъ, часто мучительнымъ какъ для ищущихъ связи явленій, такъ въ особенности для тѣхъ, въ которыхъ они видятъ корень зла.

Взять хоть-бы такое физическое общественное бѣдствіе, какъ эпидеміи. Первоначально эпидемическія болѣзни приписывались духовнымъ существамъ, которыя однимъ своимъ появленіемъ вносили заразу (сербское Мора, польско-литовское—Morowa dziewica, наша Мара—моръ). Затѣмъ эпидеміи объясняли чародѣяніями людей (упырей и вѣдьмъ), вступавшихъ въ извѣстныя сношенія съ духами. Наконецъ стали дѣлать болѣе реальныя объясненія, но все таки далекія отъ истины, приписывая заразу отравленію источниковъ злонамѣренными людьми; при этомъ въ объясненія вводили политическій элементъ. Такъ, на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ населеніе знакомо съ эксплуататорской дѣятельностью англичанъ, крестьяне приписывали послѣднюю холеру *англичанкѣ*, т. е. говорили, будто-бы англійская королева нанимала людей, чтобы отравлять воду и тѣмъ причинять болѣзнь. Въ Слободской Украйнѣ, какъ можно убѣдиться изъ излагаемаго ниже, холеру приписывали отравленію источниковъ.

Замѣчательно, что уѣздныя полицейскія власти не только раздѣляли народное воззрѣніе на причину холеры, но даже въ существованіи ея видѣли (подобно нынѣшнимъ дальновиднымъ политическимъ прорицателямъ) участіе польской справы. Но приступимъ прямо къ изложенію дѣла.

Сивашская экономія помѣщика, конной артиллеріи штабсъ-капитана, Виктора Федорова сына Лихачова, 30 іюня 1848 года, представила становому приставу 1-го стана зміевского уѣзда трехъ человѣкъ, мужчину, женщину и ребенка, съ такимъ донесеніемъ: „взятый въ сивашовской экономіи праздно проѣзжающаго нѣсколько разъ по деревнѣ Сиваше, показующій себя служащимъ офицеромъ, а послѣ того неслужащимъ дворяниномъ, и при немъ по его неоднорѣчію называемая разъ матерью, а въ другой разъ женою, и при нихъ малолѣтнее дитя! человѣкъ съ лошадью, упряжью и повозкою, съ разными въ повозкѣ поклажами, неизвѣстными экономіи— не имени и фамиліи онъ нѣ себѣ, нѣ женщинѣ не объяснилъ, которой при семъ къ вашему благородію посылается, сивашовская экономія покорнѣйше просить ваше благородіе представляемаго при семъ неизвѣстнаго человѣка, съ старою женщиною и малолѣтнымъ дѣтямъ, принять подъ ваше строжайшее наблюденіе—потому что: при взятіи его въ господской дворъ онъ угрощалъ такъ: „не живъ развѣ буду я, чтобы не лешилъ жизни экономическаго писаря, дай самой этой проклятой экономіи! А потому экономія имѣетъ теперъ весьма большое на него подозрѣніе; таковаго мнимаго человѣка, какъ можно предохранитѣ вашимъ строгимъ приказомъ, гдѣ онъ будетъ находиться подъ арестомъ, сивашскую экономію, и не оставьте ваше благородіе представленіемъ подлинникомъ сего объявленія въ зміевской земской судъ". Прикашикъ Захарій Кравченко, а за неграмотнаго подписалъ экономическій писарь Колосовъ.

На слѣдующій день сивашская экономія дополнила первоначальное извѣщеніе донесеніемъ, что „эти человѣкъ и женщина, проѣзжая нѣсколько разъ по деревнѣ Савашу, и тотъ-же день безъ всякой надобности, гдѣ-бы не былъ въ деревнѣ Сиваше колодязъ, подходили къ онымъ, засматривали; даже были и у прудовъ, безъ всякой надобности, и вѣроятно не съ благонамѣренною цѣлію".

Тотчасъ по отправленіи становымъ приставомъ въ зміевской земской судъ представленныхъ сивашовскою экономіею подозритель-

ныхъ людей, которые называли себя Адамомъ и Варварой Лотецкими, прибыли въ становую квартиру прикащикъ и писарь экономіи Лихачева и объявили, что въ деревнѣ господина ихъ Сивашовкѣ пойманы такіе-же люди въ одинаковомъ экипажѣ съ тѣми, которые ими представлены, и тоже женщина, мужчина и мальчикъ, которые, безъ всякой надобности остановясь въ той деревнѣ, ходили къ устроеннымъ тамъ колодезямъ и ими взяты и отправлены въ станъ съ десятникомъ, но ѣдучи дорогою они ихъ нигдѣ не догнали. Вслѣдствіе этого приставомъ были тотчасъ посланы полицейскіе соцкіе по разнымъ дорогамъ для преслѣдованія указанныхъ людей, но нигдѣ ихъ не отыскали. Одинъ изъ возвратившихся соцкихъ заявилъ становому, что онъ, розыскивая тѣхъ людей, былъ въ селѣ Верхней-Берскѣ и когда объявлялъ въ сельскомъ управленіи, чтобы принять мѣры къ поимкѣ, то находившіеся тамъ на ночлегѣ, препровождавшіеся въ земскій судъ Адамъ и Варвара Лотецкіе спрашивали „кого они ищутъ“, и когда имъ сказали, то про нихъ Адамъ сказалъ сіи слова: „нѣтъ, вы тѣхъ не возьмете, скорѣе сами сядете: насъ ѣдитъ много, и вамъ не унять холеры“.

Энергическій становой приставъ, услышавъ эти слова, столь ясно выражающіе ужасное преступленіе, и соображая, что болѣзнь эта происходитъ отъ одной воды, ибо кто только выпьетъ таковой съ жаждою, то получаетъ тотчасъ воспаленіе и отъ сего смерть, что доказывается даже и тѣмъ, что простонародье, употребляя самыя простыя противуядныя средства, получаетъ облегченія, тотчасъ принялъ слѣдующія мѣры: 1-е распорядился во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ и хуторахъ своего стана вычистить колодцы до новой воды, которую переваривать и тогда употреблять; 2-е имѣть бдительный надзоръ въ ночное время за появленіемъ иногородныхъ людей, которые „большею частію слѣдуютъ въ простыхъ повозкахъ, упряженныхъ одною или двумя лошадьми, сверху поклѣтъ покрытъ бѣлымъ хрящевымъ холстомъ, въ день они располагаются для растаха близъ большихъ дорогъ, показываютъ себя будто-бы слѣдующими въ путь, а въ ночное время скитаются въ ближайшихъ селеніяхъ и навѣрно не съ благонамѣренною цѣлью, каковыхъ брать, не взирая ни на какіе предъявляемые ими документы“.

Обо всемъ изложенномъ выше становой приставъ донесъ зміевскому земскому суду, который „для принятія строгихъ и бдительныхъ со всею аккуратностію мѣръ за проѣзжающими иногородными людьми, особенно польской націи, на коихъ падаетъ сильное подозрѣніе къ зараженію въ колодцахъ воды, и объ учрежденіи при переправахъ и водочерпательныхъ ископахъ постоянно ночного и дневного караула, далъ знать приставамъ 1 и 2-го стана и сообщилъ сопредѣльнымъ градскимъ и земскимъ полиціямъ, а также и зміевской градской полиціи и окружному управленію, извѣстилъ и комитетъ украинскаго военнаго поселенія", для зависящихъ со стороны ихъ распоряженій, и кромѣ того донесъ обо всемъ харьковскому губернатору и губернскому правленію.

По полученіи донесенія земскаго суда военный губернаторъ г. Харькова и харьковскій гражданскій губернаторъ Муховъ предложилъ своему адъютанту произвести о настоящемъ происшествіи обстоятельное изслѣдованіе. По изслѣдованіи, адъютантъ донесъ, что люди задержанные по подозрѣнію въ отравленіи колодцевъ оказались въ этомъ случаѣ невинными, ибо на это доказательствъ и при нихъ отравительныхъ веществъ никакихъ не найдено. Людей этихъ было шесть человѣкъ, въ двухъ телѣгахъ, изъ которыхъ въ одной ѣхалъ показывавшій себя дворяниномъ Адамомъ Лопицкимъ съ своею матерью и малолѣтнимъ сыномъ, а въ другой двоюродный братъ Адама, показывавшій себя дворяниномъ Максимомъ Лопицкимъ и при нихъ находилась женщина и дѣвочка полуторыхъ лѣтъ, взятая на воспитаніе кавказской области въ селеніи Бѣлоглинкѣ. Тѣ и другіе проѣзжающіе были взяты разновременно въ селеніи Сивашахъ и отправлены въ первый станъ. Изъ нихъ называвшій себя Максимомъ Лопицкимъ при въѣздѣ въ селеніе Алексѣевское вдругъ погналъ лошадей и оставилъ пѣшаго десятскаго. Адамъ-же Лопицкій былъ препровожденъ изъ становой квартиры въ Зміевъ. При слѣдованіи его туда черезъ с. Тарановку мать его заболѣла холерою и черезъ два дня умерла, почему онъ и задержанъ былъ при сельской расправѣ для погребенія матери. За нѣсколько часовъ передъ смертью ея пріѣхалъ туда и скрывшійся отъ десятскаго Максимъ Лопицкій. Онъ былъ заарестованъ сельскимъ засѣдателемъ, который отобралъ отъ него видъ, деньги 24 золотыхъ и вещи, заключающіяся въ слѣдующемъ: 40 жен-

скихъ платьевъ шелковыхъ и ситцевыхъ, нѣсколько женскихъ шляпокъ, 30 рубахъ, 8 одѣялъ, 27 аршинъ тонкаго полотна, нѣсколько молотковъ разной величины, ружье со всѣми припасами, большой кинжалъ и разная мелочь, въ родѣ платковъ и тому подобнаго. Представленный становому приставу арестантъ былъ послѣднимъ освобожденъ, такъ какъ по разсмотрѣніи вещей и паспорта ничего не оказалось у него подозрительнаго. При допросѣ Адамъ Лопицкій, содержавшійся въ зміевскомъ тюремномъ замкѣ, показалъ, что фамилія Лопицкихъ была имъ принята по просьбѣ его покойной матери, по той причинѣ, что плакатному паспорту, выданному ему черниговской губерніи, суражскаго уѣзда, казеннаго селенія Рудки Касицкой, прошелъ срокъ, а потому онъ и воспользовался паспортомъ, принадлежащимъ его матери; настоящая же его фамилія Иванъ Васильевъ сынъ Маршалка, званіемъ государственный крестьянинъ, какъ и значится въ плакатномъ его паспортѣ. Что-же касается до отпущеннаго становымъ приставомъ Максима Лопицкаго, то онъ его родной братъ Никифоръ Васильевъ сынъ Маршалка, тоже государственный крестьянинъ того-же селенія, которому и принадлежитъ платежная книжка, приложенная къ дѣлу; билета же у него собственнаго не было, такъ какъ начальство не выдало ему, по случаю нахожденія его подъ слѣдствіемъ за найденную у него какую-то фальшивую печать; въ дорогѣ же онъ пользуется паспортомъ своего шурина, дворянина Максима Афанасьева сына Лопицкаго, съ его согласія, почему онъ и принялъ званіе и фамилію упомянутаго шурина.

По приведеніи въ извѣстность всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, харьковское губернское правленіе отмѣнило распоряженіе зміевскаго земскаго суда о задержаніи всѣхъ проѣзжающихъ иногородныхъ людей, распространяя это правило только на людей, которые окажутся дѣйствительно подозрительными и не имѣющими узаконенныхъ документовъ. Становому-же приставу и земскому суду сдѣланъ строгій выговоръ, съ опубликованіемъ, и предписано, чтобы впредь дѣйствовали осмотрительнѣе [1]).

П. Ефименко.

---

[1]) Извлечено изъ дѣла харьковскаго губернскаго правленія, хранящагося въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Названіе дѣла: о выведеннымъ зміевскимъ земскимъ судомъ подозрѣніи на проѣзжающихъ людей въ заразѣ воды для доставленія болѣзни холеры, началось 14 іюля 1848 года.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ ПО ПОВОДУ СЛУХОВЪ О КОНЧИНѢ МІРА.

Извѣстно, что въ средніе вѣка и позднѣе на западѣ періодически возникали и быстро распространялись слухи о предстоящей кончинѣ міра. Обыкновенно предсказывался годъ, когда нужно ожидать конца вселенной, и это предсказаніе производило волненіе умовъ, иногда принимавшее опасные размѣры. И у насъ время отъ времени народъ проникался мыслью о кончинѣ міра. Ожиданіе страшнаго суда обнаруживалось чаще всего при какомъ нибудь общественномъ бѣдствіи, напримѣръ во время мора или голода, или при какихъ-либо необыкновенныхъ явленіяхъ природы, въ родѣ солнечнаго затмѣнія, паденія аэролитовъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ въ старину, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, „бысть на всѣхъ страхъ и трепетъ велій, и смутишася и ужасошася людіе, и отчаяшася живота, мняше, *яко скончаніе міра пріиде*“. У насъ, въ Малороссіи, общее ожиданіе страшнаго суда было вызвано моромъ и голодомъ, свирѣпствовавшими съ 1710 по 1712 годъ. Тогда народъ „думалъ, что пришла уже кончина міра, упражнялся въ моленіяхъ, пріуготовлялся къ смерти и мало заботился о своей нестерпимой жизни“ (Ист. Малор. Маркевича II, 538). Солнечныя затмѣнія, какъ извѣстно, до позднѣйшаго времени возбуждали въ народѣ толки о кончинѣ міра. Въ 1840 году полное солнечное затмѣніе произвело въ Черниговѣ сильную тревогу. Въ то время была тамъ ярмарка; собравшіеся на торгъ крестьяне, побросавъ все, одни спѣшили убраться поскорѣе домой, а другіе съ воплемъ бѣжали, сами не зная куда; явился какой-то проповѣдникъ и обратился къ толпѣ съ назидательными увѣщаніями покаяться въ сей послѣдній день. Солнце просіяло—и всѣ успокоились (Поэтич. воззр. славянъ на природу I, 755).

Кромѣ того, появленію слуховъ о грядущемъ страшномъ судѣ у насъ способствовала иногда и письменная литература. Иногда между нашими грамотничками вдругъ распространялось, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, какое-нибудь рукописаніе, которое заключало въ себѣ предсказаніе о роковой міровой катастрофѣ и приглашало населеніе къ покаянію. Очень можетъ быть, что эти рукописанія были просто переводами съ польскаго или съ иностранныхъ языковъ. Но такого-же рода произведенія, вѣроятно,

появлялись также изъ-подъ пера мѣстныхъ грамотѣевъ, въ родѣ городскихъ и сельскихъ дьяковъ, которымъ почему-либо нравилось произвесть извѣстную сенсацію въ народѣ. Старики нашихъ деревенскихъ захолустьевъ можетъ быть еще до сихъ поръ хранятъ у себя нѣкоторыя произведенія въ этомъ родѣ, которыя ходили по рукамъ, какъ мы помнимъ, еще въ сороковыхъ годахъ и переписывались на перерывъ всѣми грамотными людьми въ селахъ.

Объ одномъ изъ произведеній упомянутой категоріи, появившемся въ концѣ прошлаго столѣтія, мы находимъ указаніе въ ниже приводимомъ распоряженіи воронежскаго и харьковскаго генералъ-губернатора Черткова. Настоящее предложеніе заключаетъ въ себѣ циркуляръ, разосланный въ 1785 г. полицейскимъ властямъ генералъ-губернаторства, объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—89 годахъ свѣтопреставленія. Слухъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будтобы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина и переведены съ латинскаго по распоряженію одного изъ архіереевъ. Приводимый документъ найденъ нами въ связкѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ и заключающей въ себѣ дѣла разныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ харьковской губерніи, преимущественно бывшаго бѣловодскаго городническаго правленія. Г. Бѣловодскъ принадлежалъ сначала слободскому острогожскому полку, за тѣмъ входилъ въ составъ воронежскаго намѣстничества, нынѣ это слобода старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

П. Ефименко.

ОРДЕРЪ БѢЛОВОДСКОМУ ГОРОДНИЧЕМУ ГОСПОДИНУ СЕКУНДЪ-МАІОРУ АЛТУФЬЕВУ.

Случилось мнѣ видѣть копію съ перевода о сыскапномъ яко-бы въ Венеціи, близь города Праги, называемомъ Вѣна, въ рудокопныхъ заводахъ, гробѣ какого-то бернада, въ рукахъ коего на каменной доскѣ, имѣлись написанные стихи касательно до кончины мира и прочаго.

Читая тѣ стихи, ничего въ нихъ, кромѣ пустословія, не сыскалъ я; ибо сколько означеніе мѣста доказываетъ сочинителя или выдумщика такого, который ни малѣйшаго свѣдѣнія о географіи не имѣлъ, написавъ противъ всякаго съ мѣсто-

положеніемъ тѣхъ городовъ сходства, что тѣ стихи сысканы въ Венеціи близь города Праги, называемомъ Вѣна. А какъ извѣстно, что всѣ оные три города суть столичные: 1-й венеціанской республики, 2-й королевства Богемін, а послѣдній эрцъ-герцогства австрійскаго и столица римскаго императора; изъ которыхъ, какъ по генеральной европейской картѣ видѣть можно, отстоятъ Прага отъ Венеціи по линіи перпендикулярной не менѣе 300, а Вѣна отъ Венеціи-жъ не менѣе пятисотъ верстъ. Столь исплетенное къ обману въ тѣхъ стихахъ предсказаніе не заслуживаетъ никакого вѣроятія, какъ и изъясненная въ нихъ о 1788 годѣ матерія, 1789 году противорѣчащая, ясно то открываетъ. Да и можно-ли повѣрить въ змышленному человѣкомъ писанію о такихъ матеріяхъ, кои вовсе отъ свѣдѣнія смертныхъ сокрыты и никакою наукою не испытаны.

Хотя-жъ какой-то злоумышленникъ дерзнулъ написать въ переводѣ, что тѣ стихи съ латинскаго языка переведены будто-бы по повелѣнію знатной духовной особы, въ переводѣ томъ по имени изъясненной; но благоразуміе того мужа свѣту извѣстное вовся отнимаетъ вѣроятіе о дачѣ такова позволенія, яко ко вреду простолюдиновъ и легкомысленныхъ людей служащаго. И какъ онѣ будучи не озарены просвѣщеніемъ, разсѣваемымъ объ оном предсказаніи слухомъ (что слышу по многимъ мѣстамъ уже и разсѣяно), легко могутъ быть не токмо обмануты, и повѣрить оному, но достаточные изъ нихъ, представляя яко-бы толь краткое для жизни ихъ время, могутъ сдѣлаться расточительными, и о собственности небрегущими, а бѣдные вовся оставятъ попеченіе и труды о пріобрѣтеніи жизненному содержанію своему нужного, и тѣмъ, какъ самымъ себѣ, такъ и обществу сдѣлаются вредными; то въ предварительное такова зла пресѣченіе предлагаю вамъ о приложеніи всевозможного старанія ко истребленію того неблагонамѣренно разсѣяннаго слуха между простолюдиновъ и о побужденіи ихъ къ неотложному трудолюбію и упражненіямъ имъ свойственнымъ и къ ихъ-же пользѣ относящимся. А для такова-жъ исполненія дать съ сего предписанія копію и уѣздному стряпчему.

Василей.

Октября 4 дня 1785 года.

P. S. О семъ внушеніи надобно взять такія пристойныя мѣры, чтобъ пустоту сію разглашаемую искоренить исподтишка, безъ всякой огласки, и подъ видомъ, что не по повелѣнію сіе дѣлается, но что вы сами услыша тѣ разглашенія вздорныя признали пустословными и зломышленными, и по долгу званія своего имъ истолковать и ихъ отъ того воздержать за нужно поставляете. А между тѣмъ, если, паче чаянія, усмотриге, что тѣ разглашенія часъ отъ часу размножаются и утверждаются еще съ различными къ тому неистовыми прибавленіями, въ такомъ случаѣ, ради истребленія таковаго вздорнаго и неистоваго разглашенія, за отбытіемъ изъ Воронежа г-на правителя намѣстничества, доносите мнѣ, а когда возвратится, къ нему г-ну губернатору.

Чертковъ.

НАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ У ЧЕРНОМОРЦЕВЪ.

Нижеслѣдующіе „наговоры“ отъ болѣзней записаны нами въ станицѣ Новоминской, ейскаго уѣзда, кубанской области. На сколько намъ извѣстно, наговоры эти распространены вообще по всему ейскому уѣзду, т. е. въ мѣстности, составлявшей раньше часть бывшаго черноморскаго войска. Составляя продуктъ историческаго прошлаго, они годъ съ годомъ утрачиваютъ все больше и больше свое прежнее значеніе, уступая мѣсто болѣе здравымъ понятіямъ о физическихъ недугахъ. Тѣмъ не менѣе и теперь еще не мало населенія слѣпо вѣритъ цѣлительной силѣ „наговора“ и въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія черноморцы даже изъ привиллегированныхъ классовъ. Хранителями наговоровъ являются щептухи, знахари и знахарки и отчасти люди „начитанные“, побывавшіе въ Кіевѣ, въ разныхъ монастыряхъ и слѣпо вѣрящіе въ то-же время въ дѣйствительность событій, воспѣтыхъ Мильтономъ въ „Потерянномъ раѣ“, высоко ставящіе сказаніе о пятницахъ и пр. Записанные нами „наговоры“ мы передаемъ въ той редакціи, которая найболѣе близка къ мѣстному разговорному языку.

Наговоръ отъ остуды.

Добрый вечіръ тобі Уляно, святая, орданская, ангельская и архангельская! Ты прибуваешъ изъ горъ и долинъ, лугівъ и берегівъ, що-бъ такъ и до мене рабы Божои (такой-то или такого-то) прибували добри люди и дівчата (или женихи); ты очищаешъ и обливаешъ долины, луга, берега, каміньня и кремінья,— очисть-же и обмый одъ мене (такой-то или такого-то) рабы Божои остуду, студище, клевету, клеветище, поговоръ, поговорище и прозоръ, прозорище—чоловічи, жіночи, хлопьячи, дівочи, подумани, погадани, попівски, дяківски, діянконски и одъ всякои скверноты—колдунника, колдунницы, епатника, епатницы и еретика и еретицы.

Наговоръ отъ напрасныхъ нападокъ людей и судовъ.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единаго Бога“...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоить дубъ, а на тімъ дубу стоять три стовпи дубовіе и на тіхъ стовпахъ біли білокаменни палаты, а въ тіхъ палатахъ стоять столы тесовне, позастилани, а за тими столами сидять судьди, а хто-жъ буде мене у цімъ суді судити, то той-же буде изъ мене кровь пити. Я

цей судъ опровергаю, заключаю и замыкаю въ сімдесятъ ключей залізныхъ и въ окіянъ-морс, підъ білорізъ камінь ключи закидаю, а хто-жъ тиі ключи достане, то той жени раби Божій (такой-то или такому-то) въ цімъ суді супротивникомъ стане.

Наговоръ „въ пути ночлега и въ науці волівъ".

Господи благослови! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, матіръ Елену и жену Елисавету! Сохранявъ Господь царя Давида отъ царя Савула—сохрани и мене раба Божого (имя рекъ) на цімъ місті въ ночлезі и одъ всякон напасти и лихого чоловіка. Аминь, аминь, аминь.

Наговоръ отъ гадины.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единаго Бога"...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоить дубъ, а въ тімъ дубу—срубъ, а въ срубі—змінный зубъ. Змій окатиха, опалиха, одимиха, омижиха! Въ чистомъ полі на рябому коні Господь Самъ поізжае, искае змін окатихи, опалихи, одимихи, омижихи. Выймить изъ раба Божого (такого-то или такой-то) няи ихъ худобы змінный зубъ та положить гадові въ срубъ, а не выймете, виновати будете.

Наговоръ отъ бишихи.

Надо предварительно проговорить: „Отче нашъ"...

Ишло сімъ попівъ, несло по сімъ ціпівъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи грабель, ишло сімъ попівъ, несло по семи лопатъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи метелъ, зострілн бишиху водяну, вітряну и пристрітну на рабу Божому (имя рекъ). Мы тебе бишиху ціпами розмолотимо, граблями розгребемо, лопатами раскидаемъ, а метлами розметемъ, тутъ тобі на раби Божому не бути, тіла не рвати и не сушити, кости не ламати, крови не пити. Идя собі на чорни луга, де буйный вітеръ свиставъ, пребувавъ! Аминь.

Наговоръ отъ колючки.

Надо предварительно проговорить три раза: „Богородице, Дѣво радуйся"...

Богородице, Діво радуйся! Благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу Тебе, Пресвятая, стань въ помощь ежечасно и минутно, изжени ци злие помыслы—колючку, колючяще! Подумана, погадана, вітряная, мужича, жіноча, хлопьяча, дівоча и пристрітная! тебе вышіптую и выговорюю Божою помощію, щобъ ты въ цімъ рабу Божому (или Божый) не стояла, червоной крови не пивала, білого тіла не стягала. Изойди собі одъ раба Божого на чорніи луга, на перепалы, де буйный вітеръ свиставъ, пребувавъ.

Наговоръ отъ огня.

Господи Боже нашъ, спасай одъ огня! Яко-же спасавъ есп въ пещи огненной трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Михаила, не попустивъ тимъ ни мало вредитися отъ пламени, и Даніила отъ устъ львовыхъ избавивый и Мойсея отъ рукъ Фараона, соблюдивъ и святую Феклу отъ огня и звірей, также спошли и мени рабу твоему (имя рекъ) отъ цёго огня и страданія, ціен пламени горящои.

Наговоръ отъ крикливецъ.

Надо предварительно три раза проговорить: „Богородице Дѣво радуйся“...

Богородице, Діво радуйся, благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу тебе, Пресвятая Діво, стань въ помочи скечасно, минутно цёму младенцеви (имя рекъ), изжени ціи злыи помыслы—крикливици, плаксивици, ночници, полуночници, денници, полуденници и не сплячки, помыслени, погадани, вітряніи и паслани. Я васъ изсылаю на очерета, на болота, щобъ вы въ цімъ младенці не стояли, головы его не ламали, семдесятя семи суставівъ не ламали и червоной крови не пивали, вышіптую и выговорюю Божою помощію и Пресвятою Богородицею, со всіми святыми во віки амінь.

Сообщ. **Ф. Щербина.**

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Маститый нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ въ іюньской книжкѣ „Русской Старины“ за нынѣшній годъ помѣстилъ замѣтку о судьбѣ успенской церкви въ Переяславѣ, съ именемъ которой соединено воспоминаніе о присоединеніи Малороссіи къ московскому государству. Оказывается, что той церкви, въ которой приносилъ присягу Богданъ Хмельницкій, уже нѣтъ, а осталось лишь нѣсколько отъ нея брусьевъ, вошедшихъ въ стѣны нынѣшней весьма ветхой церкви.

Но въ Переяславѣ есть другой исторической памятникъ, менѣе древній, но болѣе сохранившійся; разумѣемъ церковь Покрова Божіей Матери. Первоначальное построеніе этой церкви относятъ къ 1614 году, и вѣроятно она была деревянная. То было время господства поляковъ, а вмѣстѣ съ ними и польско-католическаго духовенства. Въ Переяславѣ, какъ и въ Черниговѣ были вводимы ихъ обычаи, языкъ и управленіе. Пробовали вводить и свою вѣру,

въ видѣ уніи; храмы православные обращались въ уніатскіе и католическіе. Староста переяславскій и воевода брацлавскій Лука Жолкѣвскій, племянникъ гетмана Жолкевскаго, построилъ (въ 1638 г.) при покровской церкви іезуитскій коллегіумъ. Взбунтовавшійся впослѣдствіи народъ (въ 1666 г.) разметалъ коллегіумъ и прахъ основателя его, погребеннаго при той церкви, вырылъ изъ земли и разбросалъ съ ожесточеніемъ.

Полковникъ переяславскій Мировичъ, племянникъ гетмана Мазепы, положилъ основаніе новой покровской каменной церкви, въ 1704 г., но на томъ-ли мѣстѣ стоитъ она, гдѣ была прежде, или на другомъ, не знаемъ. Въ рукописномъ сказаніи о построеніи этой церкви, которое въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія хранилось въ ризницѣ ея, отмѣчено только, что изъ прежней церкви перенесены всѣ церковныя вещи въ новую, при освященіи ея въ 1709 годѣ.

Нынѣшній покровскій храмъ въ Переяславлѣ имѣетъ мѣстами стѣны чрезмѣрно массивныя, до 3-хъ аршинъ толщины; съ южной и сѣверной сторонъ подѣланы вверху надъ дверями тайники, которые выведены въ стѣнахъ, на подобіе комнатъ. Говорятъ, что въ нихъ, при нападеніи непріятеля, скрываемы были церковныя вещи и казна. Къ тайникамъ ведетъ небольшая, въ родѣ окна, дверь, которая легко закладывается кирпичемъ, и никто не можетъ знать о потаенномъ мѣстѣ. Съ южной стороны находится, внутри церкви, потаенная каменная лѣстница, ведущая на верхъ купола, гдѣ стояла, какъ полагаютъ, стража, наблюдавшая за движеніями происходившими вокругъ города, особенно по теченію Днѣпра, отстоящаго отъ Переяслава въ 7 верстахъ. По первому извѣстію объ опасности, угрожавшей жителямъ, давалось имъ знать колокольнымъ звономъ.

О построеніи каменной покровской церкви передаютъ, между прочимъ, такой разсказъ. Полковникъ Мировичъ, возводя ее по плану художественному, навелъ на себя негодованіе гетмана Мазепы за то, что храмъ въ архитектурномъ отношеніи превосходилъ вознесенскій монастырь, построенный гетманомъ. „Есть люди“, сказалъ однажды Мазепа племяннику своему, „которые заботятся о пріобрѣтеніи богатыхъ экипажей и ими щеголяютъ; строятъ пышныя зданія и ими тщеславятся, а мы съ тобою начали строить храмы,

кажется, не для того, чтобы щеголять другъ предъ другомъ". „Такъ, ясневельможный гетмане, отвѣчалъ ему племянникъ; я никогда не думалъ объ этомъ; строилъ такъ, какъ мнѣ казалось лучше. Я никогда не осмѣливался выказывать себя предъ народомъ".

Церковь была уже возведена до половины и Мировичъ, послѣ этого разговора, приказалъ поскорѣе окончить ее, какъ попало, не заботясь о строгомъ выполненіи плана.

Несмотря на то, построенный гетманомъ въ 1700 г. вознесенскій монастырь, не имѣетъ той красоты, какъ покровская церковь; въ послѣдней соблюдена стройность и правильность въ размѣрахъ, но только до куполовъ.

Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ тоже время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ. На немъ представлены, по его желанію: государь Петръ I и государыня Екатерина I, въ царской одеждѣ; государь со скипетромъ и державою. Подлѣ царя стоитъ гетманъ Мазепа, въ своей гетманской одеждѣ; близъ государыни придворныя дамы, въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него священство... Надъ всѣми ими, на облакахъ, покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ...

Образъ покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и кистью художественною. Государь и государыня довольно похожи, только государь нарисованъ моложавымъ. Мазепа и Ѳеофанъ Прокоповичъ болѣе всего похожи. О другихъ особахъ, какъ-то: дамахъ, козакахъ и духовенствѣ, трудно сказать, кто они; строитель храма нарисованъ такъ-же здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, что стоитъ подлѣ гетмана...

Живопись прекрасная, и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи, соблюдена отчетливая отдѣлка въ нарядахъ современныхъ, въ правильной разстановкѣ всей группы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо.

Какой же былъ поводъ къ изображенію главныхъ современныхъ лицъ, и откуда взяты настоящіе ихъ лики? Говорятъ, что

Мировичъ велѣлъ изобразить ихъ въ ознаменованіе благодѣтельнаго вліянія на Малороссію, которая наслаждалась покоемъ подъ державой Россіи, что онъ желалъ представить Малороссію въ ликахъ первенствующихъ малороссіянъ, а Россію въ царственныхъ особахъ и что онъ въ образѣ Покрова поручалъ Россію и Малороссію заступничеству Божіей Матери.

Лица державныя, придворныхъ особъ и Ѳеофана Прокоповича писаны, какъ разсказываютъ, съ потретовъ, имѣвшихся у художника. Гетманъ и козаки взяты съ дѣйствительности; что же касается государя, то онъ бывалъ въ Переяславѣ, и художникъ могъ видѣть его и схватить выразительныя черты его лица.

Сохранилось еще одно знаменательное преданіе о Мазепѣ, связанное съ именемъ этой церкви. Когда онъ замыслилъ отторгнуться отъ Россіи, что глубоко скрывалъ въ своемъ сердцѣ, то однажды проѣзжалъ мимо покровской церкви, еще прежней, стоявшей около вновь строившейся, и лишь только поровнялся съ храмомъ, какъ лошадь подъ нимъ упала и разшиблась. Народъ, провожавшій его, пришелъ въ ужасъ, изъ толпы раздались голоса: *не не къ добру, що нашъ вельможный упавъ!* Никто изъ стоявшихъ не зналъ, что таилось въ его душѣ, а народъ выразилъ свою боязнь, не думая о томъ, что голосъ народа—голосъ Божій. Преданіе прибавляетъ, что гетманъ немедленно пошелъ въ церковь, палъ на колѣна предъ иконой Божіей Матери и долго молился; слезы катились изъ глазъ его, и когда онъ приложился къ святому лику, то выкатилась будто слеза изъ очей Богоматери, остановилась съ правой стороны Ея лица, почти посреди носа, и что отъ той слезы остались на иконѣ слѣдъ, въ видѣ точки, которую и нынѣ показываютъ.

Гибельный конецъ гетмана извѣстенъ всѣмъ; послѣ битвы подъ Полтавою, 1709 г. іюня 27, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ Карломъ XII въ турецкіе предѣлы, а съ нимъ и строитель покровской церкви Мировичъ; и онъ и Мировичъ умерли внѣ своего отечества.

Оставшаяся въ Переяславѣ жена Мировича, Пелагея, родомъ Голубина, докончила церковь и украсила ее.

Откуда заимствовано свѣдѣніе о паденіи гетмана?—Одна духовная особа въ 50-хъ годахъ передавала намъ, что двадцать лѣтъ

предъ тѣмъ въ Переяславлѣ жила слишкомъ столѣтняя женщина, которую любопытные часто спрашивали, не помнитъ-ли она чего нибудь про гетьманщину? Старуха пересказывала, что видѣла и что слыхала, и между прочимъ о томъ, какъ говорила ей родная ея мать, что вельможный гетманъ Мазепа упалъ съ лошадью предъ покровской церковью и что всѣ стоявшіе тамъ, въ томъ числѣ и ея мать, говорили тогда же, что это не къ добру.

А. Т.

Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ*).

(По списку Лещинскаго).

21) За золотыми воротами, вправо, въ нижней 2-й батареи, именуемой Зміевою пещерою, подъ правый бокъ, на 12 шаговъ въ сторону отъ вознесенской церкви, въ колѣно зарыта прикащикомъ у хозяина винарни, бывшей на Подолѣ близь церкви Воздвиженія надъ Канавою, богатаго и безроднаго грека, шкатулка съ червонцами, во время Гайдаматчины.

22) По дорогѣ изъ Кіева въ Бѣлгородку, въ вершинѣ Святошина, есть раздолъ или яръ, въ яру стоитъ сосна толстая, въ корень ея заколоченъ шиналь, противъ него закопаны деньги.

23) Тамъ-же ниже отъ рѣки есть сосна бортяная, въ которую врѣзанъ конскій копытъ. Противъ сего мѣста недалеко закопана большая трехгранная бутылка червонцевъ.

24) Тамъ-же въ Святошинѣ, близъ рѣки, терновый кустъ надъ дорогою и въ этомъ кусту зарытъ казанъ червонцевъ.

25) Въ селѣ Мостищахъ подлѣ ямы и двухъ дубовъ, на востокъ, цѣлая коша серебряныхъ рублей въ рядѣ, а подъ этимъ кладомъ, глубже въ колѣно, положенъ кувшинъ червонцевъ.

26) По дорогѣ изъ Мостищъ въ Горянки и отъ Горянки къ Межигорью, не доѣзжая, надобно смотрѣть въ лѣвую сторону три сосны съ примѣтами, между которыми зарыты деньги въ колѣно.

27) По дорогѣ изъ Мостищъ въ Горянки и изъ Горянокъ къ Межигорью, не доѣзжая, стоитъ по лѣвую сторону дубъ, въ него забитъ

*) См. «Кіев. Ст.» 1683 г., м. іюнь, стр. 387.

стволъ, отъ этого дуба на сѣверъ въ пяти шагахъ зарытъ казанъ червонцевъ.

28) Ниже Мостищъ находится островъ, выдавшійся изъ р. Ирпеня въ пустыню. На этомъ островѣ разбойники зарыли 7,000 червонцевъ и золотой крестъ. Сверху примѣта надъ червонцами крушиновый кустъ и близъ него дубовый кустъ, подъ которымъ и кладъ.

29) Въ межигорскомъ бору, близъ Демидова Острова, есть Лоева гора, въ концѣ которой есть рубленая криница, противъ криницы въ 10 шагахъ толстая сосна. Отступивъ отъ сосны на востокъ солнца пять шаговъ, надо искать огнища, подъ которымъ казанъ червонцевъ; а отъ этого клада на пять шаговъ къ востоку зарытъ сундукъ съ серебряными деньгами и серебряною посудою на 10 человѣкъ.

30) По дорогѣ изъ Кіева къ Броварамъ насупротивъ 9-й версты направо стоитъ сосна розведена, подъ тою сосною большой кладъ денегъ разнаго сорта и много серебряной посуды.

31) Противъ стараго перевозу Сорокотичь есть камень противъ села Рытячи, а подъ мамнемъ кладъ денегъ.

32) За Днѣпромъ подлѣ краснаго трактира стоитъ сосна, а на той соснѣ вырѣзаны знаки: сабля и пика, и не глубоко подъ сосною зарыты саквы червонцевъ.

33) Въ Межигорьѣ, на горѣ, противъ церкви, подлѣ Владимірова дуба, въ древнемъ саду монашескомъ былъ глубокій колодезь, а на дно онаго опущены разныя драгоцѣнныя вещи церковныя и домашнія, и колодезь зарытъ землею до верху.

34) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казанъ червонцевъ.

35) За Днѣпромъ, въ софійскомъ бору есть яръ, по которому надо идти до самой вершины на раздолье: тутъ будетъ большая куча муравьевъ и дубъ межъ ними изрытый (sic)

36) Насупротивъ перевозу, гдѣ въ водополицу полную паромъ пристаетъ, стоитъ сосна на востокъ отъ пристани и въ трехъ шагахъ отъ нее казанъ червонцевъ на 3 человѣка.

37) По дорогѣ въ Межигорье по правую сторону крестъ съ изображеніемъ распятія, внизу-же криница, выше той криницы на бугрѣ сундукъ денегъ.

38) Тамъ-же, противъ пустой каплицы колодезь, чрезъ яръ по дорогѣ отъ Межигорья — по правую сторону или по лѣвую, не доѣзжая Межигорья, стоитъ липа въ песку, а подъ липою мѣдное барило денегъ, три полумиски серебра и 20 стакановъ серебряныхъ вызолоченыхъ.

39) По пути изъ Кіева въ Бровары есть мѣсто у Вигуровки надъ яромъ съ крестомъ и подлѣ кладъ.

40) Надъ водицею есть дубъ и сосна, между которыми подъ сосною, на край, вырѣзаны голова и посреди крестъ, зарыты деньги на 12 человѣкъ.

41) За Днѣпромъ бѣжитъ ровчакъ изъ Царницы и около него стоятъ три сосны, изъ которыхъ на одной вырѣзаны копье и сабля. Тамъ съ края лѣса лѣжатъ червонцы.

42) Ниже Вишенокъ въ Оберку близъ толстой сосны съ отломленнымъ верхомъ кладъ.

34) Въ селѣ Дмитровичахъ подъ корчмою лѣваго угла клекъ червонцевъ.

О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ.

И. И. Костомаровъ въ минувшемъ году помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ обширную монографію о Мазепѣ, а въ началѣ этого года издалъ ее отдѣльной книгою. Къ сожалѣнію, почтенный историкъ не только не приложилъ къ ней портрета Мазепы, но не коснулся даже вопроса о томъ, гдѣ искать наиболѣе точнаго портрета этого лица. А между тѣмъ это вопросъ, требующій разрѣшенія нашихъ историковъ и археологовъ.

Наиболѣе распространенный портретъ Мазепы тотъ, котораго подлинникъ находится въ академіи художествъ. Но вотъ справка объ этомъ портретѣ изъ записей императорской академіи художествъ, которую сдѣлалъ для насъ уважаемый Т. В. Кибальчичъ.

„Императорская Академія Художествъ.

Галлерея русской живописи № 2-й.

Портретъ наполмано гетмана малороссійскихъ войскъ“.

„Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицемъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда

и разстегнутый коричневый кунтушъ, обложенный на груди золотымъ позументомъ. Фонъ темный.—Грудное изображеніе. Вышина портрета: 17, ширина: 13½—Х.

„Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ за портретъ Мазепы* (sic).

Портретъ—работы Ивана Максимовича Никитина. Родился не позже 1690 г., ум. послѣ 1744 г.“

Итакъ это не портретъ Мазепы, какъ говоритъ наша академія, но и не портретъ Скоропадскаго,—скажемъ мы. Портретъ Скоропадскаго есть и доселѣ въ гамалѣевскомъ монастырѣ, имъ основанномъ (стѣнное изображеніе во весь ростъ) и ничего общаго съ академическимъ портретомъ не имѣетъ. Мазепа вовсе не былъ *наказнымъ* или *напольнымъ* гетманомъ, да и самаго этого названія наказные малороссійскіе гетманы никогда не носили. Чей-же портретъ въ академіи долго слылъ за портретъ Мазепы и гдѣ искать точнаго его портрета? На первый вопросъ отвѣчать не беремся, а для рѣшенія втораго предлагаемъ слѣд. свѣдѣнія.

Въ типографіи кіево-печерской лавры сохранились гравировальныя доски конца XVII в., работы, вѣроятно, извѣстнаго гравера кіевскаго Иннокентія Щирскаго, а недавно сдѣланные оттиски съ этихъ досокъ находятся въ музеѣ древностей при кіевской духовной академіи. На одномъ изъ нихъ изображено взятіе Кизи-керменя въ 1697 г. и при этомъ портреты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Ив. Ст. Мазепы, на другомъ—апоѳеоза Мазепы, гдѣ всю середину картины занимаетъ потретъ Мазепы, а вокругъ него знаменія его дѣлъ. Какъ ни блѣдны полученные теперь оттиски, но и по нимъ ясно видно, что здѣсь Мазепа это совсѣмъ не то лицо, что на портретѣ академіи художествъ. Безъ всякаго сомнѣнія, оба современныя изображенія предназначались для подпесенія Мазепѣ и, конечно, художникъ приложилъ все стараніе о точности ихъ, такъ что сомнѣнія въ вѣрности общихъ чертъ лица быть не можетъ. А эти черты лица совершенно сходны опять съ чертами лица Мазепы на современномъ также его портретѣ, сообщенномъ намъ въ фотографическомъ снимкѣ В. И. Горленкомъ, потомкомъ того самаго полковника Димитрія Горленка, который бѣжалъ съ Мазепою и не скоро возвратился, получивъ прощеніе. Въ домѣ столь близкаго къ

Мазепѣ лица не могло быть плохаго его портрета. На этомъ, какъ и на лаврскихъ изображеніяхъ, черты лица гетмана совершенно правильныя, лице нѣсколько продолговатое, благообразное, возрастъ средній— лѣтъ за 40, бороды нѣтъ, а только небольшіе красиво лежащіе усы. Первое изображеніе грудное, два другія во весь ростъ. Весьма сходный съ ними портретъ Мазепы былъ, говорятъ, у Михаила Ал. Максимовича, но мы его не видѣли и ничего о немъ сказать не можемъ.

Есть за тѣмъ рядъ портретовъ Мазепы польскаго типа, гдѣ гетманъ представленъ старымъ, съ раздвоенною небольшою сѣдою бородою. Въ лицѣ болѣе хитрости, коварства, запечатлѣвшихъ послѣдніе годы его жизни. Такой портретъ въ копіи помѣщенъ въ альбомѣ де-ля-Флиса, находящемся въ музеѣ кіевской академіи, а копія снята съ весьма стараго портрета, находившагося въ с. Монастырькѣ, кіев. губ., звен. у., близъ м. Лысянки, гдѣ былъ уніатскій монастырь, закрытый въ 1839 г. Тутъ поражаетъ своею пестротою разноцвѣтный костюмъ Мазепы, шитые золотомъ заостренные сапоги и высокая шапка съ двойнымъ перомъ. Не смотря на старый возрастъ гетмана, черты лица здѣсь напоминаютъ кіевскія современныя изображенія и портретъ, принадлежащій г. Горленку. Сходный съ нимъ портретъ помѣщенъ въ исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго. Подобный-же портретъ, писанный придворнымъ Станислава-Августа художникомъ съ неизвѣстнаго оригинала, былъ у кіевскаго жителя г. Иваницкаго и недавно отправленъ имъ въ краковскую академію.

Наконецъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что старинный, вѣроятно, современный, портретъ Мазепы находится на Аѳонѣ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХИ НА ИЗМѢНУ МАЗЕПЫ.

Въ синодальной библіотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей подъ № 5-мъ находятся слѣд. стихи неизвѣстнаго современника, старающагося выразить чувства Россіи, по поводу измѣны Мазепы, напоминающіе службу церковную, составленную по повелѣнію Петра, на день полтавской викторіи.